

Навель Тельбак
ЗЕМЛЯКИ

Навель Тельбак

ЗЕМЛЯКИ

Павел Телъбак

ЗЕМЛЯКИ

Наверъ Тумбак

ЗЕМЛЯКИ

ПОВЕСТИ

ВИЛЬНЮС — 1975

© Издательство «Вага», Вильнюс, 1975 г.

ОТ АВТОРА

Книгу я назвал «Земляки». Она объединяет две повести — «Гроза в июле» и «Если хочешь быть космонавтом». Их герои — литовец Иосиф Варейкис и еврей Яков Смушкевич — земляки, оба родились на литовской земле. Но не только это их роднит. Они больше чем земляки. Они — братья по духу, интернационалисты, коммунисты.

Обстоятельства сложились так, что большую часть жизни Иосиф Варейкис и Яков Смушкевич провели вдали от родного края. Но всюду, куда только направляла их партия, они не жалели ни сил, ни сердца, чтобы вести народные массы к утверждению новой жизни, утверждению социализма. Тем самым они боролись и за лучшее будущее трудящихся родной Литвы, где в то время еще стояла черная ночь буржуазной диктатуры.

— Наш земляк! — говорят об Иосифе Михайловиче Варейкисе русские, украинцы, белорусы, азербайджанцы, узбеки и туркмены. Во многих республиках и краях нашей страны И. Варейкис, выполняя большую партийную работу, оставил заметный

след, воплощал в конкретные дела свой долг коммуниста-интернационалиста.

— Наш земляк! — говорят о Якове Владимировиче Смушкевиче трудящиеся Белоруссии, Москвы, Вологды, Народной Монголии, коммунисты Испании, где служил в авиации, защищал революционные завоевания дважды Герой Советского Союза прославленный советский летчик Я. Смушкевич.

О нескольких эпизодах героических биографий Иосифа Варейкиса и Якова Смушкевича расскажет эта книга.

ГРОЗА В ИЮЛЕ

ПОВЕСТЬ

ВАРЕЙКИС И. М. (1894—1939) — член партии большевиков с 1913 года. Революционную работу начал в 1911 году в Московской губернии. Принимал активное участие в Октябрьской социалистической революции.

С 1918 по 1937 год находился на ответственной партийной работе: секретарь Донецко-Криворожского обкома партии, председатель Витебского губисполкома, затем секретарь Симбирского и Киевского губкомов партии, секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), заведующий отделом печати ЦК ВКП(б), секретарь Саратовского, Воронежского и Сталинградского обкомов партии, секретарь Дальневосточного крайкома партии.

(Из справки к 43 тому Полного собрания сочинений В. И. Ленина).

Глава первая

ТУХАЧЕВСКИЙ

1

— Вас приглашает Ленин.

— Меня? Владимир Ильич?

Михаил Николаевич хорошо знал голос находившегося на другом конце провода Авеля Софроновича Енукидзе. Под его руководством он служил в военном отделе Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Енукидзе рекомендовал его в партию.

— Вы не ошиблись, товарищ Енукидзе? У телефона комиссар Тухачевский.

— Поторопитесь, Михаил Николаевич, — будничным тоном, как будто ежедневно он приглашал к Ленину комиссара Московского района западной завесы, произнес Амель Софронович. — Я вас жду в Кремле, у подъезда здания Судебных установлений.

★ ★ ★

Собирая разложенные на столе бумаги, комиссар извинился перед ранними посетителями, что не сможет с ними продолжить разговор. Два солдата

пришли к Тухачевскому утром, назвались однополчанами-семеновцами.

— Прослышали это мы, значит, что наш семеновец командует какой-то завесой, — начал разговор старший из солдат, — и решили к вам идти с нашими вопросами, вызывающими сумление. Желательно узнать, что обозначает название вашего военного ведомства — Московский район западной завесы. Солдаты болтают, эта завеса против фронтовиков поставлена, чтобы они не смели домой возвращаться. Так что, извините, но нам бы желательно узнать про эту самую завесу.

Лицо говорившего было знакомо Тухачевскому. Кажется, он служил ординарцем командира батальона. За личную храбрость награжден солдатским Георгиевским крестом. Судя по имени и фамилии, которые назвал солдат, представляясь комиссару, — Йонас Петрила, — он был родом из Литвы. В лейб-гвардии Семеновском полку служило много уроженцев из западных губерний империи. Младший, огромный и неуклюжий, назвавшийся Петром Федоровичем, напоминал отощавшего медведя, только что вылезшего из берлоги. Его, Тухачевский мог ручаться, он никогда раньше не видел. На такую фигуру раз взглянешь — не забудешь.

Михаил Николаевич, который и сам не сильно понимал замысловатое название учреждения, комис-

саром которого совсем недавно был назначен, объяснил, что Советская власть создала завесы вдоль западной, южной и юго-восточной границ, чтобы задержать дальнейшее продвижение немцев в глубь страны. Вся завеса, прикрывающая границы, республики, состоит из двух фронтов — Северного и Западного. Красногвардейские и партизанские отряды, входящие в Западную завесу, одним из участков которой является и Московский район, должны прикрывать от германцев прямое и важнейшее направление к Москве через Смоленск.

— Ясно, комиссар, — прервал объяснения Тухачевского Петр Федорович, — мы с татой можем сказать однополчанам, что завеса не против нас, а против немцев.

— Можете не сомневаться.

— А вот по какую сторону завесы мы находимся? спросил Йонас Петрила. — У нас в этом вопросе неопределенность. Без правильного совета и вовсе не знаешь, как поступить. После замирения с германцами армия вроде стала и без надобности. Полная для всех свобода — шагай, куда ноги приведут. Прокричали «Ура!» Один митинг... второй... Каждый свое горланит. Оружие, что потяжелее, на позициях покидали, а с винтовками да пистолетами каждый сам себе командиром стал.

— Хоть солдаты, хоть офицеры — один черт, — добавил Петр Федорович. — Вот мы с татой газетку раздобыли. Про наших семеновских офицеров тут пропечатано. Может, полюбопытствуете?

Михаил Николаевич взял измятый номер газеты «Известия ВЦИК», вышедший несколько дней назад. Солдат ткнул пожелтевшим от махорки пальцем в набранное мелким шрифтом Сообщение ВЧК о расстреле за государственную измену А. А. и В. А. Череп-Спиридовичей. Это сообщение Михаил Николаевич читал раньше, но по просьбе солдат, которые, как видно, не сильны были в грамоте, прочитал снова вслух:

«По постановлению Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией от 31 мая 1918 года расстреляны за государственную измену и незаконную сделку по продаже акций на 5 миллионов Александр Артурович и Владимир Артурович Череп-Спиридовичи, бывшие офицеры лейб-гвардии Семеновского полка и директора правления Веселянских рудников и «Чистяковоантрацит», а также их комиссионер и биржевой маклер Борис Сергеевич Берлисон».

— Махлёры, акции, — вздохнул Петрила, — ничего не поймешь. А ведь я под командованием Александра Артуровича Череп-Спиридовича всю войну прошел. И брата ихнего Владимира Артуро-

вича знал. Строгие были командиры. Любили в карты играть, к женскому полу были предрасположены, но чтобы так какие акции или какие махлёры, не примечали за ними такого...

— Согласно мирному договору с Германией, — стал объяснять Тухачевский, — Советское правительство обязалось оплатить все ценные бумаги, предъявленные Германией... Агенты германского правительства бросились скупать за бесценок акции, то есть ценные бумаги у фабрикантов, заводчиков, компаний, на предприятия, которые национализировала Советская власть. Фабрик и заводов они все равно лишились. Бумаги их теперь ничего не стоят. Можно порвать и выбросить. А тут немцы за них деньги дают. Хотя и небольшие, но деньги. Вот типы, вроде братьев Череп-Спиридовичей, и продают за гроши не бумаги, а Родину. Ведь немцы предъявят акции Советскому правительству и потребуют оплаты полностью, по цене завода. Да еще золотом.

— Хитро придумали, паразиты! — выругался Петр Федорович. — Одно слово — офицерье. Веры им нет ни на фронте, ни в тылу.

Старший солдат толкнул в бок своего молодого спутника: не болтай, мол, лишнего, комиссар в Семеновском полку тоже золотые погоны носил, и продолжил рассказ:

— Кому есть возможность, домой отправляется. А куда нам деваться? Я из Ковенской губернии, литовец; а Петрусь из виленщины — белорус. И у меня и у него дом под германцем оказался. И выходит, деваться нам некуда. Еще до империалистической меня в армию взяли, его, правда, в конце войны призвали. Куда нам теперь податься, посоветуйте? Из полка ушли, что там делать? Вот в Москве оказались, про латышских стрелков услышали. Среди них не только латыши, но и литовцы и белорусы, есть и поляки — все, у кого родные на захваченной германцами земле проживают. У латышских стрелков порядка больше, один за другого держатся. И командиры у них авторитетные, знают чего делать. Устроились в Москве при латышских стрелках, а теперь приказ вышел — нам на Восточный фронт с отрядом отправляться, а это за Волгой. Выходит, все дальше и дальше от родного дома.

— Война, товарищи, есть война, и вести ее только в родных местах каждого солдата немыслимо. Сейчас Восточный фронт главный, и там, воюя за Советскую власть, вы будете защищать и свой родной край...

На этом месте беседу с однополчанами и прервал телефонный звонок Енукидзе.

— Неужто к самому Ленину идете? — спросил молодой солдат, как только Тухачевский повесил трубку. — Вот бы нам с ним поговорить.

— Больше Ленину делать нечего, — сердито оборвал товарища старый солдат, — как с нами разговаривать. Не зря тебя Медведем прозвали, надо человеческое понятие иметь.

— Я ж понимаю, тату, — сразу же согласился молодой. — Это ж просто так, очень желательно Ленина видеть.

— Извините, товарищи, я не знаю, сколько времени задержусь. Заходите позже, — попросил Тухачевский и заспешил к выходу. Вместе с ним вышли из кабинета и солдаты-семеновцы.

Проводив комиссара, Йонас Петрила с гордостью сказал молодому товарищу:

— Видишь, Медведь, какие у нас люди служили в Семеновском полку, не только Череп-Спиридовичи.

2

Енукидзе не сказал, а Тухачевский не решился спросить, зачем он понадобился самому Ленину. Хотя жизнь Михаила Николаевича за последние месяцы и начала налаживаться, он не чувствовал себя твердо стоящим на ногах. После нескольких лет,

проведенных в плену, все еще не пришла уверенность ни в отдаленном будущем, ни в завтрашнем дне.

Глядя на сутулую спину медленно поднимавшегося по лестнице Авеля Софроновича, Тухачевский неожиданно вспомнил свою бабушку Соню. Мать отца — Софья Валентиновна — была ученицей великого музыканта Антона Рубинштейна. Она боготворила музыку и своего учителя. Любовь к музыке привила и всем домочадцам, постоянно заботилась о музыкальном образовании внуков. Братья Александр и Игорь прекрасно играли на рояле и виолончели. Михаил любил рояль и скрипку.

— Ты будешь хорошим скрипачом, Мишенька, — часто говаривала бабушка, с умилением слушая игру внука.

Предсказанья Софьи Валентиновны не сбылись. Михаил вместо консерватории поступил в военное училище. Не успев привыкнуть к офицерскому мундиру с погонями подпоручика, оказался на фронте. А вскоре — в феврале пятнадцатого года — случилась беда. После дежурства молодой офицер крепко спал в землянке, когда в нее ворвались германские солдаты. Пробуждение походило на страшный сон. У самого лица маячило дуло пистолета. Немецкий офицер яростно кричал, требуя, чтобы подпоручик быстрее поднимался с постели. В две-

рях поблескивали, напоминающие длинные ножи, штыки на винтовках вражеских солдат.

Потянулись дни, месяцы, годы немецкого плена. Четыре раза безуспешно убегал из офицерских лагерей беспокойный подпоручик. Четыре раза его ловили и водворяли в новый лагерь. Когда и после четвертого побега он снова попал в руки жандармов, то назвался рядовым и был посажен в солдатский лагерь военнопленных. Здесь он сблизился со своим однополчанином, солдатом-большевиком Зайцевым. С ним и разработал план очередного, пятого, побега. На этот раз повезло. Когда пленных перевозили из одного лагеря в другой, Зайцев и Тухачевский выпилили дыру в полу вагона и на ходу поезда выбросились на полотно железной дороги. Прижавшись к шпалам, подождали, пока над их головой прогрохочут все вагоны длинного товарного состава. Добрались до Франции, в Париже у русского консула получили документы, деньги для проезда в Петербург.

Друг по плену, Александр Зайцев, который возглавил солдатский комитет в части, рекомендовал Тухачевского инструктором военного отдела Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Здесь Михаил Николаевич пришелся ко двору. С охотой бывал в революционных частях, делился

с новоиспеченными командирами своими военными знаниями, участвовал в формировании добровольческих отрядов Красной Армии.

— Подождите меня здесь, — произнес Енукидзе и скрылся за дверью одного из кабинетов, расположенных на третьем этаже.

«Понедельник — день тяжелый», — подумал Михаил Николаевич. Но этот понедельник, 18 июня восемнадцатого года, он запомнит на всю жизнь. Сейчас он встретится с Владимиром Ильичем Лениным. Тухачевский единственный раз видел Владимира Ильича. Было это сразу же после нового года, шесть месяцев назад. Михаил Николаевич пошел в Михайловский манеж, чтобы участвовать в проводах сводного отряда питерских рабочих на фронт. В центре манежа стоял броневик. Ожидая начала митинга, Тухачевский подошел к машине. Неожиданно он увидел, как на башню поднимается рыжебородый невысокий мужчина в расстегнутом пальто, сжимая в руке кепку.

Ленин!

Собравшиеся в манеже рабочие и солдаты неистовствуют, рукоплещут, кричат «ура!»

Владимир Ильич начинает говорить, и во всем манеже слышится только его голос, люди словно пе-

рестали дышать, замерли, жадно ловят слова, жесты вождя.

Михаил Николаевич еще находился под впечатлением только что услышанной речи, обаяния Ильича, когда вдали послышались два выстрела. По толпе пополз зловещий слух: стреляли по машине Ленина. Трое контриков, белых офицеров. К счастью, они промахнулись. Владимир Ильич невредим. В ту минуту впервые в жизни, Тухачевскому стало горько от сознания, что и он был русским офицером, что и на него могла упасть тень тех троих, стрелявших в вождя революции.

Открылась дверь, и женщина в белой блузке, в длинной черной юбке осведомилась:

— Товарищ Тухачевский?

— Так точно, — ответил Михаил Николаевич, прищелкнув каблуками начищенных до зеркального блеска сапог.

— Владимир Ильич ждет вас.

Тухачевский провел большими пальцами под ремнем. Он был уверен, что на гимнастерке нет ни одной лишней складки, что она ладно облегает его ставшее костлявым от постоянного недоедания тело, но все-таки, прежде чем открыть дверь, посчитал нужным еще раз проверить, в порядке ли на нем форма.

Енукидзе сидел в глубоком кожаном кресле и что-то неторопливо говорил Ленину. Владимир Ильич, подперев рукой щеку, внимательно слушал начальника военного отдела.

— Товарищ Председатель Совета Народных Комиссаров, — застыв по стойке «смирно», стал докладывать о своем приходе Тухачевский, но Ленин перебил его:

— Здравствуйте, Михаил Николаевич, — и, энергично взмахнув рукой, указал на кресло, стоящее напротив того, на котором сидел Авель Софронович.

Тухачевский присел, напряженно выпрямив спину, готовый в любую минуту вскочить, чтобы отвечать на вопросы хозяина кабинета. Со своего места Михаил Николаевич видел лишь поверхность письменного стола, стопку бумаги, страницы, исписанные мелким почерком, пальцы рук Владимира Ильича, сжимавшие карандаш. «Пальцы у Ильича длинные и тонкие, наверное, он хорошо играет на рояле», — мелькнула некстати пришедшая мысль.

— Военный отдел ВЦИКа рекомендует направить вас на Восточный фронт для исполнения работ исключительной важности.

Тухачевский вскочил и вытянул руки по швам, чтобы выслушать приказ главы правительства, ожи-

дающе посмотрел на собеседника, сделавшего паузу. Их взгляды встретились. Чуть приподняв бровь, прищулив глаз, Владимир Ильич изучал молодого человека, приведенного Енукидзе. Одет тщательно, даже несколько щеголевато, хотя обмундирование изрядно поношено. Какие у него необычные глаза — большущие, голубые, удивленно взирающие на мир. Справится ли с нелегкой ношей, которую предлагает взвалить на его плечи военный отдел ВЦИК?

— Вы не возражаете, Михаил Николаевич? — нарушил затянувшуюся паузу Ленин.

— Разрешите узнать, в чем состоит исключительность предполагаемой моей службы на Восточном фронте?

— Речь идет о командовании войсковым соединением. Справитесь с армией?

— Армией? — удивился Тухачевский. — Да я и батальоном никогда не командовал.

— Сомнения ваши мне понятны. Мы рады были бы послать командующими фронтами и армиями опытных и знающих военачальников, беспредельно преданных революции. Таких людей у нас сегодня мало. Вот и приходится производить коммунистов-подпоручиков в генералы. Знаю, знаю, что вам придется столкнуться на фронте с такими трудностями, которые сейчас и предвидеть невозможно.

Владимир Ильич торопливо прошел через кабинет, остановился у карты Российской империи, густо утыканной флажками, и глухо произнес:

— Как видите, положение республики тяжелое, а на Восточном фронте архисерьезное. Фактически у нас там нет регулярной армии. Фронт разъедает анархия и партизанщина. — Вернувшись к столу, неожиданно спросил: — Как вы относитесь к Брестскому миру?

— Я знаю, что такое быть в плену. Пять раз, Владимир Ильич, я убегал из плена. Меня ловили, строго наказывали, а я снова убегал. Свободолюбивый человек не может примириться с неволей.

— С пленом нельзя примириться, — согласился Ленин, — но все-таки, как вы ответите на мой вопрос?

— Мой пятый побег оказался успешным только потому, что я учел опыт первых четырех — неудачных. Не стал больше надеяться на слепое счастье. Использовал передышку, чтобы лучше подготовиться к побегу, выбрать наиболее благоприятный момент. И стране нашей необходимо собраться с силами, навести порядок в войсках, создать регулярную, опирающуюся на сознательную революционную дисциплину, армию. Для этого необходимо время.

Я надеюсь, что такое время мы получили в результате Брестского мира.

Владимир Ильич, поставив тяжелое пресс-папье на лежавшие на столе листки, произнес с нажимом:

— Вот истина, которую не желают понять левые эсеры. Я готовлю выступление. Необходимо развенчать их блудливую фразеологию: «С одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны — надо признаться», — переставив пресс-папье на прежнее место, Владимир Ильич машинально стал раскладывать исписанные листки бумаги по столу и, словно давая отповедь своим политическим противникам, продолжал:

— После трехлетней мучительнейшей и реакционнойнейшей из войн народ получил благодаря Советской власти и ее правильной, не сбивающейся на «фразерство», тактике маленькую-маленькую, совсем маленькую, непрочную и далеко не полную передышку, а левые интеллигентики с великолепием влюбленного в себя Нарцисса болтают о том, что мы, большевики, прививаем народным массам психологию мира, бездеятельную психологию мира. Но мы не виляем, говорим народу прямо, что вынуждены отступить, вынуждены не принимать боя с гигантами империализма, стараться уклониться от боя, выждать.

Все, о чем говорил Владимир Ильич, Тухачевский вбирал в себя, глубже проникался его убежденностью, верой в правоту принятых им решений. И когда Енукидзе, взглянув на часы, щадя, очевидно, время занятого до предела Ленина, вернул разговор к делам на Восточном фронте, Михаил Николаевич даже огорчился.

— Я располагаю сведениями, Владимир Ильич, — сказал Енукидзе, — что командующий фронтом Муравьев стал знаменем левых эсеров, они его высокопарно называют красным Бонапартом...

— Вот видите, еще один Наполеон, — иронически заметил Ленин. — Тщеславие левых эсеров не знает пределов. Каждый из них необычайно высокого о себе мнения.

— Я слышал, что Михаил Муравьев разбил под Гатчиной казаков генерала Краснова, — решился вставить и свое слово в разговор Тухачевский.

— Казаков генерала Краснова под Гатчиной, — уточнил Владимир Ильич, — разбил не подполковник Муравьев, а рабочие отряды Питера. Любят у нас выпячивать роль отдельных личностей, замалчивая героизм масс. Так и рождаются нелепые легенды о новых наполеонах. Нам нужны преданные народу командиры, способные создать и возглавить регулярную армию рабочих и крестьян, Красную

Армию. И здесь без услуг бывших офицеров, конечно, честных, нам не обойтись.

— Среди пленных офицеров, — напомнил Тухачевский, — многие почли бы за честь служить верой и правдой Красной Армии. Правда, среди русских офицеров оказалось немало мерзавцев, но большинство деморализовано, просто растерялось.

— Конечно, не все они контрреволюционеры, — согласился Ленин. — И мне кажется, что Советскому правительству следует призвать их в Красную Армию в качестве военных специалистов. Такое обращение правительства к офицерам поднимет их в собственных глазах. Не правда ли?

— Безусловно, — подтвердил Тухачевский.

— Вот и поручим вам, Михаил Николаевич, провести на Волге мобилизацию офицеров для вашей армии.

— Если мне будет предоставлено такое право, я им охотно воспользуюсь.

— Охотно-то охотно, — сказал Енукидзе, — только, пожалуйста, не строй иллюзий. Чтобы провести мобилизацию, недостаточно написать приказ. Твоя армия будет создаваться в Поволжье — в Симбирске или Пензе...

— наших родных краях, — улыбнулся Владимир Ильич. — Ведь мы почти земляки?

— Я пензенский, и знаю наши места, наших людей.

— Так вот, среди ваших людей, — продолжал Енукидзе, — окопалось много левых эсеров. Их засилие и в Симбирске, и в Пензе, и в Казани...

— Не сгущайте краски, Авель Софронович, там немало и настоящих коммунистов, которые не дают спуска «ура-революционерам».

Глава вторая

НА ФРОНТ

1

— Ирис, кому ирис сочный, молочный, сливочный, наливочный! — выкрикивает девчонка в клетчатом платице, а из-под фуражки с огромным козырьком, надвинутой на самые глаза, выбиваются пряди давно немытых русых волос. — Ирис, кому ирис? Навались, если деньги завелись.

По пыльным аллеям скверика у Кремлевской стены проходят разношерстно одетые люди. Перед глазами девчонки мелькают вылинявшие солдатские гимнастерки, косоворотки, потрепанные пиджаки, ситцевые платья. Никому нет дела ни до девчонки,

ни до ее фанерного ящичка с липкими коричневыми, нарезанными аккуратными квадратиками конфетками.

Рядом старик с благородной осанкой, в шляпе и визитном костюме унылым голосом предлагает проходим свой товар:

— Есть папиросы «Сальве»... Папиросы «Сальве» штучно и пачками.

— Спички шведские, головки советские, — озорно кричит парень с косматой гривой волос, — пять минут вонь, потом огонь!

Засунув руки чуть ли не по локти в карманы рваных штанов, к девчонке подходит конопатый мальчишка, веснушки на его лице отчетливо видны даже под слоем грязи и сажки. По бокам два телохранителя, такие же, как и он, грязные ребятки. Девочка насторожилась, сжала ремень, на котором висела коробка с ирисками, прижалась к стене.

— Может, угостишь, красотка? — выставив вперед ногу, спросил мальчишка постарше.

— Проваливай, проваливай, много вас здесь шляется, на всех не напасешься.

— Чтой-то я давно ирисок не сосал, — басит второй мальчуган.

— Некогда было, мамкину сиську сосал, — ответила девочка.

— Угостишь добровольно или как? — приближается к девчонке старший.

— А то что? — воинственно спрашивает девчонка. — Может, подеремся? Только один на один.

— С девчонками не дерусь.

— Слабак. Боишься, да?

— Это я боюсь?

— Ты, а то кто же?

— Я ж тебя ударю неаккуратно и перешибу, как соплю.

— Ты, меня? Ну — ударь!

— Вот и ударю, — отступает на шаг мальчишка.

— Чего же не бьешь?

— Если хочешь — получишь.

— Мечтаю.

Мальчишка ловким движением натягивает девчонке козырек фуражки на самый нос. Жадные руки ребят тянутся к сладостям. Девочка ударила по жадным мальчишечьим рукам, скинула коробку с ирисом, отдала самому маленькому.

— Держи, только не лопай. Ты, конопатый, иди поближе, — позвала она старшего. — Я тебе уши надеру, чтобы не приставал к незнакомым девчонкам.

— Извините, графиня, больше не буду, — корчит рожу мальчишка. — Испугала, смотри, как ноги дрожат. — Подогнув колени, грязные и острые, вы-

лезшие сквозь дыры в штанах, мальчишка стал подергиваться.

— Трусливый, как Керенский, — с презрением сказала девочка, — скидывай штаны, я тебе платье свое отдам, чтобы сподручнее было бежать.

Такого оскорбления мальчишка не в силах был перенести и бросился с кулаками на обидчицу. Та вцепилась обеими руками в его кудлы. Мальчик взревел от боли. Оба молниеносно очутились на земле.

В это время с ребятами поравнялись вышедшие из Кремля Тухачевский и Енукидзе.

— Прекратить! — громко приказал Тухачевский. — Мальчишка напал на девчонку. Стыд-то какой.

Мальчик переводит дыхание, лицо у него расцарапано.

— Она сама... Керенским меня обозвала.

— Эта девочка сумеет сама за себя постоять, — смеется Енукидзе. — А нам с тобой, Михаил Николаевич, надо обсудить предложение Ленина.

Мир наступает так же неожиданно, как и возникла драка. Забияка проводит рукой по исцарапанному лицу:

— Ты девчонка смелая, только не по правилам дерешься. Зачем за волосы дергала?

— Так всегда женщины дерутся. Как тебя зовут?

- Сашка. А тебя?
- Гражина.
- Чудное имя.
- Гражина — вражина, — дразнит маленький.
- Что ты сказал? — поворачивается к нему девочка.

Тот в испуге отступает, спотыкается и роняет коробку с ирисками. Малыш не знает, что ему делать — удирать от этой грозной девочки, с которой даже Сашка не справился, или плакать, молить о пощаде.

— Ладно, живи, — благосклонно произносит Гражина, щелкнув малыша по носу.

— Верно. Пусть живет, — поддерживает Сашка.

— Ерунда, — беспечно соглашается девочка, — ириски мы сейчас оближем, будут совсем свежие, аж заблестят.

Это предложение ребята встречают с восторгом. Собрав с земли конфеты, старательно их облизывают.

Гордая своей победой, завязавшейся дружбой с мальчишками, Гражина становится великодушной.

— Чего их лизать — лопайте. Все равно я от хозяина уйду. Делать мне в Москве больше нечего. Подамся на Волгу. Там тетка живет. Богатая, говорят, учительница. Туда и поеду.

— На Волгу? — прикидывает Саша. — Можно и на Волгу. Мне тоже в Москве нечего задерживаться. Вольный я, как ветер.

— А мы куда? — дуэтом спрашивают младшие ребята.

— Вы? — переспрашивает Сашка. — Брысь под лавку, к мамке. Рано вам по свету ездить.

2

Все имущество командарма уместилось в потертом, видавшем виды, чемодане. В нем просторно себя чувствовала запасная гимнастерка, брюки, смена белья, чистые портянки, связанные матерью шерстяные носки и перчатки. Здесь же поместились бритвенный прибор, мыльница, зубная щетка и полотенце. Можно было бы в чемодан уложить и кожаную полевую сумку, но Тухачевский решил ее лучше держать при себе. В сумку он положил пакет на имя главкома Муравьева и письмо Авеля Софроновича Енукидзе членам Революционного Военного Совета Фронта большевикам Георгию Ивановичу Благонравову и Петру Алексеевичу Кобозеву.

— Большевики! — многозначительно произнес Енукидзе, закончив письмо, — на них опирайся... Прошу помнить, что я тебя в партию рекомендовал.

Последние минуты в кабинете начальника военного отдела Михаил Николаевич провел над географической картой. Вместе с Енукидзе они совершали скорбное путешествие по городам и пристаням Волги. Было грустно от сознания, что над этими городами, названия которых с детства ласкали слух, нависла угроза. Не хотелось верить, что здесь, в центре России, на крутых берегах великой реки, идут ожесточенные бои. И ему, Тухачевскому, в его двадцать пять лет, предстоит сформировать армию, которая бы защитила родные края. Авель Софронович, преодолев минутное колебание, с присущей грузинам душевной широтой снял со стены карту Поволжья и протянул своему питомцу. Тухачевский знал, как мало географических карт в военном отделе, какие надо приложить усилия, чтобы раздобыть даже простую карту из школьного учебника географии, а эта — подробная — поистине была бесценным даром.

— Бери, бери, Миша, и помни, ты будешь в ответе перед партией, Владимиром Ильичем за каждый город, за каждую деревеньку, которые станет защищать твоя армия.

— Понимаю, Авель Софронович.

— Ну, а теперь иди, иди, дорогой, и пусть тебе сопутствует боевое счастье.

Глава третья

В ПУТИ

1

Казанский поезд был переполнен. Военный комендант, отупевший от множества бед — нехватки вагонов, паровозов, бесконечного людского потока, запуганный угрозами людей с оружием в руках, казалось, утратил способность здраво мыслить, выслушивать посетителей, вникать в содержание мандатов, которые ему то и дело совали под самый нос грозные, рассерженные пассажиры. Нелегко пришлось бы и Тухачевскому, если бы на перроне его не окликнули однополчане-семеновицы.

— Товарищ комиссар, куда путь держите?

Тухачевский узнал Йонаса Петрилу и Медведя, вчера приходивших к нему за советом, которого он так и не успел им дать.

Узнав, что Тухачевский едет в Казань, в штаб фронта, солдаты обрадовались:

— Значит, попутчики. Батальон латышских стрелков отправляется тоже на Восточный фронт.

Михаил Николаевич не стал говорить однополчанам о своем новом назначении — кто его знает, как к этому еще отнесутся в Казани, как примет его

главком Михаил Муравьев, о котором так много и противоречиво говорят в Москве.

— Так это, значит, Ленин и вызывал вас, товарищ комиссар, чтобы послать на Восточный фронт? — не сдержал любопытства Медведь.

— Извините его, товарищ Тухачевский, — попросил Йонас Петрила, — хотя вымахал здоровый, как медведь, а все, как маленький ребенок, спрашивает: «а зачем?», «а почему?» и не соображает, что в военном деле лишние вопросы задавать не положено.

— В Казань я еду действительно по мандату Владимира Ильича, — признался Тухачевский.

— Вот оно что, — многозначительно произнес Петрила.

— Специальным вагоном? — снова задал вопрос Медведь.

— Какой вагон? Билета на этот поезд и то не достал.

— Милости просим к латышским стрелкам, — гостеприимно пригласил Петрила.

— Ваш чемодан, товарищ командир, — Тухачевского за гимнастерку дергала Гражина.

Михаил Николаевич удивленно посмотрел на то место, где только что поставил чемодан.

— Да что же вы, товарищ командир, быстрее, Сашка за ним бежит.

Первым сориентировался Медведь. Вслед за Гражиной он быстро нырнул в толпу. Кто-то крикнул, кто-то зло матерился. Не прошло и двух-трех минут, как из толпы торжественно с чемоданом Тухачевского в одной руке, а другой держа за шиворот рваной гимнастерки парня с разбитым в кровь лицом появился Медведь. Словно почетный эскорт его сопровождали Гражина и ее недавний обидчик Сашка.

— Проверьте, товарищ комиссар, все ли вещички на месте.

— Спасибо, все в порядке, товарищ Медведь.

Окружившие их латышские стрелки засмеялись.

— Товарищ Медведь, — повторил Петрила, — а ведь верно, Петрусь, тебе фамилия Медведь больше подходит, чем Федорович?

— Простите, — смутился Тухачевский, — но мне слышалось, что вы его так называли.

— Раньше это было прозвищем, а теперь станет фамилией. Не возражаешь?

— А мне что, тато, — вяло ответил Петрусь. — Медведь — тоже неплохо. Могу быть и Медведем.

Оживленной компанией направились в вагон и не заметили, как за ними нырнули Гражина и ее дружок Сашка.

Петр Федорович, право, как медведь, схватил в охапку парня, позарившегося на чемодан Тухачев-

ского, и поставил его посреди вагона на всеобщее обозрение:

— Как с ним поступим, какие будут предложения?

— Пойдет поезд, выкинем из вагона, — предложил веселый солдат с тонкими черными усиками.

— Дешево отделается, — заметил его товарищ. -- Надо, чтобы навсегда запомнил, что нельзя у своего брата солдата воровать. Снимем ему штаны, да для памяти пропишем ему ижицу ремнем.

— Проучить следует, — поддержали и другие солдаты.

Испуганный вор упал на колени, взмолился:

— Я и чемодана не успел раскрыть. Нечистый попутал, клянусь вам господом богом.

— Нам, солдатам революции, — сказал Тухачевский, — не пристало чинить самосуд. В трибунал его передавать нет времени.

— Трибунал! Придумаете, товарищ командир, — засмеялся Медведь. — Я ему сам приведу приговор в исполнение. Открой чемодан, падло.

Дрожащими руками вор раскрыл чемодан.

— Посмотрите, товарищ командир, все ли на месте, ничего не стибрил? — спросил Йонас Петрила.

— Все, все на месте, — смутился Михаил Николаевич, что его нехитрый скарб выставлен на показ, быстро закрыл крышку чемодана.

— Небогато вы живете, — вздохнул Петрила. — Помню, у Александра Артуровича Череп-Спиридовича с десятков чемоданов было, да все такие тяжелые, что пронесешь пару шагов и взмокнешь...

— Ладно, тату, про Черепу вспоминать, он уже со всеми своими чемоданами у чертей смогу горячую пьет. Я к нему в гости и этого подлюгу отправлю, — Медведь схватил под мышки вора, поднес к дверям вагона и пнул его под зад ногой, да так, что тот метров пять проехался по перрону.

— Прощай, не поминай лихом, — засмеялся Петр Федорович.

Загудел паровоз, поезд медленно отошел от перрона Московского вокзала.

2

Михаил Николаевич проснулся неожиданно. Почудилось — плачет ребенок. Прислушался. Вагон был заполнен звуками, привычными еще по баракам для пленных: храпели, бормотали, стонали уставшие за день мужчины. Тухачевский повернулся к узкому проходу между двумя полками. К его опущенной

руке робко прикоснулись мягкие волосы, мокрая щека.

— Кто здесь?

— Это я, товарищ командир. Гражина.

Михаил Николаевич погладил девочку по нечесаным, но все еще мягким волосам.

— Почему ревет и что делает под полкой спасительница моего чемодана?

— Спала, но там мыши. Я боюсь.

— Ну-ка иди ко мне и докладывай, как в вагоне-то оказалась?

— На Волгу мне надо. Очень надо.

— Как же ты одна отважилась отправиться в такое путешествие?

— Я не одна. Сашка тоже под полкой, за чемоданом спит. Он мышей не боится. Ему что! Мы под вашу полку забрались, потому что вы добрый, как моя мама.

— Почему же ты от доброй мамы сбежала?

— Убили ее. Можно, я к вам на полку присяду? Я тихонечко-тихонечко буду сидеть, а вы спите себе.

Сон у Тухачевского прошел. Нечасто ему за последнее время приходилось общаться с ребятами — фронт, плен, какие уж тут дети -- и его потянуло к этой девчушке, наивной, непосредственной.

— Кто и когда убил твою маму?

Гражина словно ждала этого вопроса. Она доверительно рассказала попутчику о своей семье. Мать, дочь доктора из Вильно, едва закончив гимназию, выскочила замуж за простого мастерового и уехала с ним в Ковно. Дедушка и бабушка очень злились и ни за что не хотели пускать в свою семью папу. Прямо ужас. Он от этого даже пить начал. Мама вначале очень-очень переживала, а потом, когда папа не перестал пить, совсем его не уважала. Когда началась война, завод, на котором работал папа, из Ковно переехал в Москву. И они переехали вместе с заводом.

— Что же в Москве твоя мама делала? — поинтересовался Михаил Николаевич.

— Спуталась с рабочими.

— Как это спуталась?

— А так и спуталась. В воскресной школе читала рабочим газеты и всякую нелегальщину. У папы по этому поводу были очень большие неприятности. Очень! Его сам директор ругал и требовал, чтобы он обуздал маму или ею займутся жандармы. Мама же ничуть не испугалась ни хозяина завода, ни жандармов. Когда на Пресне появились баррикады, мама ушла из дому. Поверите, папа ее на коленях умолял остаться, а она ушла. Только и просила, чтобы он меня не оставлял, обо мне позаботился. Но папа не слушался мамы. Он ушел из дому и

пропал. Говорят, его пристрелили юнкера. Мама тоже домой не вернулась. Убили ее на баррикадах. Осталась я одна, — всхлипнула девочка, — на всем свете одна-одинешенька...

— Но ты сказала, что едешь на Волгу к родственникам.

— Какие уж там родственники.

Из-под полки высунул голову Сашка, который, как видно, давно проснулся и молча слушал рассказ подруги, а сейчас испугался, что она откажется от родственников, и солдаты их, как обманщиков, выбросят из вагона, поспешил ответить за Гражину:

— Тетка у нее есть на Волге, только она не знает ее адреса, но мы все равно найдем.

— Мамина родная сестра живет где-то на Волге, — подтвердила девочка. — Но мама с нею не переписывалась, потому что сестра смеялась, что мама, дочка доктора, на мастеровом женилась...

— Вышла замуж, — машинально поправил Тухачевский и спросил: — На Волге много городов, в каком из них живет твоя тетя, как ее фамилия?

— Как-то мама говорила папе, что тетя Эляна живет в том самом городе, где родился Ленин.

В Симбирске, — подсказал Тухачевский.

— Вы знаете, где родился Ленин?

— Представь, знаю, — и, неожиданно для себя,

Михаил Николаевич признался: — сам Владимир Ильич мне об этом напомнил.

Гражина вздохнула:

— Мама очень хотела увидеть Ленина, но так и не успела.

Глава четвертая

ВАРЕЙКИС

1

«Венцом» в Симбирске называют бульвар, раскинувшийся на крутом волжском берегу. Он, словно корона, венчает город. В мае, когда Иосиф Михайлович Варейкис приехал в Симбирск, чтобы возглавить партийную организацию большевиков города, на бульвар его привел Михаил Андреевич Гимов — председатель Симбирского губернского исполкома депутатов трудящихся.

— Венец — делу конец, — пошутил тогда Гимов, — а у нас с тобой, Иосиф, дела только начинаются.

— Какие краски, какая прелесть! — восторженно воскликнул Варейкис.

Иосиф Михайлович впервые был на Волге. После мрачных поселков Донбасса, затопленных шахт, на-

поминающих грязные горы терриконов, заплесканных станций, — Симбирск показался ему райским уголком. Они стояли на краю обрыва, под ветвями развесистого дуба. Волга еще не вошла в свои берега после весеннего паводка. Видны были кроны деревьев, растущих на затопленных маленьких островках, пригороды.

— Любоваться этой прелестью, — произнес Михаил Гимов, — красота природы нам недосуг, товарищ Иосиф. Весна ныне на Волге голодная, время волчье, а работы у нас, большевиков, невпроворот.

— Голод, кровь, война, — вздохнул Варейкис, — и все-таки мы видим красоту паводка, восхищаемся зарей, радуемся цветам и женской улыбке...

— Ты что, лирик? — подозрительно посмотрел на спутника Гимов.

— Токарь, Миша, — успокоил Варейкис, хотел добавить, что и художник, но постеснялся. Токарем он работал девять лет, а художником ни одного дня. Хотя было время, когда мечтал стать живописцем. И судьба ему в этом благоприятствовала. Товарищи, занимавшиеся в кружке художника Василия Дмитриевича Поленова — известного пейзажиста, — привели на занятия и токаря Варейкиса. Рисунки Иосифа понравились Поленову. Он охотно занимался со способным молодым рабочим, предска-зы-

вал ему будущее в искусстве. Но жизнь рабочего-коммуниста, подпольщика оставляла мало времени для живописи, а после революции на фронтах гражданской войны и вовсе не выпадало свободной минуты, чтобы остаться наедине с красками и полотном.

Они стояли на откосе рядом — Гимов и Варейкис — два большевика, которым партия доверила нести свет новой жизни в Симбирск, люди, объединенные одной целью, такие не похожие друг на друга, такие разные. Михаил Гимов — широкоплеч и высок. Пышные усы, лихо закрученные колечками кверху, сдвинутые к переносице густые брови, хмурый исподлобья взгляд делали его лицо суровым. Хотя Гимов был старше своего товарища всего на два-три года, Варейкис по сравнению с ним казался подростком. У Иосифа длинные, каштанового цвета волосы, спадающие до плеч, широко расставленные, вобравшие в себя голубизну литовских озер глаза, по-детски припухлые губы, румянец во всю щеку, что, к его большому огорчению, отнюдь не придавало лицу мужественного выражения. А ведь жизнь Варейкиса не баловала, и испытания на его долю выпадали такие, что можно было поседеть, а он в свои двадцать четыре года все продолжал оставаться розовощеким молодым человеком.

— С товарищем Серго ты давно знаком? — спросил Гимов.

— Можно считать, почти незнаком.

— Как так? — удивился председатель губисполкома. — Мне сказали, что тебя в Симбирск товарищ Орджоникидзе рекомендовал.

Варейкис объяснил, что после Октябрьской революции он работал на Украине — воевал против гайдамаков и различных банд, а затем, словно вспомнив что-то очень смешное, задорно улыбнулся:

— Спорю, ни за что не догадаешься, какой пост я там занимал последнее время?..

— Чего догадываться, сам скажешь.

— Был наркомом государственного призрения Советской Донецко-Криворожской республики.

— С Артемом работал? — спросил Гимов.

— С ним. Замечательный человек Федор Андреевич. Знаком, что ли?

— Нет. Слышал о нем. Так каким ты в Донбассе призрением занимался?

— Немошнные старики, дети, вдовы солдатские...

— А богаделен нет, приюты в запустении, — подсказал Гимов.

— Тебе тоже такими делами приходилось заниматься? — Варейкис с любопытством посмотрел на председателя.

— Чем только не приходится заниматься губисполкому. Сам убедишься. Ну, а как все-таки о тебе узнал товарищ Серго?

Иосиф Михайлович рассказал, что после того как Донбасс оккупировали германцы, совнарком Донецко-Криворожской республики отправился в Ростов-на-Дону. Там оказался и чрезвычайный комиссар Украины Серго Орджоникидзе. Очевидно, Артем и порекомендовал ему Варейкиса. Серго вызвал молодого наркома без наркомата и без республики и предложил ему ехать в Симбирск. ЦК партии просил Орджоникидзе порекомендовать для работы в этом городе надежного коммуниста.

— Я вначале отказался. Даже обиделся.

— На фронт просился?

Варейкис засмеялся:

— Догадливый ты человек, Михаил.

— Все мы на одну колодку.

— Примерно то же и товарищ Серго сказал. Он напомнил, что Симбирск дорог для каждого коммуниста. И этот город мы обязаны беречь. Еще говорил, что над Волгой собирается гроза и скучать мне здесь не придется.

— Что правда, то правда. У нас здесь не легче, чем на фронте. Так что вместе повоюем. Думаю, сработаемся.

— Чего нам делить? Ясно сработаемся.

В Симбирске Иосиф Михайлович быстро убедился, что и Орджоникидзе, и председатель губисполкома Гимов были правы, предупреждая, что большевикам здесь дел хватит, скучать не придется. И все-таки мудро поступил тогда Гимов, что майским днем привел Варейкиса на «Венец», открыв ему, литовскому парню, раздолье здешних мест.

Минуло чуть больше двух месяцев, как Варейкис приехал в Симбирск, а товарищи успели оценить по достоинству длинноволосого молодого человека, который не знал усталости в работе, обладал зрелым умом партийного пропагандиста, хладнокровием и выдержкой закаленного бойца. Коммунисты все больше и больше наваливали на него поручений — одно сложнее другого. Хотя и не было возможности еще собрать губернскую конференцию большевиков, но ему поручили пока возглавлять партийную организацию города, попутно назначив товарищем председателя губисполкома, потом обязали помогать газете «Известия Симбирского Совета».

С работниками редакции у Варейкиса сразу же сложились дружеские отношения. Этому во многом способствовал общительный редактор «Известий» Александр Владимирович Швер. По статьям Швера создавалось впечатление, что их автор человек бы-

ваый, прошедший большую жизненную и политическую школу. На деле же редактору едва минуло двадцать лет. Прямо из студенческой аудитории он попал в редакцию. Внешне Швер выглядел совсем неказисто: невысокого роста, узкоплеч. К тому же, редактор был близорук, носил пенсне. Но этот, на первый взгляд, робкий и беспомощный юноша, был одним из наиболее политически подготовленных коммунистов Симбирска, слыл задиристым полемистом, не только выступал со статьями в своей газете, но часто поднимался на трибуну, чтобы схлестнуться в споре с теми, кто «пытался засорять мозги народа».

Для председателя Симбирского партийного комитета редактор стал первым помощником. Он охотно и по-деловому организовывал и проводил митинги, собрания, посещал предприятия и воинские части. В Симбирске его многие знали и по-дружески называли Сашей.

Правой рукой Саши Швера в редакции была недавняя гимназистка, дочь местного врача Клава Верещагина. Под влиянием прочитанных книг девушка мечтала о подвигах и боготворила людей решительных, смелых, фанатично преданных идее. То одного, то другого из своих знакомых симбирских большевиков Клава наделяла чертами характера полюбившихся книжных героев, но люди,

окружавшие ее, были хорошо знакомы, занимались будничными, зачастую прозаическими делами, и впечатлительная девушка быстро в них разочаровывалась.

С приездом в Симбирск Варейкиса внимание Клавы было сосредоточено на нем. Он стал ее кумиром. Его скромное революционное прошлое в воображении Клавы Верещагиной рисовалось сплошным подвигом. Не случайно же он был членом совнаркома легендарной Советской Донецко-Криворожской республики, не случайно его направил на работу в Симбирск чрезвычайный комиссар Орджоникидзе, о котором в партии говорили как о ближайшем сотруднике Ленина. Когда Клава училась еще в гимназии, Иосиф, почти ее сверстник, был уже коммунистом, писал и распространял листовки.

Переоценивала Верещагина и литературные способности своего героя. Часто, садясь за письменный стол, он думал по-литовски, с трудом подбирал русские слова, неправильно строил предложения. Но даже эти недостатки импонировали секретарю редакции. Правя статьи вожака симбирских большевиков, она проявляла некоторую робость, долго думала, прежде чем решалась вычеркнуть не к месту поставленное слово, исправить коряво написанную фразу.

Клаве постоянно хотелось видеть Варейкиса, быть рядом с ним. Поэтому девушка сама напросилась вести канцелярию Симбирского комитета партии, хотя и в редакции у нее было много дел. Варейкис же воспринял помощь молодой коммунистки как должное. Себя он не щадил в работе, считал, что и другие должны поступать так же. Есть у Верещагиной немного свободного времени, вот она и нашла куда его применить. Он тоже в долгу не остается. Обсуждает с Сашей и Клавой чуть ли не каждый номер газеты, читает наиболее важные и принципиальные материалы, дает советы и никогда не отказывается писать статьи в «Известия».

Однажды, когда они вдвоем с Клавой поздно ночью оформляли протоколы, Иосиф поймал на себе потеплевший, какой-то необычный взгляд девушки и резко спросил:

— Ты чего на меня уставилась, как на икону? Поздно уже. Давай работать.

Клава готова была себя казнить за минутную слабость. Варейкис недоуменно посмотрел вслед выбежавшей из кабинета девушке, подумал, что она переутомилась, и сам продолжал оформление протоколов.

Утром, встретив Верещагину в коридоре «Смольного», спросил о ее здоровье, сказал о том, что сил

в партийной организации пока мало, но если она устала, может немного отдохнуть.

Сил у партийной организации Симбирска действительно было мало, и вчера Михаил Андреевич Гимов, в свою очередь, напомнил об этом Варейкису.

— Иосиф, ты не обижайся, но мы тут посоветовались с товарищами и решили дать тебе еще одно поручение: наша большевистская фракция в исполкоме Совета, сам знаешь, невелика — десять коммунистов.

— Девять, — уточнил Варейкис.

— Большевистский глаз нужен всюду. Вот и приходится разрываться на части.

— А если обойтись без предисловия, Михаил Андреевич, какое поручение еще ждет меня?

— Придется тебе стать начальником Чрезвычайного военно-революционного штаба.

От удивления Иосиф присвистнул.

— Свистеть еще успеешь. Чрезвычайный штаб, — объяснил Гимов, — рекомендуют создать члены реввоенсовета Восточного фронта. Нарочный прибыл из Казани от Петра Алексеевича Кобозева и Георгия Ивановича Благонравова. Они считают, что такой штаб, если он окажется в руках большевиков, подорвет позиции левых эсеров, окопавшихся в Симбирской группе войск и губвоенкомате.

— «Будет буря, мы поспорим и помужествуем с ней». Двоевластия эсеры не потерпят. Жаркий бой предстоит.

— Выдюжишь, на то ты и вожак большевиков.

Разговор с Михаилом Андреевичем состоялся поздно вечером, когда от усталости стоял звон в ушах, слипались веки. Решил лечь спать, чтобы утром на свежую голову обдумать все, что необходимо сделать в связи с организацией Чрезвычайного штаба.

Обычно Иосиф засыпал быстро, спал крепко. На этот раз как ни старался, не мог уснуть. Мысли прыгали с одного дела на другое: «Надо завтра послать чекистов в детский дом. Говорят, что сам заведующий обворовывает детей», «Проверить, как ведется борьба со спекулянтами. Торговцы и кулаки зарывают в землю продукты», «Саша просит статью, которая дала бы отповедь местным эсерам, выступающим против Брестского мира».

Пожалуй, вместо того чтобы ворочаться с боку на бок, надо садиться к столу и писать статью. Клава сегодня напоминала, а завтра не даст покоя.

Первую страничку статьи Иосиф Михайлович написал быстро, но, перечитав ее, остался недоволен: рассудочно, сухо, повторение общеизвестных положений. Статью же следует писать страстно и убедительно. Каждый, даже самый неискушенный

читатель должен понять, что таится за звучной фразой краснобаев из лагеря левых эсеров.

Перечеркнув написанное, Иосиф вспомнил, что не ужинал. Отправился на поиски чего-нибудь съедобного. Один за другим открыл ящики пузатого буфета, но там было пусто. В доме ни крошки хлеба. «Неуютно живу, — подумал Варейкис, — одиноко, как бобыль. Если бы рядом была жена, то быстро сообразили, что поесть. Хотя бы чай вскипятили, а то в примусе ни капли керосина. Разве для того, чтобы чай кипятить, нужна жена?» Мысль, недостойная коммуниста. Если когда-нибудь он и надумает жениться, то только на женщине, разделяющей его убеждения. Вырванная из каких-то давно прочитанных статей банальная фраза развеселила Варейкиса. В таком случае, надо сделать предложение Клаве Верещагиной. Она-то в битве всегда будет рядом. И вряд ли муж сумеет застать ее дома. Иосиф Михайлович попытался представить себе Клаву в роли хозяйки, готовящей обед, заботящейся о туалете мужа, штопающей носки. Такое невозможно. Легче ее представить в кожанке и с маузером на боку, скачущей на коне, чем разжигающей примус. Верещагина — верный товарищ, друг, но отнюдь не жена. Вот бы она удивилась, затей Варейкис разговор о звездах, о любви. Наверное, решила бы, что он рехнулся.

И все-таки любопытно, кого из знакомых женщин он хотел бы всегда видеть рядом с собой. Вспомнились встречи на митингах, в кабинетах, в очередях у магазинов. Память сохранила вопросы, с которыми к нему, как партийному работнику, обращались работницы, учительницы, матери голодных детей, вдовы погибших товарищей. Из длинной галереи лиц, промелькнувших перед глазами, отчетливее других запечатлелось лицо женщины, увиденной на берегу Волги.

Вырвав свободную минуту, измученный дневным зноем, Варейкис отправился на реку. С разбега прыгнув в воду, он «саженками» поплыл к противоположному, более низкому, поросшему густым кустарником, берегу. Неожиданно Иосиф услышал песню, которую где-то рядом пела женщина. Мотив ее был с детства знаком. Ее пели земляки, вместе с отцом уехавшие из Литвы на заводы Подмосковья. И уже достигнув противоположного берега, он, не вылезая из воды, подхватил песню:

*Ой, Литва, ты край наш милый,
Голубой наш Неман,
На далекой, на чужбине
Тебя помним все мы!*

На тропинке, сбегаяющей к воде, появилась женщина в цветастом сарафане с букетом ромашек в руке.

— Землячка в Симбирске — вот так сюрприз! Рад познакомиться.

— Может быть, прикажете мне раздеться и прыгнуть в воду, чтобы пожать вашу трудовую руку, господин председатель партии большевиков?

— Извините, — смутился Варейкис и поплыл обратно, на середине реки обернулся. Незнакомка стояла на берегу, подняв букет ромашек, и Иосиф Михайлович, помахав ей рукой, озорно крикнул: — До встречи, землячка! Только учтите, что я не господин председатель, а товарищ.

До встречи! Но когда произошла новая встреча, ни Варейкис, ни знакомка не сделали даже попытки заговорить. Хотя и узнали друг друга. Встретились они в одном из залов бывшего кадетского корпуса, который занимал ныне Симбирский губисполком. В зал были приглашены все, кто имел отношение к воспитанию детей. Доклад о борьбе против беспризорности, улучшения работы детских домов, о подготовке школ к учебному году делал Иосиф Михайлович. Бедственное положение детей, обездоленных войной, тревожило коммунистов Симбирска не меньше, чем положение дел на фронте.

— Не хватает приютов. Если собрать всех беспризорных детей, не знающих, где приклонить голову, то нам на каждую койку в приютах пришлось бы укладывать по пять-шесть ребят. Голодные и грязные

беспризорные дети ночуют на скамейках и в кустах бульваров, в старых заброшенных лодках на пристани.

Варейкис поймал на себе чей-то взгляд, сделал паузу и увидел в третьем ряду зрительного зала незнакомку. И, обращаясь уже к ней, видя перед собой только ее, Варейкис продолжал:

— Где же выход, как помочь детям, чьи отцы сегодня на фронте завоевывают счастливое будущее для человечества? Будущее! Это ведь дети. Ради их счастья льется на фронте кровь, горячая человеческая кровь! Сегодня у нас еще всего не хватает: продуктов, зданий, учителей, воспитателей, времени... Республика в кольце фронтов. Кони топчут посеvy. Не плуг, а снаряды перепахивают землю. У пахаря в руках не серп, а винтовка. Время суровое. Возможно, завтра война ворвется и на улицы Симбирска, но сегодня мы обязаны сделать все, что в наших силах, и даже больше этого, чтобы помочь обездоленным детям. Надо создавать новые приюты. А те приюты, которые остались нам от старой власти, должны стать родным домом для детей. И в семьях ребята недоедают, не часто получают обноvy, но они чисты, ухожены, к их головкам прикасается ласковая материнская рука, им улыбаются родные глаза... Губисполком принял постановление о первоочередном снабжении приютов. В первую

очередь детям — хлеб и молоко, сахар и другие продукты, которые мы вырвем у торговцев и кулаков.

После доклада, усаживаясь за стол президиума, Иосиф Михайлович кивком головы поздоровался с незнакомкой. Она поняла, что этот знак приветствия адресован ей, и ответила легким кивком.

— Это что за цаца с вами раскланивается? — шепотом спросила Клава Верещагина, занявшая место в президиуме рядом с Варейкисом.

— Не имею понятия, — ответил Варейкис.

— А я думала, что ваша старая знакомая, товарищ председатель. Во время доклада вы с нее глаз не спускали. Понравилась? Могу навести о ней справки.

— Если мне понадобится, сам узнаю, резко ответил Иосиф Михайлович и подумал: «Хорошо бы действительно узнать, какими ветрами занесло землячку на Волгу, давно ли она здесь...»

Варейкис подвинул поближе тонкую ученическую тетрадь в косую линейку, предназначенную для первоклассников. На первой страничке размашисто написал: «О чем кричат левые эсеры». Обдумывая первую фразу, как это часто с ним бывало, машинально стал рисовать. Поверх косых линеек появилась женская голова: спадающие на лоб локоны,

улыбающиеся глаза, чуть вздернутый носик, полные губы. В поднятой руке букетик ромашек.

Иосиф встал из-за стола. Скоро рассвет. Давно мечтал написать восход солнца над волжской поймой. Вот сейчас и пойду. Статья не пишется. А так за делами можно разучиться и карандаш в руках держать.

Когда Иосиф Михайлович установил мольберт на гребне холма в одной из наиболее глухих аллей «Венца», край неба лишь начинал розоветь, резко отчеркивая горизонт. Где-то спросонок защебетала птица и вскоре умолкла. Стояла такая тишина, что слышался легкий шелест листвы, плеск весел. Рыбак у противоположного берега сказал:

— Барынька стерлядки просила принести.

— Чем расплачиваться станет? — спросил другой голос.

— Барахла у нее хватит, припрятала, карга.

И снова тишина. Словно во всем мире царит спокойствие и умиротворение. А ведь совсем недалеко от этого тихого уголка идут в атаку войска. Взойдет солнце и увидит окровавленные, растерзанные тела солдат, которым не суждено встретить такую близкую зарю. Рождающийся день и в Симбирске предстоит горячий. Формировать Чрезвычайный штаб придется в битвах не менее жарких, чем на фронте. Отчетливо представил себе Клима Иванова, бывшего

прапорщика, играющего роль неистового революционера. Худой, высокий, с землистого цвета лицом, лихорадочно блестящими глазами и курносый нос с широкими ноздрями, оттопыренной, невероятно толстой нижней губой. И нос и губы, казалось, достались Климу по ошибке, были предназначены для другого, более добродушного лица. Ему бы следовало обзавестись птичьим крючковатым носом, зловеще свисающим над тонкими, ехидно сжатыми губами.

— Чрезвычайный штаб, — слышит он голос Иванова, охрипший от громкого крика, частых истерических выступлений на митингах, — что это еще за фокусы. У нас есть Симбирская группа войск, которой поручено командовать мне, и я не позволю распылять силы... Когда наши большевики наконец поймут азы и буки военной науки.

«Это будет его главным аргументом, — думает Варейкис, нанося первые карандашные штрихи на картон, прикрепленный кнопками к мольберту. — Ни у Гимова, ни у меня, ни у Швера, ни у других членов губкома партии нет военного образования». Пришла на ум поговорка: «Курица не птица, прапорщик не офицер». Но все-таки у прапорщика Иванова за плечами годы военной службы, и хотя он, конечно, не полководец, но знает армейские порядки, воевал.

Кисть продолжала бегать по картону, а мысли уже были далеко и от утренней тишины, и от первого луча солнца, пока еще озарившего румянцем лишь одну дорожку на свинцовой поверхности реки.

Сегодня не время писать умиротворенную природу. Пора складывать кисти и краски.

— Трезор, иси! — услышал Варейкис за спиной женский голос. По аллее шла незнакомка и размахивала плетеным поводком для собаки. Рыжий ирландский сеттер, спущенный с поводка, и не думал подчиняться приказам хозяйки. Почувствовав свободу, он метнулся вниз с откоса.

— Назад, Трезор, ко мне, — звала женщина. — Ну погоди, противный пес.

Вот и не верь после этого в провидение, подумал Иосиф Михайлович, легка на помине. Громко, весело сказал:

— Лабас ритас¹, землячка.

Женщина неуверенно ответила:

— Лабас², — и, только узнав Варейкиса, призналась: — Напугали вы меня. Какая неожиданная встреча. В такой ранний час большевики производят обыски или спят, а вы...

— Любуюсь восходом солнца.

¹ Доброе утро (лит.).

² Доброе (лит.).

— Боже, да вы никак рисуете, — всплеснула руками женщина и взглянула на прикрепленный к мольберту лист картона, — к тому же, недурно. Кто же вы — художник или экспроприатор?

— Фамилия моя Варейкис, зовут Иосиф.

— Гроза контрреволюции, возмутитель спокойствия симбирской буржуазии, большевистский комиссар, — засмеялась женщина.

— Остановитесь! — поднял вверх руки Иосиф Михайлович. — Неужели в Симбирске говорят, что я питаюсь младенцами?

— Наоборот, ради младенцев вы готовы сожрать, простите, так кажется теперь выражаются, всех торговцев. Ну и верно. Они жирнее.

Трезор, высунув розовый мокрый язык, к которому пристали зеленые травинки, подбежал к хозяйке и ткнулся мокрым носом в ее руку.

— Как вас зовут, дама с собачкой?

— Елена Антоновна Синкевич, но мое имя вам ничего не говорит.

— Судя по песне, что вы пели на берегу, вас, очевидно, следует называть Эляной Синкявичюте.

— Скорее Синкявичене. Мой муж майор Синкевич родом из Симбирска. Представьте, что его отец, как и отец Ульянова, преподавал в Симбирской гимназии. Если не ошибаюсь, они даже были знакомы семьями.

— Где же сейчас ваш муж, если не он, а вы прогуливаете охотничью собаку?

— Там, где большинство мужчин. На фронте.

— Против кого воюет?

— Если жив, то думаю, что против вас. Так что знакомство со мной вас может скомпрометировать. Ведь я, пользуясь большевистской терминологией, принадлежу к загнивающему классу.

— Но я вас видел на совещании интеллигенции в губисполкоме.

— Не беспокойтесь, я не проникла туда как агент мировой буржуазии. Я учительница. Меня пригласили.

— Вот видите, Эляна... Разрешите, я вас так буду называть?

— Мне, что же, прикажете вас называть Юозасом или Юозукасом? Вас так величали, очевидно, в Литве.

— В деревне Варейкяй Вилкамирского уезда.

— Варейкяй? — подняла брови Эляна. — Так называлось ваше поместье?

— Что вы! — засмеялся Иосиф Михайлович. — В деревне у всех крестьян была одна фамилия. Вот и назвали деревню Варейкяй, а может, наша фамилия произошла от имени деревни. Кто его знает.

Трезор, решив, что хозяйке не угрожают никакие неприятности, обнюхав незнакомца, умчался вниз по аллее.

— Вот и опять я не взяла его на поводок, — огорчилась Эляна.

На аллее показалась странная женщина в длинном грязном платье из шелка, рукава и воротник — кружевные, некогда они, очевидно, были белыми. Из-под шляпы с огромными полями, украшенной страусовыми перьями, свисали седые, давно не чесанные пряди волос, дряблые обвисшие щеки неровно покрыты густым слоем румянца.

— Спать пора, господа, спать, — погрозила она пальцем Варейкису. — Видите, солнышко всходит, а вы все любезничаете. Кстати, господа, вы не видели моего Левушку?

— Не встречали, Софья Александровна, — ответила Эляна.

Когда женщина так же неожиданно исчезла, как и появилась, Варейкис спросил:

— Что за достопримечательность?

— Местная сумасшедшая, в молодости ей изменил любимый. Вот до сих пор она его и ищет. Несчастная больная женщина.

Вернулся Трезор. Елена Антоновна зацепила за ошейник поводок, и собака уныло побрела рядом с хозяйкой.

Глядя вслед удаляющейся землячке, Варейкис с огорчением подумал, что о новой встрече они так и не успели договориться. А может быть, и к лучшему. Разве у него есть время для ухаживаний.

3

Чутьем, которое присуще лишь тем, кто любит, Клава угадала, что с Варейкисом произошло что-то необычное. Его появление в губкоме партии она встретила вопросом:

— Что это вы сегодня такой веселый, товарищ Иосиф?

Варейкис подозрительно посмотрел на свою помощницу: не видела ли она его вместе с землячкой на «Венце»? Ну, а если даже видела? Кому какое дело, с кем и где он встречается? Впрочем, лучше не афишировать подобных встреч. Ничего нет и не будет, а пойдут слухи. Ерунда, конечно, но работе и наладившимся отношениям может помешать. Решил отделаться шуткой:

— Сегодня начинаем военные занятия. Участвовать будут все коммунисты. Ты тоже. Вот я представил, как ты маршируешь, и развеселился.

— Не обо мне вы думали, товарищ Варейкис, но это неважно. Я разобрала почту губкома. Приятные

новости. Вам письмо от Петра Алексеевича Кобозева из Казани.

— Чем же нас радует член Реввоенсовета?

— Назначен командующий первой армией Восточного фронта.

— Снова эсер?

Клава протянула Варейкису письмо:

— Читайте. Большевик товарищ Тухачевский. Его сам Ленин принял перед отъездом из Москвы.

Варейкис прочитал письмо Кобозева, немного-словное, но весьма обстоятельное. Сообщив краткие сведения о командующем первой армии, в сферу деятельности которой входит и Симбирск, член Реввоенсовета просил оказывать ему всяческую помощь. Просил обратить особое внимание на комплектование воинских частей и соединений командным составом. Сообщалось в письме и о необходимости создания Чрезвычайного военно-революционного штаба, о котором еще вчера говорил с ним Гимов. Значит, нарочный опередил письмо. Возможно, это письмо привез тот же нарочный, только раньше зашел в губисполком.

— А это письмо я не распечатывала, — сказала Верещагина, — похоже, что вы его сами себе написали. От Иосифа Варейкиса — Иосифу Варейкису.

Иосиф Михайлович обрадовался:

— Давай же скорей. Это от дяди. Знаешь, какой у меня дядя?

— Не знаю, какой у вас дядя, но письмо получите только после того, как спляшете.

— Это мы еще посмотрим.

— Нет, — решительно заявила Клава, — не будете плясать, не получите письма.

Варейкис схватил девушку за руку, та отстранилась и подняла письмо над головой. В дверях появился редактор, близоруко прищурился, не понимая, что за возню затеяли его товарищи.

— Можете не танцевать, товарищ Варейкис, — смутилась Верещагина, — берите ваше письмо.

— Я думал, что ты у него статью вырываешь, — засмеялся Саша Швер.

— Где же статья, товарищ Варейкис? — грозно спросила Клава. — Ну-ка, давайте ее.

— Виноват, ребята, не написал еще, не получается, проклятая.

— А еще улыбается, как блаженный. Знала бы, письма не отдала.

— За такое письмо я тебя готов расцеловать, Клава, не то что станцевать.

— Грехи замаливаешь, председатель. Статью гони, эсеров разоблачай, а целоваться станем, когда всю контру разгоним. Ясно? — сердито, скрывая смущение, ответила Верещагина.

— Куда уж яснее.

— Ну и серьезная ты баба, Клавка, — засмеялся Швер.

— И не Клавка и не баба, а товарищ Верещагина. Чувствуешь, редактор, как здорово звучит: товарищ. Понял — товарищ по работе, товарищ по партии.

— Ясно, товарищ Верещагина, — сказал Варейкис. — Письмо ты дала мне нужное. Пишет его мне, как ты говоришь, товарищ по партии, старший наш товарищ, коммунист с пятого года, но между прочим, мой родной дядя. И, как ты заметила, двойной тезка, тоже Иосиф Варейкис. Хочет в Симбирск приехать вместе с женой. Тетя Франциска учительница и тоже коммунистка.

— В гости или на работу? — спросил редактор.

— А это уж как удастся.

Александр Швер, узнав, что Варейкис не написал статьи, заторопился. Не выпустишь газету с портретом несостоявшегося автора, надо самому что-то писать. А товарищ Верещагина пусть идет в типографию и читает гранки.

— Сейчас, только зарегистрирую почту губкома.

Когда за редактором закрылась дверь, Клава с вызовом сообщила, что навела справки о той дамочке, с которой председатель не сводил глаз, когда доклад делал о помощи беспризорным детям.

— Интересуетесь?

— Нет, — с раздражением ответил Иосиф Михайлович. — Все, что меня могло интересовать, я знаю.

— Она — жена царского офицера, помещица, — не утерпела Верещагина.

— Ее собаку зовут Трезор. Я же тебе сказал, что все знаю, в няньках не нуждаюсь.

Клава стремительно выбежала из комнаты, даже бумаги со стола не убрала, чего раньше никогда с ней не бывало.

«Чего она бесится, — подумал Варейкис. — Ох и любят же люди совать свой нос в дела, которые их совсем не касаются».

4

День прошел в хлопотах, связанных с созданием Чрезвычайного военно-революционного штаба. Уточнялись его обязанности, составлялся план. Штаб должен произвести мобилизацию всех сил и средств на борьбу с контрреволюцией. Его задача — обучить всех коммунистов, сочувствующих им рабочих владеть оружием, изучить те самые «азы» и «буки» военного дела, о которых так любит распространяться Клим Иванов.

Вечером все коммунисты Симбирска, ранее не служившие в армии, собрались на первые занятия по военному делу. В строй встали и председатель губисполкома Гимов, и новоиспеченный начальник Чрезвычайного штаба Варейкис, и редактор Швер, и Клава Верещагина, и еще две женщины-коммунистки. Занятиями руководил работник губернского военкомата, старый фронтовик Сергей Кузьмич Паршиков. Пришли на занятия и левые эсеры Клим Иванов и губернский военком Недашевский. Профессиональные военные, они с трудом сдерживались, чтобы не расхохотаться над неумением местных активистов обращаться с винтовкой, ходить в строю.

— Теперь мы можем спать спокойно, — не утерпел Иванов, — оборона Симбирска в надежных руках.

— Вояки, — подхватил Недашевский. — Хоть бы людей не смешили.

— Смеется тот, кто смеется последним, — ответил эсерам Варейкис.

— И вы думаете смеяться последними? — удивился Недашевский.

— Проверку люди проходят в бою.

— Я считал вас более серьезным, товарищ Варейкис, — заметил Иванов. — Посмотрите на редактора: он же винтовку держит, как баба-яга помело.

— Что вы сказали? — покраснел Швер и выскочил из строя.

— Спокойно, Саша, встань в строй, — резко произнес Варейкис. — А вас, товарищи, прошу не мешать занятиям.

— Слушаюсь, товарищ начальник Чрезвычайного штаба, — иронически произнес Иванов, растопылив пальцы, приложил ладонь к военной фуражке. — Разрешите быть свободным.

— Разрешаю.

Смеясь, Иванов и Недашевский покинули двор «Смольного».

Глава пятая

МУРАВЬЕВ

1

Стройный грузин в красной черкеске распахнул перед Тухачевским массивную дверь, обитую клеенкой. Главком Муравьев поднялся из-за письменного стола и внимательно посмотрел на вошедшего.

— Товарищ главком, — вытянув руки по швам, стал докладывать Михаил Николаевич и запнулся.

Он не знал, как назвать себя: то ли старым воинским званием — подпоручик, то ли по последней должности, занимаемой в Красной Армии — комиссар Московского района западной завесы.

Муравьев, не ожидая, пока молодой человек закончит рапорт, сделал несколько шагов ему навстречу и протянул руку:

— Рад познакомиться, Михаил Николаевич. Значит, нашего полку прибыло. Присаживайтесь, — главком жестом показал на кожаное кресло и сам сел напротив, — что будете пить: вино, водочку, чай?

— Благодарю вас, я...

— Не пьете, отлично, — Муравьев взял со стола серебряный колокольчик и взмахнул рукой. В дверях появился грузин в красной черкеске.

— Чудошвили, два стакана чая. Да покрепче. Не жалеё, голубчик, заварки и сахара.

Адъютант бесшумно исчез. Муравьев спросил у Тухачевского:

— Прямо из Москвы к нам?

— Так точно, — вскочил Тухачевский. — Разрешите передать вам пакет, товарищ главком.

— Сидите, Михаил Николаевич, — Муравьев, не торопясь, оторвал тонкую полоску от конверта. Щуря усталые глаза, прочитал письмо. Вслух произнес фразу, которая, как видно, больше всего удиви-

ла: «По указанию Председателя Совета Народных Коммиссаров Ульянова-Ленина направляется для исполнения работ исключительной важности».

Отложив письмо, еще раз оглядел молодого посетителя, словно прикинул, могут ли к нему относиться слова, написанные в письме Высшего Военного Совета. Не скрывая любопытства, спросил:

— Вы знакомы с Владимиром Ильичом?

— Накануне отъезда в Казань он меня принял.

— Как он? Признаться, я влюблен в Ильича. Счастье русской революции, что у нас есть такой человек, как Ленин. Глыба, гигант! Он знает, чего хочет. И знает, что делать. Сразу после падения Временного правительства Владимир Ильич вручил мне судьбу Петрограда — доверил командовать Гатчинским фронтом. Мне рассказывали, что он был очень доволен, когда я ему прислал копию первого приказа по Гатчинскому фронту. Не желаете полюбопытствовать? Храню его, как дорогую историческую реликвию.

Главком пересек кабинет, открыл сейф, достал сафьяновую папку с золотыми застёжками, протянул Тухачевскому два листка гербовой бумаги, исписанных каллиграфическим почерком.

— Теперь эти документы уже принадлежат не мне, а истории.

Михаил Николаевич взял протянутые главкомом бумаги, вначале с любопытством, а потом и с волнением прочитал их:

«Приказ № 1

частям Пулковского отряда

31 октября 1917 года, 9 ч. 38 м. пополуночи.

После ожесточенного боя части Пулковского отряда одержали полную победу над силами контрреволюции, которые в беспорядке покинули свои позиции и под прикрытием Царского Села отступают к Павловскому-2 и Гатчине.

Наши наступающие части заняли северо-восточную оконечность Царского Села и станцию Александровскую. На правом фланге у нас был Колпинский отряд, на левом — Красносельский.

Приказываю Пулковскому отряду занять Царское Село и укрепить подступы к нему, особенно со стороны Гатчины.

Затем продвинуться дальше, занять Павловское, укрепить его с южной стороны и захватить линию железной дороги до станции Дно.

Отряд должен принимать все меры к укреплению занятых им позиций, возводя окопы и другие оборонительные сооружения.

Он обязан войти в тесную связь с Колпинским и Красносельским отрядами, а также со штабом начальника обороны Петрограда.

Главнокомандующий войсками, действующими против контрреволюционных отрядов Керенского, подполковник Муравьев».

К приказу номер один подколота радиограмма, переданная из Царского Села:

«Всем Советам рабочих и солдатских депутатов.

30 октября в ожесточенном бою под Царским Селом революционная армия наголову разбила контрреволюционные войска Керенского и Корнилова.

Именем революционного правительства призываю все вверенные мне полки дать отпор врагам революционной демократии и принять все меры к захвату Керенского, а также к недопущению подобных авантур, грозящих завоеваниям революции и торжеству пролетариата.

Да здравствует революционная армия!

Муравьев».

«Такими документами можно гордиться, — подумал Тухачевский. — Безвестный недавно еще подполковник стал исторической личностью, но остался

простым и скромным офицером. Как сердечно и просто он разговаривает с подпоручиком, который по существу еще ничего не сделал для революции. Как хорошо, что он совсем не похож на того диктатора, анархиста, не признающего ни бога, ни черта, каким его изображали некоторые горячие головы в военном отделе ВЦИК и в Высшем Военном Совете. Возможно, он тщеславен, поэтому и показывает первому встречному приказы, которые рисуют его в выгодном свете...»

Чудошвили принес два стакана чаю, маленькие бутербродики с сыром и колбасой.

— Спасибо, Нестор, — поблагодарил адъютанта главком, — пока нам ничего больше не надо. — И, обращаясь уже к Тухачевскому, спросил: — Прочли? Пейте чай, пока горячий. Я волжанин. Люблю, грешным делом, побаловаться горячим чайком. Выпьешь пять-шесть стаканчиков, и вся дурь с потом выйдет.

Передавая главкому приказы, Михаил Николаевич хотел обратить его внимание, что, очевидно, писарь перепутал даты: 31 надо было написать в радиোগрамме, а 30 октября — в приказе Пулковскому отряду. Не ясно, что обозначает время «9 ч. 38 м. пополудни», но Тухачевский промолчал, боясь, что будет непонят. Важен, конечно, смысл приказов, их дух, пафос, а не случайные описки.

Отхлебывая из стакана горячий чай, главком снова вернулся к письму, привезенному Тухачевским:

— Вас прислали ко мне для исполнения работ исключительной важности. На какой пост вы претендуете, Михаил Николаевич? Но прежде чем отвечать на этот вопрос, расскажите коротенько о себе: где служили, где воевали, под чьим командованием, на каком фронте? Не обижайтесь, ради бога, Михаил Николаевич, я просто хочу все или почти все знать о людях, с которыми приходится мне делить фронтовую судьбу.

Тухачевский назвал военное училище, которое закончил, полк, в котором воевал, лагеря для военнопленных, в которых провел несколько лет.

— Кадровый военный, превосходно. У лейб-гвардии хорошая репутация. Вас устроит пост командующего армией, подпоручик?

В этом, как бы случайно произнесенном старом звании «подпоручик» Михаилу Николаевичу почудилась скрытая ирония — ишь, чего захотел, не ротой командовать, а сразу армией — Тухачевский, как бы извиняясь, признался:

— Об этом вел речь Владимир Ильич, но я понимаю, что моих знаний...

— Пейте чай, остынет. Рад, что моя точка зрения по поводу вашего назначения совпадает с точкой зрения Ленина. Вам будет легче, чем тем унтерам

или вахмистрам, которым нынче доверяют армии. У вас есть систематические знания, вы были «вашим благородием», служили в лейб-гвардии. Знания нужны и революционерам. Однако не хочу вводить вас в заблуждение. Вам придется, очевидно, принять первую армию Восточного фронта. Базируется она в Инзе. Охватывает территорию Симбирской и Пензенской губерний. Но армии как таковой — нет. Нет штабов, соединений. Есть разрозненные отряды. Без дисциплины. Многие командиры не желают подчиняться, действуют на свой страх и риск. Вам предстоит проявить не только военные знания, но и большую волю, выдержку, чтобы подчинить своей власти все эти отряды. Так что на хорошую жизнь не рассчитывайте...

— Благодарю за откровенность. О положении в войсках слышан. На хорошую жизнь не рассчитываю. По крайней мере в настоящее время.

— Мы с вами призваны революцией. Ей мы служим — бескорыстно, безвозмездно, не думая ни о чинах, ни о славе. Придет время, и история сама поставит на пьедестал самых верных, самых бесстрашных рыцарей революции. Не каждый из нас сможет стать российским Гарибальди или Бонапартом, но каждый должен сделать все, что в его силах, показать все, на что он способен. Благословляю вас, Михаил Николаевич. Но только моего благословле-

ния мало. Власть командующего фронтом ограничена, и на ваше назначение командующим Первой армией надо получить добро членов Революционного Военного Совета фронта. Пойдемте, познакомлю.

В коридоре главком спросил у Тухачевского, как у старого знакомого, доверительно:

— Небось, в Москве вам наговорили обо мне черт знает что. Наполеон. Карьерист. Не любят меня в Высшем Военном Совете. Шлют до бесконечности предписания, указания, приказы — противоречивые, нелепые, исключаящие один другой. Этот, между прочим, — спохватился Муравьев, деланно засмеялся, — генеральский гнев на меня производит малое впечатление. Главное для нас, революционеров, служение народу!

Муравьев был настолько любезен, что сам познакомил Тухачевского с членами Реввоенсовета фронта.

— Когда будете в Симбирске, — предупредил Муравьев, — свяжитесь с командующим Симбирской группой войск Ивановым, фронтовик, компетентен в военных вопросах.

— Думаю, что вам окажут содействие симбирские большевики, — многозначительно подчеркнул член Реввоенсовета фронта Георгий Иванович Благоданов. — Коммунистов в Симбирске, правда, пока не-

много, но впечатление производят деловых и, главное, безгранично преданных делу революции людей.

— Я дам вам письмо к товарищу Варейкису, он руководит партийной организацией Симбирска, — добавил второй член Реввоенсовета фронта Петр Алексеевич Кобозев. — На его помощь вы можете рассчитывать.

Муравьев засмеялся:

— Так-то, сударь мой, Михаил Николаевич, и живем. Командующий одну рекомендацию дает, члены Реввоенсовета — другую. Но не ищите здесь противоречия. Вам нужна будет разносторонняя консультация и широкая поддержка.

Энергично пожав руку Тухачевскому, командующий фронтом ушел, а Кобозев сел писать обещанное письмо Варейкису. Благоданов спросил:

— Ты коммунист, Тухачевский?

— Недавно вступил в партию.

— Недавно или давно — роли не играет. И мой совет: когда будешь формировать армию, опирайся прежде всего на коммунистов. И в Симбирске, и в Пензе, и в Инзе ты встретишь краснобаев, вроде нашего главкома. На словах орлы, а на деле...

Тухачевский недовольно прервал члена Реввоенсовета:

— Извините, главком вовсе не произвел на меня впечатления мокрой курицы.

— Значит, успел очаровать, — оторвался от письма Кобозев, — это он умеет.

— Не барышня, чтобы им любоваться. Командующий фронтом — мой начальник, — решительно произнес Тухачевский, желая прекратить, как ему казалось, недостойный разговор, возникший за спиной только что покинувшего комнату главкома.

— Ты не кипятись, — встал из-за стола Благовров. — Мы, большевики, должны оценивать людей не по словам, а по делам. Никто тебя против главкома настраивать не собирается. Но от тебя, Тухачевский, как от коммуниста, мы ждем не благодушия, а большевистского подхода к делу. Партия тебя посылает армией командовать, и с тебя спрос. Тебе доверили. Так ты ушами не хлопай, не воображай, что все знаешь. Заеваешься — вокруг пальца обведут. Москва тебя послала, чтобы ты новую революционную армию организовал, построенную на сознательной, но непреклонной дисциплине...

Назидательный тон члена Реввоенсовета начал раздражать Тухачевского:

— В мои небольшие годы, при моем крайне незначительном опыте, возможно, и окажется не под силу командовать таким соединением. Я высказывал свои сомнения и в Москве, и у командующего фронтом. Если и у вас появились такие сомнения, то пока еще не поздно отменить приказ, порвать его.

— Оставь свою спесь, Тухачевский, в этом кабинете. За его порог ты выйдешь уже командармом, — резко перебил Благонравов. — Приказ порвать легко, но мы этого не сделаем. И не потому, что ты такой хороший, такой готовый командующий армией. Но лучшего у нас сейчас нет. Поэтому и утвердили тебя.

Смягчая резкий тон товарища, Кобозев заметил:

— Кроме тебя, в армии много и других командиров. Научись работать с ними дружно. Не меньше требований, чем командарму, мы предъявляем и политическому комиссару.

— Приставить ко мне надежного комиссара — забота Реввоенсовета.

— Комиссар у тебя вполне надежный, латышский стрелок, но только знаний у него маловато, — заметил Благонравов, — и ему нелегко будет с тобой работать. Характер у тебя не ангельский.

— Не представляю себе ангела в роли командарма, — улыбнулся Тухачевский. Засмеялся и Благонравов.

— Пожалуй, ангелу еще труднее, чем тебе, было бы справиться с такими архаровцами, которых встретишь в Инзе... Постараемся в помощь тебе послать более опытного комиссара. Есть у нас на примете один товарищ... Очень подошел бы для Первой армии. О лучшем политическом комиссаре

и мечтать не нужно. Сын потомственного военного. Хорошо знает армейскую жизнь, прошел большую революционную школу, умеет работать с людьми. И ты у него многому мог бы поучиться.

— Ты имеешь в виду Валериана Владимировича? — спросил у Благоданова Кобозев.

— Да, Куйбышева, председателя Самарского губкома партии большевиков. Он рвется в армию. Если появится такая возможность, то пошлем его в первую. Поучись у него уму-разуму.

— Премного благодарен.

— Потом будешь благодарить. Пока находи общий язык с тем комиссаром, который есть в армии, сдружись с Варейкисом. Передашь ему это письмо, — Кобозев клейстером запечатал конверт и протянул его командарму.

— Один латыш, другой литовец, а вы говорите — общий язык, — пошутил Михаил Николаевич.

Члены Реввоенсовета шутку не приняли.

— Тухачевский, судя по фамилии, ты поляк? — поинтересовался Благоданов.

— Сын мелкопоместного дворянина, — привычно ответил Михаил Николаевич. — Родился под Смоленском. Семья живет под Пензой. Матери и сестрам местный комбед оставил немного земли, одного коня и двух коров, разрешил жить в родовом поместье «Вражское», конечно, бывшем их поместье. По-

лагаю, что вам больше хочется знать мое социальное происхождение, чем национальность. Теперь это считается важнее. Правильно я вас понял?

— Молодец, сам догадался, — одобрил Кобозев, — так что и твой разговор о литовцах и латышах вроде как и без надобности был.

— Считай, познакомились, — Благонравов протянул Тухачевскому короткопалую сильную ладонь. — Желаю удачи, командарм.

2

Нестор Чудошвили не торопился подать главкому только что принесенные начальником связи телеграммы. Он знал, что Муравьева они не обрадуют, а огорчат вспылчивого главкома боялся. Приема у командующего фронтом ожидала миловидная женщина. Адъютанту хотелось расположить ее к себе, он обещал протекцию. Да и дело пустяковое. Ее мужа, царского офицера, арестовал военконтроль, а не чека. В военконтроле свои люди. Муравьеву ничего не стоит вызволить его из тюрьмы и взять в штаб, как военспеца, а женщина намекнула, что сумеет отблагодарить. Ну, а этот господин в полувоенном френче, с унылой физиономией, длинным

крючковатым носом, оседланным очками, отказавшийся назвать свою фамилию, может и подождать. Правда, он важно заявил, что прибыл из Москвы, из ЦК партии левых эсеров. Эка невидаль. Нестор знает, что главком не шибко жалует гостей из Москвы. Что из ЦК большевиков, что из ЦК эсеров. Он сам себе Центральный Комитет. Но настроение такой унылый тип способен испортить. И тогда, пребывая в плохом расположении духа, главком может отказать симпатичной дамочке и нарушить планы Чудошвили.

В приемную вошел Тухачевский. Адъютант вскочил из-за стола:

— Товарищ командарм, — доложил Чудошвили, — главком подписал ваш мандат и просил незамедлительно отбыть на место. Если у вас есть вопросы к главкому, я доложу...

— Благодарю, мы все уже оговорили.

За дверью командующего зазвонил колокольчик. Подхватив бумаги, адъютант скрылся за дверью.

— Что там у тебя?

— Полученные по военному проводу приказы из Мурома.

— Оставь, — лениво махнул рукой Муравьев. — Командарм один отбыл?

— Так точно. Только что получил мандат.

- Долго он задержался в Реввоенсовете?
- Около часу. Разговор у них получился громкий. Вышел недовольный.
- Кто там в приемной?
- Одна дамочка. Ее мужа ни за что ни про что забрали...
- Красивая?
- Подходящее создание. Лет двадцати пяти.
- Разберись сам. Только аккуратно. Кто еще?
- Длинноволосый в очках. Фамилию не желает называть.
- Гони в шею!
- Говорит, что прибыл с письмом из Центрального Комитета партии левых эсеров.

Муравьев тяжело вздохнул и неопределенно махнул рукой. Чудошвили понял его жест и, открыв дверь, громко произнес:

— Представителя Центрального Комитета главным просит зайти...

Пропустив унылого человека во френче, адъютант подошел к даме:

— Вам повезло, мадам, судьбой вашего мужа поручено заняться мне. Можете быть спокойны. Я разберусь. Если он не контра... Но, полагаю, мадам, что об этом нам удобнее будет поговорить в другом месте.

Человек во френче, механически проведя расческой по редким волосам, едва прикрывающим лысину, недовольно сказал:

— Долго вы заставляете ждать. У меня дело, не терпящее отлагательства.

Муравьев, не поднимая головы, продолжал читать телеграммы, только что принесенные адъютантом. Высший Военный Совет сообщал, что начальником штаба Восточного фронта, или, как его изволил называть Бонч-Бруевич, Внутреннего фронта против чехословаков, назначается Сологуб, бывший генерал бывшего генерального штаба русской армии. Вторая телеграмма, подписанная тем же Бонч-Бруевичем из Муромы, напоминала, что Восточный фронт находится в подчинении Высшего Военного Совета республики, а посему главкому Муравьеву надлежит немедленно доложить, какие меры им приняты для выполнения предыдущих приказов о формировании дивизий стратегического резерва, какие меры принимаются, чтобы выбить чехословаков из района главной базы Красной Армии на востоке, оттеснить их на север и, прикрыв базу, оградить ее от возможных нападений.

Обе телеграммы раздражали главкома. Он не считал себя подчиненным Высшему Военному Совету, находившемуся вдали от Москвы и от фронта, не любил руководителя этого совета — генерала, протиравшего штаны в царской ставке — Бонч-Бруевича. Правда, его брат, старый большевик, был помощником самого Ленина. Но все-таки не много ли командиров над командующим? У каждого свои планы, а у Муравьева свои. Лучше всего бросить эти телеграммы в корзину и напрочно о них забыть. Но о Сологубе не забудешь. Прибудет генерал и начнет давать советы, вмешиваться в распоряжения.

А что ответить Высшему Военному Совету? Мол, так и так, мне на месте виднее, как поступать; с белочехами еще надо разобраться. Да, они заняли несколько городов, угрожают нашей базе. Но выгодно ли с ними воевать? Они ненавидят немцев, и мы тоже. Вспомнил Киев. Триумф после разгрома Каледина. На прием прибыл Масарик — признанный вожак чехословаков, оказавшихся в плену. Милый человек. С ним можно иметь дело. Это сразу понял Муравьев. Он, не колеблясь, вступил с ним в переговоры, от имени «Высших властей России» выдал ему охранную грамоту. Охотно подтвердил, что эти самые власти «ничего не имеют против того, чтобы чехословацкие части перешли на содержание

других правительств». Правда, не сам он до этого додумался. Так на Украине посоветовали ему поступить такие же посланцы Марии Спиридоновой. По их указанию он послал в Москву, мягко выражаясь, не соответствующую истине телеграмму: «Представители Антанты явились засвидетельствовать свою политическую лояльность. Их настроение чрезвычайно доброжелательно и, пожалуй, даже восторженно по отношению к успехам завоеваний революции».

Муравьев зло посмотрел на длинноносого в очках. Как он мог поддаваться на уговоры подобного человека, поставить на карту свою карьеру. И о переговорах с Масариком узнал Дзержинский, и содержание охранной грамоты ему стало известно. Ленин не поддался сладостному обману, не поверил в «лояльность Антанты». И что же произошло? Советчики, крикуны остались в стороне, а герой разгрома Корнилова и Каледина оказался в подвале киевского чека. Тогда еще не было Военконтроля. Пришлось бы объясняться с самим Дзержинским, что не входило в планы Муравьева. Правда, на выручку пришла все та же Мария Спиридонова. Она призвала на помощь Троцкого. Он решительно вмешался и вызволил из тюрьмы, направил на Восточный фронт. Михаил Муравьев даже наедине с со-

бой не любил вспоминать то, что произошло в Киеве. Особенно было неприятно, что чекисты обвиняли его не столько в связях с Масариком, превышении своих полномочий при переговорах с ним, обмане правительства, сколько в мародерстве, грабежах населения, насилиях. Конечно, он сам не насиловал девиц и не грабил квартир, но черт его попутал... Он не только не препятствовал разбою, учиненному его войсками в Киеве, но и сам кое-чем поживился из награбленного.

Левые эсеры помогли замять это неприятное дело. Всех, кто вспоминал о киевском инциденте, обзывали клеветниками, злопыхателями.

Мария Спиридонова — мастерица произносить зажигательные речи. Она и ее подручные произвели подполковника Михаила Муравьева в чин полковника, окрестили красным Гарибальди, до небес вознесли его полководческий гений. И все-таки Муравьев помнил, как дрожал на допросах в киевской чека, как поклялся себе в тюремной камере, что никогда больше не поддастся на сладкие речи левых эсеров. Да, тогда, сразу после Октября, не разобравшись как следует в событиях, он поверил Марии Спиридоновой, решил почему-то, что за ней будущее, что, следуя за ней, быстрее дорвется до неограниченной власти. Но власть остается у большеви-

ков. Ссориться с ними нет резона. Теперь он будет поступать только так, как сам посчитает нужным. Приезд нового эмиссара Спиридоновой вызвал раздражение.

— Ну?! — бросил коротко, как ударил хлыстом.

— Обстоятельства чрезвычайные, товарищ главным, назревают великие события...

— Борис Станиславович, ваше появление в моем штабе по меньшей мере глупость, если не предательство. Удивляюсь, такой опытный конспиратор, как Спиридонова, посылает вас в Казань. Да вы что, задались целью меня дискредитировать? Мне и так житья нет от членов Реввоенсовета. Вы же знаете, каких правоверных комиссаров после Киева приставили ко мне большевики. Во все дыры они пи-хают своих людей, словно петлю набросили мне на шею, а вы являетесь в штаб и чванливо сообщаете адъютанту, что прибыли по поручению ЦК партии левых эсеров. Что же мне, арестовать вас прикажете?

Борис Станиславович побледнел, торопливо стал объяснять, что наступил решающий час. Пришло время действовать. Скоро они, левые эсеры, станут у власти в революционной России. Успех задуманного во многом зависит и от решительности, мужества Муравьева. Мария Спиридонова на него рас-

считывает. Только поэтому она и послала его, известного теоретика партии, в помощь главному, чтобы в нужную минуту оказать ему надежную поддержку.

— Как в Киеве! — буркнул Муравьев.

— Я прислан вас познакомить с постановлением нашего Цека, которое нельзя было доверить почте, дипкурьерам. Центральный Комитет признал необходимым в самый короткий срок положить конец так называемой «мирной передышке»...

Выдержав паузу, внимательно посмотрев на Муравьева, так и не поняв, как он отнесся к постановлению ЦК, Борис Станиславович пошел с козырной карты. Он доверительно сообщил, что после того как начнется снова война с немцами, а об этом ЦК позаботится, Муравьеву необходимо добиться, чтобы Восточный фронт объединился с чехословаками. Масарик вспомнит об услуге, которую оказал ему Муравьев, повернет свои эшелоны на Москву. Вместе с братьями чехами мы объявим войну немцам, спасем Россию от большевиков. Вы, Муравьев, будете верховным главнокомандующим всех войск России.

— Любите вы, цекисты, на чужом горбу в рай ехать. Что мне делать, не выполнять приказов Совнаркома и пойти под суд трибунала?.. — и, немного

остывая, сказал: — Хорошо, Борис Станиславович, идите, оставьте меня одного. Чудошвили вас устроит на императорском судне «Межень». В гостинице рискованно, не вступайте в конфликт с чека и не появляйтесь больше в штабе. Когда вы мне понадобится, я вас найду.

Отдав нужные распоряжения адъютанту, Муравьев спрятал в сейф телеграммы, полученные из Мурома, и, возвращаясь к письменному столу,глянул в зеркало. На него смотрел все еще молодой и энергичный военный. Мужественное, даже красивое лицо, которое так нравилось полковым дамам, не успели перепахать морщины. Лишь на висках появилось несколько седых волос, да глаза чуть помутнели, устали. Скрестив руки на груди, главком улыбнулся, может быть, Спиридонова и правильно ему наворожила: быть Михаилу Муравьеву русским Наполеоном, красным Гарибальди. Главное — не торопиться, не зарваться, не допустить снова ошибки.

В этом же здании, где сейчас помещается штаб фронта, Миша Муравьев был юнкером, боялся офицеров и юнкеров из именитых фамилий. Никто тогда не подозревал, что именно он, один из всего Казанского училища, достигнет поста главкома. Почему же ему не стать русским Бонапартом?

ЗНАКОМСТВО

1

Поздней ночью к поезду, следующему через станцию Инзу к Симбирску, прицепили служебный вагон командарма-один. Ординарец Тухачевского Йонас Петрила и его дружок, взятый для охраны вагона, Петр Федорович, едва успев лечь на полку вагона, захрапели. Михаил Николаевич долго стоял у окна, смотрел в темноту ночи, думал о делах, которые ждали в Симбирске. Мысленно продолжал спор с комиссаром армии. Упрямым и, как казалось Тухачевскому, весьма недалеким человеком.

Комиссар встретил Тухачевского недоверчиво. В интонациях его голоса, презрительном взгляде без труда можно было прочесть: «Карьеру делаешь, золотопогонник. Перекрасился, лейб-гвардеец».

Михаил Тухачевский из Казани на станцию Инза ехал окрыленный, полный радужных планов. Пост командарма, о котором совсем недавно он и мечтать не смел, сейчас несколько кружил голову. Хотелось оправдать доверие. А сделать это можно было лишь в бою. Белочехи захватили Самару. Их следовало оттуда изгнать. Всю дорогу от Казани до Инзы он

строил планы предстоящей операции, один смелее другого, понимая, что на месте, когда примет армию, познакомится с ее силой, возможностями — все эти планы могут оказаться непригодными. Но мечту о близкой победе, боевой славе нельзя было убить.

На станции Инза командарма ждало горькое разочарование. Правда, главком его предупреждал, что пока еще Первая армия не является регулярным соединением, что не все дивизии сформированы, нет штабов... Но того, что пришлось увидеть, он не ожидал. На запасных путях стояло множество товарных и пассажирских вагонов. В них жили солдаты, объединившиеся по принципам землячества или дружеского расположения. Вид бойцов был далеко не военным. Одеты, кто во что горазд, неряшливо, без малейшего уважения к форме. Оружие солдаты носили кому как вздумается — у одного винтовка, как у охотника ружье, болтается на шее, у другого — висит на ремне вниз стволом. Встречались солдаты, опоясанные пулеметными лентами, но без оружия. У вагонов привязаны коровы, козы. Здесь же в корытах стирают белье какие-то женщины, бегают голопузые ребятишки. Лагерь беженцев, а не войсковые части.

Так называемый штаб Первой армии состоял всего из пяти человек: комиссара, начальника штаба,

запуганного тихого седоусого полковника, начальника оперативного отдела, начальника снабжения и казначея. Все они вместе с прикомандированными к штабу красноармейцами размещались в одном зеленом пассажирском вагоне, на стене которого еще красовался двуглавый орел — герб царской России. Штабов дивизий и полков не существовало вовсе. Никто в штабарме не мог сказать, какова численность войск, какое вооружение. Штабисты неуверенно говорили о командирах отрядов, частей, групп, даже тех, что находились под боком на станции Инза. О частях в Пензе и Симбирске имели весьма приблизительное представление. Каждый из командиров отрядов считал себя главным начальником, вмешательства со стороны штаба армии не признавал, поступал только сообразно своему желанию и разумению.

Тухачевский с ходу устроил разнос своим штабным работникам, крупно поговорил с командирами отрядов, чем вызвал их нескрываемую неприязнь. Комиссар армии счел нужным сделать выговор молодому командарму:

— Царские обычки кинь, — выговаривал комиссар. — Революционный командир не ваше превосходительство. Здесь тебе не лейб-гвардии Семеновский полк...

Казначей, нагло ухмыляясь, спросил:

— Не ваших ли дружков, гражданин командарм, офицеров Семеновского полка недавно чека шлепнула за махинации с немцами?

— Нет, — резко ответил Тухачевский, — не моих друзей. Но всякого, кто станет подрывать революционную дисциплину в армии, подрывать ее боеспособность, мы сможем поставить на место. С командиров двойной спрос. С комиссара и казначея в том числе. Мы здесь собрались не с бабами спать, детей нянчить, парное молоко пить. Враг в Сызрани, в Самаре, главной базе Красной Армии угрожают белочехи, а мы здесь прохлаждаемся, как обозники.

— Ну, ну, полегче на поворотах, командарм, — пробасил кто-то из обиженных командиров.

— Обижаться нечего, товарищи. Перед отъездом из Москвы меня принял Ленин. Положение он назвал «архисерьезным». Владимир Ильич поручил мне создать регулярную боеспособную армию, с железной революционной дисциплиной. Я пообещал Ленину, что такая армия будет создана в ближайшее время. И я верю, что вместе с вами создадим такую армию. И не за горами час, когда мы поднимем снова красный флаг над Сызранью и Самарой.

Несколько дней в Инзе, а затем в Пензе ушло на ознакомление с отрядами, на формирование полков, дивизий. Вся работа упиралась в отсутствие необходимых командных кадров, штабных работни-

ков. Нужно было срочно провести мобилизацию офицеров, о которой говорили в Кремле. Против мобилизации рьяно выступил комиссар армии. Он наотрез отказался ехать с Тухачевским в Симбирск.

Множество раз Тухачевский слышал о золотопогонниках, которые, нацепив на фуражку красную звезду, потом становились предателями, перебегали на сторону контрреволюционных банд, по их вине гибли доверившиеся им солдаты. Комиссар имеет основания высказывать сомнения о добропорядочности бывших царских офицеров. И тем не менее, кто давал ему право говорить таким тоном с ним, с командармом, доверие к которому прежде всего он должен воспитывать у всего личного состава армии. Что он знает о семье Тухачевского? Дворяне — значит враги. Черного кобеля не отмоешь до бела. Это он называет классовым сознанием, революционной бдительностью! Не веря командирам — не выиграешь боя. Отказался комиссар участвовать в мобилизации офицеров — обойдемся без него. А если и симбирский Варейкис такой же тугодум?

...По вагону босыми ногами шлепает Медведь. Он распахивает дверь тамбура и орошает сонную, бегущую под колесами вагона землю. Снова хлопает дверь тамбура. Медведь застегивает штаны, сладко зевает, потягивается. Остановившись у Тухачевского за спиной, спрашивает:

— Вы что, так и не спали, товарищ командарм? Ложитесь, я покараулю.

— Спасибо, Петро, не хочется спать.

— Мне такой сон приснился. Вроде как в атаку шли. Беляк-гад на меня пушку направляет. Потом уже не помню, чего было. Приперло, проснулся. И чего оно обозначают эти сны, товарищ командир. На хрена мне эта война снится, лучше бы какая-никакая бабенка...

— Когда-нибудь, Медведь, ученые ответят на твой вопрос. Сейчас же для нас твой сон такая же тайна, как и то, что происходит на той далекой звезде.

— Значит, и вы не знаете, — разочарованно произнес солдат. — Тогда я пойду еще немного храпану, раз все одно вы не спите.

Сон, что такое сон? Может быть, вся жизнь — сладостный и кошмарный сон. Медведь мечтает увидеть во сне бабенку и не желает видеть войну. Он об этом честно признается при дневном свете. А сколько раз во сне нам грезятся тайные желания, которых мы ни за что не выскажем днем. Когда-то в плену подпоручик Тухачевский во сне видел себя на огромной сцене парижского театра. Он играл на скрипке, и многотысячный зал рыдал. Потом воздух сотрясали аплодисменты, и красивые женщины бросали к его ногам пунцовые розы. Разве он мог рассказать этот сон своим товарищам по баракам, ко-

которые мечтали не о скрипках и розах, а о том, как избавиться от вшей. Сон порою изобличает желания, которые, бодрствуя, мы тщательно скрываем даже от себя, не решаемся в них признаться. Муравьев, наверное, видит себя во сне Наполеоном или Кутузовым. Почему этот сон грешен? Если Кутузов не мечтал о победе над узурпатором, то как он выиграл сражение против французов? Зачем соглашаться командовать армией, если во сне стыдишься увидеть себя великим полководцем?

2

Поезд в Симбирск пришел ранним утром. До того как начнут работать городские учреждения, остается два-три часа. Этого достаточно, чтобы бегло познакомиться с городом, о котором лишь прочитал скупую справку в энциклопедии.

Попадая в незнакомый город, Михаил Николаевич любил в одиночестве по принципу «куда приведут ноги» бродить по улицам. Такое, казалось бы бесцельное, хождение помогало лучше познакомиться с новыми местами. Узнать не только городские достопримечательности, но и увидеть город таким, каким его ежедневно и ежечасно видят постоянные жители.

Дав поручение Петриле и Федоровичу, Тухачевский отправился в путешествие по пустынным в этот ранний час улицам.

В полевой сумке у командарма — письма Кобозева и Муравьева. Оба сегодня должны быть вручены адресатам. К кому идти первому — Варейкису или Иванову? Иванов, командующий группой войск, с него и следует начать день в Симбирске. Нет, пожалуй, лучше встретиться вначале с Варейкисом. Так рекомендовал поступить член Реввоенсовета. Но командующий хотел, чтобы я воспользовался помощью Иванова.

Так и не решив, к кому раньше обратиться, Михаил Николаевич стал спускаться по улице, круто сбегающей с откоса к предполагаемому центру города. Из-за угла с гиком, свистом появилась ватага босоногих мальчишек. От них стремглав улепетывал ирландский сеттер, зажав в зубах огромную кость. Собаке не повезло. Мальчишкам удалось загнать ее в угол.

— Ага, попалась, — закричал предводитель ватаги, замахнувшись на сеттера прутом.

Собака оскалила зубы и зарычала. Из-за угла выскочили Гражина и Сашка. Девчонка загородила собой сеттера.

— Не смейте бить собаку!

— Твоя, что ли? — осведомился вожак ватаги.

— Ей больно! — ответила девочка.

— Буржуйскую собаку пожалела, — загалдели мальчишки. — Да она же у нашей дворняжки кость сперла...

— Собаки не бывают буржуи, — резонно заметила Гражина, — собаки всегда собаки...

— Ты тут сопли не распускай, — полез с кулаками к Гражине вожак, не заметив даже, что сеттер, воспользовавшись случаем, подхватив кость, убежал. Молчавший до сих пор Санка вышел вперед.

— Гер-р-рой! — насмешливо сказал он. — То в собаку камни швыряешь, то на девчонку с кулаками...

— А ты что, по рылу хочешь получить?

— Не от тебя ли?

Увидев подходящего к ним военного, озорники разбежались, а Гражина, обрадовавшись, прижалась лицом к его гимнастерке.

— Значит, сбежала из детского дома?

— Что мне делать в Казани. Я же говорила вам, дядя Миша, — мне тетю Эляну надо найти.

— Когда ни увижу, всегда ты в драку лезешь.

— Это не я, а они. Слабых защищать надо. Ведь верно, да?

— Верно-то верно, — согласился командарм, — и драться приходится. Но при чем же здесь буржуйская собака?

Командарм встретился с Варейкисом раньше, чем предполагал, и чисто случайно. Вдоволь наговорившись со своими юными спутниками, Михаил Николаевич решил идти в губисполком, а потом уже к Климу Иванову. Стрелки часов на пожарной каланче приближались к восьми — в губисполкоме, наверное, начинают работать в восемь. Как раз время идти.

Из подъезда двухэтажного дома на Дворцовой улице вышел длинноволосый молодой человек в синей блузе.

— Разрешите спросить, товарищ? — обратился Тухачевский.

— Слушаю, товарищ, — длинноволосый удивленно посмотрел на странную троицу — подтянутого молодого человека в аккуратно подогнанной военной форме, девчонку в рваном платье и замурзанного, давно не мытого мальчишку. — Чем могу быть полезен?

— Не подскажете ли, как нам пройти в губисполком?

— Подскажу. Идемте вместе. Я как раз туда.

Михаил Николаевич вспомнил словесный портрет Варейкиса, который нарисовали члены Реввоенсовета Восточного фронта во время беседы в Казани.

— Варейкис, — говорил Георгий Иванович Бла-
гонравов, — человек своеобразный. По первому
впечатлению — он не похож на волевого, закален-
ного в боях, прошедшего тюрьмы и каторгу боль-
шевика...

— Кстати, Иосифу повезло: тюрьмы и каторги он
избежал, — вставил свое слово Петр Алексеевич
Кобозев, — и это не является его недостатком. Ва-
рейкис прошел хорошую рабочую школу, замеча-
тельный токарь, сын кочегара.

— На рабочего он тоже не похож, — продолжил
Георгий Иванович, — хотя и ходит в синей блузе.
Скорее он похож на разночинца, такого, как мы
привыкли видеть на портретах. Пышные каштановые
волосы до самых плеч, удлиненный с горбинкой нос,
худощавое лицо, острый взгляд...

Вглядываясь в лицо встреченного на Дворцовой
синеглазника, Михаил Николаевич подумал, что
член Реввоенсовета Благонравов наблюдательный
человек, действительно Варейкис напоминает кого-
то из плеяды Добролюбова или Чернышевского. И
уже уверенно спросил:

— Товарищ Варейкис?

Иосиф Михайлович не удивился, что незнакомый
военный узнал его. Должность такая — всегда на
людях. Где только он за день ни побывает, с какими

людьми ни встретится, сколько речей на собраниях и митингах произнесет.

— Тухачевский, — назвал себя Михаил Николаевич.

Синеблузник звонко, по-мальчишески расхохотался:

— Командарм-один?

— Так точно, — не понимая причины, вызвавшей смех Варейкиса, официальным тоном произнес Тухачевский и приложил руку к козырьку фуражки с красной звездой.

— А это что же, адъютанты командующего? — сквозь смех спросил Варейкис, кивком головы показывая на прижавшихся к Михаилу Николаевичу беспризорных детей.

— Пока еще не поставлены на довольствие, — принял шутку Михаил Николаевич. — Знакомьтесь, товарищ Варейкис. Это Гражина — очень воинственная особа, решительно лезет в драку, отстаивая права слабых и обиженных. Дон Кихот в юбке. А это ее верный оруженосец.

— Рад, что в наш грозный век встречаются рыцари печального образа.

— Я вовсе не рыцарь и не печальная, а веселая, — не согласилась с Варейкисом Гражина.

— Веселая так веселая, — не стал спорить Иосиф Михайлович и, обращаясь к Тухачевскому, сказал: — А вот и наш «Смольный».

— Смольный? — переспросил Михаил Николаевич.

— Бывший кадетский корпус. Здесь разместились губисполком и другие советские учреждения. Вот и называют люди это здание Симбирским «Смольным».

У входа в «Смольный» встретили Александра Швера — редактора местной газеты.

— Саша, попрошу тебя, позаботься о детях, а нам с командармом придется заняться другими делами.

Когда дети с редактором ушли, командарм вдруг вспомнил, что Гражина землячка Варейкиса.

— Где теперь не встретишь земляков, — ответил Варейкис. — Война людей по всей стране раскидала. Вот у нас в Симбирске в охране много латышских стрелков.

Михаил Николаевич рассказал о разногласиях, которые у него возникли с комиссаром, о мобилизации офицеров, которую командарм намерен провести в ближайшие же дни в Симбирске.

Выслушав Тухачевского, Варейкис положил перед собой лист чистой бумаги, макнул перо в чернильницу-невыливайку и просто сказал:

— Диктуйте. К языку приказов я не приучен, в армии не пришлось служить. О мобилизации офицеров мое мнение совпадает с вашим. Можем и вместе подписать приказ, если не возражаете.

— Мне нравится ваша решительность. Признаться, я не рассчитывал...

— Диктуйте!

— Приказ по Первой Восточной армии, — стал диктовать командарм, — третьего сего июля офицерам, проживающим в городе Симбирске, прибыть к 12 часам... Успеем мы подготовить все необходимое для мобилизации?

— Я понимаю, что дело не терпит отлагательства. Значит, надо успеть. Соберем офицеров здесь, в кадетском корпусе.

— Согласен.

— Только, может быть, начнем приказ с объяснения обстановки в стране, на фронте. Надо, чтобы люди поняли, почему мы вынуждены объявить мобилизацию офицеров, — посоветовал Варейкис.

— Если вы считаете необходимым, я согласен. Но здесь без вашей помощи мне не обойтись.

Через час, когда Александр Швер со свежим номером симбирской газеты зашел в кабинет председателя губкома, приказ уже был написан.

— Саша, прочти и давай в «Известия», — протянул редактору исписанный лист бумаги Варейкис.

Швер поправил пенсне и медленно стал читать вслух:

«Приказ по Первой Восточной армии

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика переживает тяжелые дни, окруженная со всех сторон врагами, ищущими поживиться за счет русских граждан. Ими было подготовлено и поддержано разными продажными элементами контрреволюционное восстание чехословаков. Долг каждого русского гражданина — взяться за оружие и отстоять государство от врагов, влекущих его к развалу.

Для создания боеспособной армии необходимы опытные руководители, а потому приказываю всем бывшим офицерам, проживающим в Симбирской губернии, немедленно встать под красные знамена вверенной мне армии.

Третьего сего июля офицерам, проживающим в городе Симбирске, прибыть к 12 часам в здание кадетского корпуса ко мне. Не явившиеся будут предаваться военно-полевому суду.

Командующий 1-й Восточной армией

ТУХАЧЕВСКИЙ

Товарищ председателя Симбирского губернского исполнительного комитета

ВАРЕЙКИС».

Положив на стол приказ, Швер спросил:

— Золотопогонников под красные знамена?

— А ты не согласен, Саша?

— Вы представляете, сколько кривотолков вызовет появление такого приказа в нашей газете?

— Представляем, Саша, — ответил Варейкис, — и решаем этот вопрос не опрометчиво. Мобилизацию офицеров в Симбирске нам рекомендовали провести... Товарищ Тухачевский встречался с Лениным.

— Может быть, дадим приказ в номер на третье июля? — спросил редактор. — В день, когда назначена мобилизация?

— Успеют ли прочитать? — выразил сомнение Тухачевский.

— Успеют. Сколько у нас в Симбирске офицеров? Полсотни, сотня...

Александра Швера поддержал Варейкис, согласился с его предложением и Тухачевский.

— Вам виднее, — сказал он, — прошу симбирских коммунистов позаботиться, чтобы о мобилизации был осведомлен каждый офицер. Ну, а мне еще предстоит встреча с командующим группой войск и военкомом губернии.

— Радость невелика, — заметил Варейкис. Редактор добавил:

- Пользы от этих встреч как от козла молока.
- Поживем увидим, — ответил Тухачевский.

★ ★ ★

Пока командарм был занят в Симбирском комитете партии большевиков, встречался с Климом Ивановым и другими левыми эсерами, Петрила и Медведь успели не только побродить по Симбирску, но и завести знакомство с латышскими стрелками, несущими службу по охране «Смольного», с бойцами Московского отряда. Латыши заказали командарму номер в Троицкой гостинице. Правда, Тухачевский об этом не просил, но Петрила, зная, что командарм всю ночь не сомкнул глаз, решил, что ему лучше, чем в вагоне, отдыхать в уютном номере гостиницы. Останавливались же там раньше приезжие помещики, купцы, офицеры — красному командарму тем более пристало переспать ночь в таком шикарном месте. Удалось получить и паек, чтобы вечером покормить Михаила Николаевича, а то за делами, чего доброго, весь день и голодный проходит.

Потеряв след командарма после того, как он с Варейкисом ушел из «Смольного», солдаты решили

ждать его у кадетского корпуса, чтобы не разми-
наться. Куда бы он ни пошел, все равно вернется
в губком партии, решили они. И не ошиблись. Ча-
сам к шести они увидели Тухачевского и Варейки-
са, возвращающихся после официальных визитов.

— Товарищ командующий, — доложил Петри-
ла, — гостиница заказана, паек получен.

— Спасибо, товарищ Петрила, но я не буду но-
чевать в Симбирске. Вы едете со мной в Инзу. То-
варищ Медведь поступает в распоряжение товарища
Варейкиса для связи губкома со штабом армии, —
и, вспомнив о Гражине и Сашке, сказал солдатам: —
А сейчас пойдем, товарищи, проведем наших мос-
ковских друзей.

— Кого это? — не понял Петрила.

— Твою землячку Гражину.

— Ну ловкая девка! — обрадовался Медведь. —
Тетку нашла?

— Нет. Пока в редакцию пристроили.

Гражина и Сашка, измазанные типографской
краской, бросились навстречу Тухачевскому и сол-
датам, появившимся в наборном цехе.

— Не забыли, пришли за нами, — захлопала в
ладоши Гражина.

— Пришли попрощаться, сейчас уезжаем из Сим-
бирска. Как вы тут устроились?

Девочка охотно объяснила, что Швер принял их на работу в типографию, тетя Клава поручила им продавать в городе газету, а за это им станут выдавать паек как настоящим рабочим.

— С жильем наладилось? — поинтересовался Варейкис.

— А как же, — ответил маленький тезка редактора. — Жить будем у тети Клавы. У нее во какая квартира, только папаша дюже сердитый. Обещал нас скрести, чтобы мы...

Сашка наморщил лоб, очевидно, вспоминая, как сказал доктор. На выручку ему поспешила Гражина:

— Чтобы мы не стали инсекцией. По-научному так заразу называют. А драть ему я себя не позволю. Пусть только попробует! — девочка воинственно сжала кулаки.

— Ты, Гражина, гляди, не трогай доктора, — предупредил Тухачевский, — а то я тебя знаю: не успеешь поздороваться, как полезешь в драку.

— Была нужда, болело брюхо, — ответил за Гражину Сашка.

★ ★ ★

Этот день положил начало большой дружбе, которую пронесли через всю жизнь два большевика — партийный работник и полководец.

Спустя пять месяцев, в ноябре 1918 года, покидая Первую армию в связи с новым назначением на Южный фронт, Тухачевский посчитал нужным обратиться с письмом к Варейкису, в котором признавался:

«Открыто говорю, что дело создания I армии и изгнания контрреволюции никогда не могло бы осуществиться, если бы Симбирский комитет партии и исполком не пришли на помощь.

...То, на что мы решились в начале июля, т. е. использование бывших офицеров и общая мобилизация, то же самое было проведено центром лишь в ноябре.

Таким образом, тов. Варейкис, я смотрю на вашу деятельность лично и на деятельность партии при защите Симбирска, как на блестяще выполненную работу, послужившую общегосударственным опытом».

4

В тот первый день знакомства Тухачевский не стал задерживаться в Симбирске. Пообещав приехать утром третьего июля, он отбыл на станцию Инза, где его ждало множество неотложных дел. По совету Варейкиса, он собрал всех коммунистов

армии. Прочитал приказ о мобилизации офицеров. Отметил, что съезд Советов специально оговорил, что каждый военный специалист, который честно и добросовестно работает над развитием и упорядочением военной мощи Советской республики, имеет право на уважение Рабоче-Крестьянской Армии и на поддержку Советской власти.

— Издавая этот приказ, Симбирский губисполком и я опирались таким образом на решение съезда Советов, — заявил командарм.

Ему возражали, что военные специалисты, которые сами к нам пришли — одно дело, а мобилизованные — другое. Мобилизованные придут в армию рабочих и крестьян не потому, что изменили свои убеждения, а потому, что их заставили служить делу, в которое они не верят и которому даже не сочувствуют. Придут с ухмылкой: «Не обошлись без нас, большевички».

То, о чем говорили выступавшие коммунисты, командарм отлично знал, не раз об этом думал.

Вчерашние солдаты-фронтовики, младшие офицеры, ставшие командирами в армии рабочих и крестьян, отличались героизмом, преданностью революции, некоторые из них были самородками — умели организовать людей, обладали народной сметкой, солдатской мудростью. Такие могли и перехитрить в бою чванливых белых офицеров, не-

дооценивающих противника, выиграть сражение «не по правилам», которые устанавливались, изучались военными авторитетами в академиях, а по солдатской интуиции, революционному чутью. Но и таким командирам, как вода в жару, нужны знания, нужна серьезная опора, умелая работа штабов.

Оставшиеся до 3 июля дни ушли на составление штатного расписания командного состава частей и соединений армии. Пожалуй, даже и удачно проведенная в Симбирске мобилизация сможет лишь частично укомплектовать штабы дивизий и полков. О более мелких подразделениях пока приходится лишь мечтать.

5

Проводив командарма, Варейкис вернулся в «Смольный», где его ждал Сергей Кузьмич Паршиков. Он сказал:

— Напрасно командарм с нашими левыми эсерами о предстоящей мобилизации офицеров разговаривал. Зашевелились, паразиты, такой галдеж подняли... Вовсю развернули пропаганду против мобилизации, стараются запугать обывателя, сбить людей с толку. Недашевский собрал работников военкомата и заявил им: «Большевики предали революцию.

Они возвращают в армию золотопогонников». Пришлось дать ему отповедь.

Паршиков обстоятельно доложил о мерах, принятых им и верными большевикам работниками Военкомата. Уточняются списки живущих в Симбирске офицеров, выписываются им повестки.

Прощаясь, Паршиков неожиданно спросил председателя губкома партии:

— Иосиф Викентьевич Варейкис не родственником вам приходится?

— Вы его знаете? — удивился Иосиф Михайлович.

— Преотлично. В царской тюрьме вместе сидели, в одной камере. Золотой души человек, твердый ленинец и с военным делом знаком. Вот кого следовало бы назначить губвоенкомом Симбирска. Он писал мне, что собирается сюда.

Варейкис был согласен с мнением Паршикова, что лучшей кандидатуры на пост Губвоенкома, чем Иосиф Викентьевич, и желать нельзя. Но если даже дядю и направят в Симбирск, как он того хочет, то эсеры без боя не передадут большевику пост губернского военного комиссара.

Старая дружба связывала дядю и племянника — двух Иосифов и двух Варейкисов. Именно от дяди маленький Иосиф впервые узнал, что есть такие

люди, которые называются революционерами, борются против царя. Об Иосифе Викентьевиче в деревне Варейкяй земляки говорили с глубоким уважением, но и с опаской: смелый, справедливый человек, ни тюрьмы, ни каторги не боится. Местные богатеи его иначе, чем каторжником, не называли.

Семья дяди оказала влияние не только на Иосифа, но и на его младших братьев Михаила и Вацлова, сестру Аню. Все они стали коммунистами. Вот собрались бы они все в Симбирске — большое подспорье было бы партийной организации.

В плену нахлынувших чувств, Иосиф Михайлович засел за письма в Подольск. Казнясь, что редко пишет, вспомнил некогда выписанную из какой-то переводной книги мысль, что уважение является крепостью, которая охраняет в равной степени как родителей, так и детей. Первых уважение спасает от огорчений, последних — от угрызений совести. Пообещал впредь писать чаще, как только позволит время. Ведь он любит свою семью, гордится родителями, которые помогли всем четверем детям стать подлинными бойцами за счастье людей. Иосиф закончил письмо признанием, что тоскует, хотел бы видеть близких людей рядом с собой. Когда рядом семья, и жить легче, и лишения переносить проще, и радоваться можно вдвойне.

Варейкис вышел из «Смольного», когда над Волгой уже опускались поздние сумерки. Не успел он дойти до почтового ящика, как увидел Эляну рядом с Климом Ивановым, замедлил шаг и, как не тянуло его к этой чужой, малознакомой женщине, решил пройти мимо.

— Что же это вы, Иосиф Михайлович, знакомых не узнаете? — спросила Эляна.

— Простите, я думал...

— Что «третий лишний», — подсказал Клим Иванов. — Напрасно. Мы с Еленой Антоновной только добрые знакомые.

— Клим Сергеевич, — объяснила женщина, — служил в батальоне моего мужа, фронтовые друзья.

— Вот оно что! — не зная, как себя вести в данной ситуации, Варейкис произнес первые попавшие на язык слова.

— Многозначительно, но непонятно, — усмехнулся Иванов. — Однако прошу прощения у дамы, дела. Честь имею кланяться.

— Бессовестный, — погрозила пальцем Иванову Эляна, — стараетесь быстрее от меня избавиться. Но не перевелись, надеюсь, в наш век рыцари, — и вопросительно посмотрела на Варейкиса.

— Не сомневаюсь, Иосиф Михайлович вас проводит, — за Варейкиса поспешил ответить Иванов.

Иванов поцеловал руку Эляне, козырнул Варейкису и заспешил вниз по улице.

— Вы не рады встрече со мной? — глядя в глаза Варейкису, спросила Эляна.

Иосиф Михайлович смутился, в жизни ему редко приходилось с глазу на глаз оставаться с красивыми и малознакомыми женщинами, вести разговор не о делах, а просто так, ни о чем. Почему-то подумал, что Клим Иванов на его месте, наверное, стал бы разливаться соловьем.

— Оказывается, вы не красноречивы. Слушая вас на собраниях, я составила иное мнение. Что это за конверт вы терзаете?

— Родителям написал.

— Они в Литве?

— В России, под Москвой.

Эляна остановилась у почтового ящика.

— Иосиф Михайлович, бросьте письмо, а то папа с мамой лишь мятые листки бумаги получают. А в этом доме напротив я живу. Если не боитесь, что я вас съем или скомпрометирую, то милости прошу. Угощу чашкой чая, прямо из самовара, — и совсем другим тоном, задушевно, по-литовски произнесла: — Расскажите о себе, о родном крае. Я так тоскую по Литве,

Разлив в чашки чай, положив в вазочку варенье из крыжовника, извинившись, что в доме нет сахара, хозяйка снова напомнила, что рада вечер провести с земляком, слышать родную речь.

— Ностальгия. Знакомая болезнь.

— Вы ею переболели?

— Еще как! В особенности в первые годы в Подольске, куда отец перевез семью из Варейкяй. Он там кочегаром работал, а я стал токарем на заводе швейных машин «Зингера». Очень я тогда тосковал по родным местам, хотя в Подольске у меня было много друзей. Там я стал коммунистом. Занят был по уши, а все-таки тоска по Литве не проходила.

— Видите, какие мы с вами несчастные.

— Нет, нет, — замахал руками Иосиф Михайлович, — только не несчастливые. Счастливые. И на Волге и на Украине — всюду я борюсь за свой родной край.

— У вас всюду друзья. У меня же знакомых много, а друга нет. Только не подумайте, что я набиваюсь вам в подруги. Просто объясняю, что у меня нет действенного средства, чтобы лечить ностальгию. Но давайте о другом. Хотя бы о вашем госте — красном генерале. Иванов сказал, что он собирается призвать в Красную Армию белых офицеров.

— Успел!

— Разве это тайна? Да об этом в Симбирске только и разговоров. Переполох в семьях офицеров. Страхи господни, слезы. Если бы мой муж оказался в городе...

— На каком же он фронте?

— Не знаю. Больше года не имела известий. Возможно, и в живых его нет.

— Пропал без вести?

— Незавидное у меня положение — ни мужняя жена, ни вдова. Но теперь таких, как я, много — солдатские жены. Мужчины, окопавшиеся в тылу, этим пользуются.

— Это вы по моему адресу?

— Помилуй бог, — и резко меняя тему разговора, спросила: — Вы не забыли литовский язык?

— Когда трудно, то даже по-литовски думаю.

— Вот как! Попробуем разговаривать по-литовски. Я так соскучилась по родному слову. Что вы думаете о нашем языке?

— Признаться, никогда об этом не думал. Язык как язык, средство общения людей...

— Какая проза. Язык выражает характер народа. В гостиных, как эlegantный кавалер, блистает французский. Немец жестко бросает свое тяжелое бюргерское слово... Русский язык, наоборот, бойкий, замашистый. Какое же наше литовское слово?

— Все зависит, Елена Антоновна, от того, какие мысли этими словами люди выражают, — закрыв глаза, Варейкис, медленно вспоминая, стал читать давным-давно услышанные литовские стихи:

*Барин еще никогда с мечом в руке не рождался,
Из материнского чрева бедняк не являлся вовеки
С грабельным острым зубцом, с кривою сохою, с
бороною.*

Кажут великую спесь между нас именитые баре, —

*Будто бы плавает жир поверх разогретой водицы.
А горемыка-бедняк, как снимет шапчонку худую,
Так, ослепленный, ее и роняет у печки холодной
Или же, стоя в углу, перед барином гнется в покло-
не.*

Эляна, подперев ладонью подбородок, не мигая, слушала гостя и, когда Варейкис умолк, поморщилась:

— Нет, вы невыносимы, Юозас. Даже стихи вы читаете о бедных и богатых. И в поэзии у вас, большевиков, воспевается классовая ненависть.

— Помилуйте, Эляна, какие уж тут большевики. Это же строки из поэмы Кристиёнаса Донелайтиса.

— Не знаю, не слышала. Как, вы сказали, зовут поэта?

— Кристиёнас Донелайтис — ксендз, первый литовский стихотворец.

— Не знаю, — повторила с вызовом хозяйка квартиры. — Мне больше нравятся стихи другого ксендза — Майрониса:

*Светло, как светло! То надежды горят...
Любовь воспевать мне охота!
Весь мир я бы к сердцу прижал, и подряд
Я все целовал бы без счета.*

Чаепитие затянулось далеко за полночь. Варейкис с восторгом слушал стихи, которые, как ему казалось, прекрасно читала хозяйка. Он был радостно возбужден, чувствовал себя блаженно, как человек, который в студеную осеннюю ночь неожиданно получил возможность отогреться у костра. Не хотелось уходить, но Елена Антоновна несколько раз украдкой зевнула, прикрыв ладошкой рот.

— Пора и честь знать, — неохотно поднялся из-за стола Варейкис.

— Боже, как хорошо, что мы встретились. Сегодня я словно побывала в моем любимом Вильно, посидела на берегу Вилии в Закретском парке.

— Если захотите совершить еще одно такое же путешествие в Литву, я к вашим услугам.

— Непременно. Заходите.

— Тогда до скорой встречи, — Варейкис неловко, как-то суетливо поцеловал руку Елены Антоновны.

Глава седьмая

ПОД КРАСНЫЕ ЗНАМЕНА

1

Едва часы на пожарной каланче пробили семь раз, как улицы Симбирска огласились криками юных продавцов газет:

— Приказ офицерам — встать под красные знамена. Сегодня, третьего июля, начинается мобилизация.

— На Украине восстание против кайзеровских войск.

— Кому «Известия»? Читайте приказ командарма. Кому «Известия»?

Дворники, поднимая пыль, лениво шаркали метлами по тротуарам. Высунувшись в открытые окна, через улицу переговаривались не успевшие еще причесаться женщины. С грохотом, дребезжа тащи-

лись с пристани подводы. Симбирск словно нехотя просыпался.

Гражина злилась на безучастно проходивших мимо ранних прохожих — домохозяек с пустыми корзинами, на торговок, несущих на базар свежие овощи и рыбу, биндюжников, погоняющих лошадей. Всем им, казалось, нет никакого дела до того, что происходит в мире, до восстания на Украине, боев против белочехов, мобилизации в Симбирске.

Чувствуя, что начинает першить в горле, девочка все же продолжала кричать:

— Покупайте «Известия»! Новости, последние новости!

Увидев идущих на базар барыньку с испуганными глазами и седого мужчину в потертом френче, сохранившем еще следы погон, Гражина озорно выкрикнула, по-своему прокомментировав приказ командарма Первой армии:

— Офицеры, которые сегодня не явятся в «Смольный», попадут под суд.

— Слышишь, Анатолий, — женщина схватила спутника за руку.

Мужчина протянул Гражине монету:

— Газету.

Чем ближе к базару, тем больше встречных, выше интерес к губернской газете. Уже не только «бывшие буржуи», как определила своих первых покупа-

телей Гражина, но и обычные обыватели покупают «Известия».

— Неужто «их благородий» в Красную Армию мобилизуют? — спросила тощая и длинная торговка рыбой.

— Купите — узнаете! — ответила юная продавщица.

По базару поползли слухи. Обыватели строили самые невероятные предположения. Одни утверждали, что большевики расписались в своем бессилии и вот теперь гнут шапку перед золотопогонниками. Другие, напротив, считали, что это хитрый маневр Советов: соберут всех офицеров в своем «Смольном» и отправят за решетку. Третьи высказывали предположение: из бывших офицеров укомплектуют штрафные батальоны и пошлют на фронт против белочехов.

Какие-то подвыпившие рыбаки громко распевали завезенные из Москвы частушки:

*Офицерик молодой,
Лицом беленький,
Ты катись колбасой,
Пока целенький!*

Чем больше было слухов, тем бойче шла торговля. Гражина успела продать около полусотни газет,

когда к ней подошли два заросших бородами, подвыпивших матроса из отряда анархистов.

— Чего жужжишь, як муха в глечике? — грозно спросил один из матросов. — Дай подвывиться.

— Купи, увидишь.

— И чего же это ты такое делаешь, девочка? — положил на плечо Гражины руку второй матрос. — Человек тебя просит, а ты что? Ну! Покажь, гадючка.

Понимая, что с подвыпившими анархистами лучше не связываться, Гражина попыталась убежать. Она обежала воз с овощами, но матросы не отставали. Один обошел воз справа, второй — слева.

— Отстаньте, дяденьки. Ну, пожалуйста, ну, прошу вас, миленькие, — взмолилась Гражина. — В газете приказ командарма напечатан.

— Гы, приказ! — засмеялся первый матрос. — Кто он такой, чтобы нам приказывать?

— Задницу подотри этим приказом, — грозно произнес второй анархист и выхватил из рук Гражины всю пачку «Известий».

Гражина, отчаянно барабаня слабыми кулачками по полосатой тельняшке, обтянувшей широкую грудь матроса, выкрикивала:

— Сам ты есть задница. Отдай газеты. Твои они, да? Ты их выпускал, да? Отдай, сейчас же отдай!

Отчаяние и слезы девочки только потешали матросов. Высокий, подняв пачку над головой, засмеялся:

— Достань — отдам. Ну, достань!

Девочка подпрыгнула раз, второй, но, как ни старалась, дотянуться до газет, поднятых над головой матроса, не могла. Вокруг собралась толпа зевак.

— Прыгает, как собачонка, — заметила веселая торговка.

— Зачем над девчушкой измываешься! — заступилась сердобольная старушка.

— Топай, бабуся, топай, — посоветовал первый матрос.

— Тебе, бабка, юбку не задрал, — ответил второй, — не дрыгай ногами.

Отплевываясь, произнося страшные ругательства, призывая на голову матросов божью кару, бабка ушла. А Гражина, приходя в отчаяние от собственного бессилия, все прыгала перед анархистами и впрямь, как собачонка.

— Дяденька, отдайте газеты, ну, пожалуйста, ну прошу, отдайте, — скулила девчонка.

Первый матрос протянул к лицу девочки огромный, воняющий луком и махоркой кулак, беззлобно спросил:

— А дулю не хочешь?

Отчаянно завизжав, Гражина еще раз подпрыгнула и вцепилась в выбившийся из-под бескозырки чуб матроса.

— Малахольная, отстань, — завопил от боли матрос, — отстань, сучка!

Схваченная сильными мужскими руками, девчонка вначале взлетела в воздух, а затем больно ударилась о землю. Над ней, медленно кружась, падали газеты.

Не успела Гражина подняться, как зеваки расхватили газеты, а те, что упали на землю, затоптали ногами.

Сквозь слезы Гражина увидела знакомого командира. Он заходил в редакцию, разговаривал с Варейкисом и дядей Мишей. Они его называли по фамилии Ивановым.

— Дяденька, командир, — девочка схватила Клима Иванова за руку, — они все газеты мои отняли, разбросали.

— Не продавай газет, которые не нравятся народу. Матросы — герои революции, за народ кровь проливают, а газету, которую тебе дали продавать, не желают читать. Соображаешь? Так и скажи редактору: не хотят трудящиеся читать его фальшивые «Известия».

Толпа, как круги на воде, быстро разошлась. Не сказав ни слова матросам, ушел Клим Иванов. Мат-

рос, дав на прощание затрепину газетнице, зло сказал:

— Твое счастье, что сопливая, а то мы тебе юбчонку задрали, показали бы, как на флотских ябедничать.

Гражина осталась наедине со своим горем. Куда идти? Что она скажет в типографии, что о ней подумают тетя Клава и дядя Саша? Надо же, чтобы не повезло. Первый раз пошла продавать «Известия» и опозорилась.

С ободранных коленок сочилась кровь, но Гражина не чувствовала боли, ее душила обида. Дошла до какого-то сквера, забралась за кусты, на пожелтевшую от зноя траву и дала волю слезам.

Что-то мокрое и теплое прикоснулось к руке девочки. Виляя хвостом, перед нею сидел сеттер. Тот самый, за которого она вчера заступилась. Собака словно знала, что заступившаяся за нее девочка нуждается в утешении: преданно смотрела ей в глаза.

— Здравствуй, буржуйская собака. И тебе, видно, нелегко, — девочка погладила блестящую шерсть, почесала за огромным, как варешка, ухом. Собака признательно лизнула замурзанный, мокрый от слез нос девчонки.

— Трезор, Трезор, ко мне! — послышался за кустами женский голос.

Сеттер прислушался, словно извиняясь, на прощание еще раз вильнул хвостом и помчался на зов хозяйки.

«Собака, и та кому-то нужна. Кто-то о ней беспокоится, зовет, — подумала Гражина. — А я?..»

Обиженная, огорченная девочка подложила расцарапанную грязную ладонь под щеку и не заметила, как уснула.

2

Как ни торопился Михаил Николаевич, но одного дня явно было мало для того, чтобы завершить мобилизацию офицеров в Симбирске. На этот раз пришлось остаться в городе с ночевкой. Хотя командарму снова забронировали лучший номер в Троицкой гостинице, он решил ночевать в своем штабном вагоне. В нем разместились и прибывшие вместе с ним из Инзы работники штаба.

— За ночь подготовим документы, — сказал Тухачевский Варейкису, объясняя, почему отказывается от удобного номера в гостинице.

В чужой монастырь со своими порядками не ходят, — ответил Иосиф Варейкис, — поступай, как знаешь. Я только могу подтвердить, что сегодня,

Михаил Николаевич, ты честно заработал право на отдых.

— Отдых, Иосиф, мы заслужим, когда всех буржуев разобьем.

— Согласен, Михаил, совершенно согласен, — поднял руки Варейкис. — Но твои штабные и сами документы прекрасно заполнят. Негоже командарму за все самому хвататься. Вот я тебе в порядке партийной дисциплины и предлагаю сегодня отдыхать.

— Ну, раз в порядке партийной дисциплины...

Они шли по пыльным, душным улицам Симбирска. Даже наступивший вечер не принес прохлады. Лето выдалось знойным, земля истосковалась по дождю, пожелтела трава, запылились листья деревьев. Спасаясь от духоты, горожане потянулись к берегам Волги.

И в шумных аллеях «Венца», заполненных гуляющими горожанами, Тухачевскому и Варейкису все еще виделся просторный зал «Смольного», мелькали лица офицеров, слышались их голоса. В зал один за другим входили мобилизованные, четко докладывали:

— Поручик Величковский.

— Ротмистр Гангеблов.

— Подпоручик Синявский.

— Капитан Лазутка.

Все они поначалу кажутся одинаковыми и какими становятся разными, когда внимательно вслушаешься в их ответы на один и тот же вопрос:

— Как вы относитесь к Советской власти, готовы ли служить в Красной Армии?

Важны были даже не слова, которыми отвечали офицеры на вопрос. Слова старательно подбирались, ответы тщательно продумывались. Важно было угадать по интонации голоса, прочитать по глазам, что скрывается за словами.

Невысокий полный человек в гражданском потертом костюме на первый вопрос командарма отвечает с готовностью и весьма подробно. Он признается в своей пламенной любви к Советской власти, радости, которая охватила его, когда узнал: покончено с трехсотлетним игом Романовых...

— Хотите вы служить в Красной Армии или нет? — теряя терпение, перебивает словоизлияния толстяка Варейкис.

— Поверьте, всей душой, товарищ... Простите, не знаю вашего звания... Всей душой, — на туго обтянувшей живот жилетке подпрыгивает цепочка от карманных часов, — но здоровье не позволяет. Язва у меня, язва желудка.

— Простите, — иронизирует Тухачевский, — запомнил ваше звание.

— Подполковник Азаров, — отвечает толстяк. — В юности мечтал посвятить свою жизнь служению Марсу. Можете представить, я однокашник командующего фронтом Муравьева.

— Думаю, что не кашей вас там кормили в юнкерском училище, подполковник, — усмехнулся Варейкис.

— Не кашей единой, — с готовностью согласился Азаров. — Но судьба играет человеком. На фоне блестящей карьеры, сделанной Мишей Муравьевым, я выгляжу неудачником.

— Короче говоря, у вас нет желания служить в армии рабочих и крестьян? — начиная раздражаться, спросил Иосиф Михайлович.

Обескураженно развел руками подполковник Азаров. Этот жест мог обозначать и протест против влоб поставленного Варейкисом вопроса: «Как вы могли подумать?», и оправдание: «Что поделаешь, раз уж так получилось».

— Я не слышу ответа, подполковник, — подчеркивая бывшее армейское звание, резко произнес командарм.

— Как я уже вам докладывал, моя военная карьера закончена. Видать, не судьба. Теперь я больной и старый человек.

— Сколько же вам лет? — спросил Варейкис.

— Да многовато, чтобы жизнь начинать сначала, — неопределенно ответил Азаров.

Заглянув в анкету Азарова, командарм уточнил:

— Тридцать восемь.

— Но язва, проклятая язва, — не сдавался подполковник.

— Пройдете медицинскую комиссию. Пока можете быть свободны, — распорядился Тухачевский. — Следующий.

Следующий подпоручик с насмешливым взглядом. На вопрос о желании служить в Красной Армии, отвечает лаконично:

— Так точно.

Какой-то капитан, ответив положительно на вопрос, стал интересоваться, какие он получит привилегии от службы в Красной Армии.

— Будете воевать за свою Родину, за свой народ. Это — самая высокая привилегия! — горячо ответил Варейкис.

— Премного благодарен, — сказал капитан, — но меня интересуют такие детали, как паек, материальное содержание, помощь семье. У меня престарелая мать, жена, ребенок. Им нужно жить, а я единственный кормилец.

— Кормилец! Не о том думаете, капитан. Враг на Волге. Разве вы забыли...

Тухачевский, более практичный, чем привыкший к словесным баталиям, горячим выступлениям на политических митингах Варейкис, не понял причины его раздражения. Командир, уходящий в армию, а это значит — на фронт, естественно, беспокоится о своей семье. Он спокойно объяснил, что, хотя Республика и находится в весьма стесненных обстоятельствах, она делает все возможное для своей армии, для семей военнослужащих.

Командарм и Варейкис молча сидели на скамейке в парке. Оба думали об одном и том же — о прошедшей мобилизации. Прервав затянувшуюся паузу, Михаил Николаевич сказал:

— Вот и мы сделали свой подарок съезду Советов. Первыми в России провели мобилизацию офицеров.

— Хорошо бы Гимов догадался сказать об этом на съезде.

— До открытия съезда два дня. Пошли ему телеграмму.

— Утром пошлю.

— Пусть Владимиру Ильичу покажет. Ведь это его задание мы выполняли.

— Завидую Михаилу Андреевичу, — признался Варейкис; Тухачевский посмотрел на Иосифа:

— Гимову завидуешь? Председателем губисполкома хочешь стать? Да у тебя и так власти достаточно.

Иосиф Михайлович поспешил объяснить, что его интересует не пост Гимова, а завидует он тому, что председатель губисполкома поехал в Москву на съезд, увидит Ленина. Тухачевский тоже встречался с Ильичем, а ему, Варейкису, такого счастья в жизни не выпадало. На многие дороги кидала его революция за последний год, но все они проходили вдали от Питера и Москвы.

Командарм не поддержал разговора, и снова наступила длительная пауза.

Мимо скамейки прошла девушка с букетиком полевых цветов в руках. Михаил Николаевич проводил ее взглядом. Это не ускользнуло от внимания Варейкиса.

— Понравилась?

— Цветы. Как я в плену тосковал по василькам и ромашкам, цветам, вобравшим аромат родной степи. Ничего я так не люблю, как музыку и цветы.

— Музыка и цветы — мечта командарма, — улыбнулся Иосиф Михайлович. — После этого еще смеют утверждать: когда говорят орудия, то молчат музы. Кстати, о музах. Может быть, проведем этот вечер у одной моей знакомой. Она приглашала заходить.

— Знаешь, откровенно говоря, не дамы у меня сейчас на уме.

— Напрасно ты так категоричен. Посидим, поболтаем, проведем вечер у интересной, интеллигентной женщины. Эляна, преподаватель музыки, прекрасно играет на рояле.

— Эляна? — таким тоном переспросил Тухачевский, что Варейкис удивленно на него посмотрел и счел нужным уточнить:

— Елена Антоновна Синкевич. Ты с ней знаком? В плену встречался с ее мужем?

Тухачевский объяснил, почему его так заинтересовало имя Эляна. Ведь Гражина как раз и приехала в Симбирск, чтобы найти тетю Эляну из Литвы, сестру погибшей на баррикадах в Москве матери. У девочки никого больше нет, кроме этой тети Эляны.

— Вот и повод, — обрадовался Варейкис, — возможно, Эляна и на самом деле родственница твоей протеже.

Но прежде чем идти к учительнице, отправились на вокзал, где стоял вагон командарма. Тухачевский отдал распоряжения работникам штаба, посмотрел, как они оформляют документы, попросил ординарца найти букет цветов, желательно роз.

— Розы, — заметил по этому поводу Варейкис, — очень хорошо. Но полезнее было бы захватить чего-нибудь съестного. В Симбирске голодно. Я не уверен, что у Эляны найдется сахар и заварка для чая.

Да и я ничем не могу помочь — пайка еще не получал, и дома хоть шаром покати.

— Потрясем наши запасы, пообещал командарм, но поверь, что цветы, красные розы, обрадуют женщину больше, чем булка хлеба или фунт сахара.

Ординарец принес пять роз. Три пунцовых и две кремовых. Варейкис вдохнул давно забытый нежный аромат. А красноармеец буднично доложил:

— Товарищ командрам, хозяйка за цветы отказалась деньги брать, согласилась только на пайку хлеба сменять.

— Спасибо, товарищ. Рассчитаетесь моим пайком. — Обращаясь к Варейкису, сказал: — Я готов, пошли, Иосиф.

3

Елена Антоновна, увидев неожиданных гостей, растерялась, засуетилась:

— Извините, я в таком виде, никого не ждала.

Женщина была одета по-домашнему: в простеньком ситцевом халатике, шлепанцах на босу ногу. Волосы покрыты косынкой, из-под которой беспорядочно выбивались несколько прядей.

— Видите, — сказал ей по-литовски Варейкис, — я не только сам пришел, но еще гостя привел. Вы не сердитесь?

— Я рада, — ответила по-литовски хозяйка. — Но это так неожиданно. Милости прошу. Приглашайте гостя, а я должна привести себя в порядок.

Трезор, прозевавший приход гостей, стремительно вбежал из соседней комнаты, где, видно, бессовестно дрых. Лизнул Варейкису, как старому знакомому, руку, настороженно подошел к Тухачевскому.

— Здравствуй, буржуйская собака. Ведь мы с тобой знакомы, — Михаил Николаевич подумал, что, возможно, судьба вначале свела девчонку с тетиной собакой, а уже потом ее перст укажет и на саму тетушку.

Он открыл крышку рояля. Робко, словно вспоминая что-то свое сокровенное, дотронулся до клавиш, прислушался к звенящему «Си», и вдруг его крепкая рука воина стала гибкой и легкой, гостиная заполнилась раздольной, как сама Волга, музыкой.

Варейкис с наслаждением прикрыл глаза. Вошла Елена Антоновна и тихо присела на краешек дивана, чтобы не помешать пианисту. Так же неожиданно, как начал играть, Тухачевский встал из-за рояля.

— Вы недурно играете, — похвалила Эляна.

— Что вы, на скрипке я когда-то играл... Еще до войны, до плена.

— Вы были в плену? Иосиф Михайлович, вы даже не познакомили меня со своим приятелем.

— Тухачевский, — назвался Михаил Николаевич и приподнес хозяйке букет роз.

— Какая прелесть, — восторженно произнесла Эляна. — Боже, как давно мне никто не дарил цветов.

Ставя розы в вазу, Елена Антоновна вдруг вспомнила, что сегодня много раз слышала фамилию, которой назвался ее гость, спросила:

— Вы тот самый Тухачевский?

— Подозреваю, что тот самый.

Все засмеялись. Дольше всех смеялся Михаил Николаевич. Смеялся заразительно, «со слезинкой», как, бывало, говаривала бабушка Соня, когда юный Мишенька хохотал до тех пор, пока на его больших голубых глазах не появлялись слезы. И этот искренний смех сблизил малознакомых людей.

— Сегодня после того, как один мой знакомый подполковник побывал в вашем «Смольном», — с трудом сдерживая смех, продолжала хозяйка, — его супруга уверяла, что под видом командарма в Симбирск приехал сам Дзержинский. Только бороду сбрил. Нынче ночью она предсказывала поварные аресты. Не только всех бывших офицеров, не

взятых на службу в вашу армию, но даже и их жен. Так что не пришли ли вы за мной, господа, чтобы отвести в свое чека?

— Вместо ордера предъявили букет роз, — под-держал шутку Варейкис.

Когда началось чаепитие, Елена Антоновна зада-ла вопрос, который, очевидно, возник у нее в тот самый момент, когда командарм обмолвился, что был в плену: не встречал ли Михаил Николаевич в лагерях поручика Синкевича Виктора Викентьевича. Эляна взяла с рояля фотографию мужа.

— Ни в одном из четырех офицерских лагерей в Германии, в которых мне, к сожалению, пришлось пробыть не месяцы, а годы, я не встречал офицера, похожего на вашего мужа. Впрочем, это и не уди-вительно: мы все там не были похожи на самих себя.

Михаил Николаевич вынул из потертого портмоне фотографию изможденного, заросшего щетиной че-ловека, неопределенного возраста, в рваной, измя-той солдатской форме. Лишь по глазам, которые на лице с ввалившимися щеками казались еще больше, можно было признать Тухачевского. Командарм объяснил, что фотографию эту сделал в Париже, после того как побывал у русского военного агента графа Игнатьева, получил от него деньги на проезд

и, прежде чем сбросить лагерное тряпье, зашел к фотографу.

— Этот снимок всегда со мной, — признался Тухачевский, — он не дает остывать сердцу.

— Боже мой, какой ужас, — несколько раз повторила Елена Антоновна, разглядывая то лагерную фотографию Тухачевского, то снимок мужа, сделанный перед отправкой на фронт. — В таком виде и я бы могла не узнать Виктора.

Как часто бывает в компании, собравшейся за столом, разговор перескакивал с темы на тему. С воспоминаний Тухачевского о плене переключились на положение с продовольствием в Симбирске, выслушали возмущенную речь хозяйки о фантастически высоких ценах на базаре. Затем без видимой связи последовал вопрос:

— Не понимаю, почему вы, большевики, не можете найти общего языка с эсерами. И они и вы — революционеры. И они и вы — русские люди, служите своему народу. Больше того, вот вы, Михаил Николаевич, сегодня призвали под знамена своей армии бывших царских офицеров. И об этом в Симбирске говорят как о сенсации. Но ведь Клим Сергеевич, я говорю о прапорщике Иванове, командующем Симбирской группой войск, давным-давно укомплектовал свою группу бывшими офицерами, это ни у кого не вызывало удивления.

— Вот как! — непроизвольно вырвалось у Тухачевского, и он выразительно посмотрел на Варейкиса. Иосифу Михайловичу был хорошо понятен этот взгляд. Только на днях Клим Иванов вместе с эсером военкомом наотрез отказались участвовать в мобилизации офицеров для службы в Первой армии, уверяя, что не намерен оживлять «смердящие трупы». Оказывается, что эти самые «смердящие трупы» уже давно используют в Симбирской группе войск. Почему же они делают из этого тайну?

Определив по выразительным взглядам мужчин, что сболтнула что-то лишнее, Елена Антоновна с напускной веселостью воскликнула:

— Господа, я не политик и ничего в ваших баталиях не понимаю. Имейте снисхождение. Я не героиня, я просто женщина, возможно, даже недалекая... У меня не укладывается в голове, как вы, интеллигентные люди, одаренные от природы, музыканты, художники, живете в казармах, находите общий язык с невежественными солдатами, подлаживаетесь под них?

— Хотите, объясню? — спросил Михаил Николаевич.

— И вы думаете, что я что-нибудь пойму?

— Захотите, Эляна, — ответил за друга Варейкис, — все поймете.

— С вашей помощью, Юозас, — по-литовски произнесла хозяйка. Улыбнувшись Тухачевскому, объяснила по-русски: — Я призналась товарищу Варейкису, что нуждаюсь в его помощи. Вы за это меня не осуждаете?

— Завидую. И хочу признаться, что сам некоторым образом нуждаюсь в вашей помощи.

Елена Антоновна деланно засмеялась, даже захлопала в ладоши:

— Никогда мне еще не приходилось оказывать услуг командующим целыми армиями. Сразу предупреждаю, что на роль Жанны д'Арк я не подхожу. Вот если вы намерены провести мобилизацию амазонок... В детстве я несколько раз садилась на коня, но оружия никогда в руках не держала.

— Услуга другого свойства. Речь идет о маленькой девочке, судьба которой заинтересовала меня в Москве.

— Вы меня заинтриговали, Михаил Николаевич, я вся внимание.

Не вдаваясь в подробности, Михаил Николаевич рассказал о Гражине, о том, что она ищет тетю Эляну, которая живет в городе, где родился Ленин.

— Вы полагаете, что эта девочка моя племянница?

— Я ничего не могу утверждать. Когда Иосиф назвал ваше имя, то я подумал...

— Девочка не называла имени матери?

— Кажется, не называла.

— У меня действительно есть сестра Бируте. Старшая сестра. Мы с ней были очень разные. После ее странного замужества она порвала с нашей семьей. Помнится, что мама делала какие-то шаги к примирению. Да, мама писала мне, что у Бируте родилась дочь.

— Гражина, — подсказал Тухачевский.

— Возможно. Имени племянницы мама не называла. И я могу эту девочку увидеть?

— Чего же проще. Завтра мы ее к вам пришем.

На прощание Елена Антоновна пообещала, что постарается быть полезной Гражине, даже если она и не ее племянница, а Варейкиса по-литовски попросила, чтобы поручение командарма выполняла какая-нибудь другая большевичка, а не дочь доктора Верещагина.

— Эта девчонка становится несносной, шпионит за мной, наводит справки у всех знакомых. Подозреваю, что она влюблена в вас и ревнует.

— Ерунда какая-то, — смутился Варейкис. — Какая любовь? Какая ревность?

— Думаю, что и большевики не застрахованы от негасимого пламени любви, — и уже по-русски добавила: — Жду Гражину. Спокойной ночи, господа.

ТРЕВОГА

1

Нашлась тетя, исчезла племянница. Первым исчезновение Гражины обнаружил Сашка. Еще утром, получая в типографии газету «Известия Симбирского Совета», он поспорил с подружкой, что может зараз съесть двадцать вафлей мороженого.

— Слабó, — ответила Гражина, — после десяти порций говорить не сможешь, горло обледеет и кишки начисто замерзнут.

Спор был чисто теоретическим. Мороженого ребята давным-давно не ели, и денег у них не было, чтобы купить не двадцать, а хотя бы одну порцию.

Заключив распродажу своей пачки «Известий», Сашка вернулся в типографию. Гражины еще не было. Мальчик злорадствовал: «Не хотела со мной идти на пристань, все газеты продала бы». Солдаты прибывшего в Симбирск бронедивизиона купили сразу двадцать газет. Даже сам командир, щеголевато одетый, надушенный, дотронувшись стеклом до плеча мальчика, спросил:

— Что приказывает командарм Первой?

Но разговориться маленькому газетчику с командиром бронедивизиона не удалось. К нему подошел командующий Симбирской группой войск Клим Иванов.

— Привет, Беретти, — поздоровался он.

— Иванов?! — воскликнул командир бронедивизиона и хлопнул себя стеклом по голенищам сапог. — Я как раз думал сегодня нанести тебе визит вежливости.

— Ты все не расстаешься со стеклом, Беретти, — засмеялся Иванов. — Как будто не бронеавтомобилями командуешь, а эскадроном гусар.

— Амулет, Клим, — поднял стек Беретти.

— Все мы немного суеверны, — согласился Иванов. И уже деловым тоном спросил: — Приказ главкома получил? Муравьев по прямому проводу меня предупредил, что ты хотя и предан со своими броневидами Первой армии, но подчинишься только ему.

— Понятно. Чудошвили мне приказал: «Дорогой, не двигайся с места, пока от меня дополнительных указаний не получишь».

Очевидно, Беретти точно передал манеру разговаривать неизвестного Сашке Чудошвили, так как собеседники дружно засмеялись. Иванов взглянул на газетчика:

— Чего ты, пацан, тут прислушиваешься? Через левое плечо, кру-гом...

— Иди, мальчик, иди, хлопнул стеклом Сашку по спине Беретти.

— Вы, дяденька командир, мне за газетку забыли заплатить.

— Прости, друг, — извинился командир бронедивизиона. — Трудящийся народ не обсчитываю. Получай с процентами, — и он дал Сашке бумажку, на которую можно было купить не то что газету, а даже две вафли мороженого.

Сашке нетерпелось быстрее увидеть подружку, рассказать ей о щедром командире бронедивизиона. Он мечтал угостить Гражину мороженым на деньги, которые словно с неба свалились. Но девочка все не приходила. Вернулись в типографию другие газетчики, а ее не было, и никто из них ее не видел. Будто сквозь землю провалилась. Не пришла она и к обеду. Мальчик боялся отойти от «Смольного», чтобы не разминуться. Где бы она ни задержалась, сюда-то наверняка придет. Но Гражина не пришла и к ужину.

Вечером, выйдя из «Смольного», Клава Верецагина сказала:

— Набегались, небось. Зови, Саша, подружку, пойдем спать.

— Гражины нет, — развел руками Саша, — еще не приходила. Как ушла утром газеты продавать, так и не вернулась.

— Не вернулась, и ты молчал? Тоже мне, друг называешься.

— Я ее ждал, тетя Клава.

Долго этим вечером бродили по улицам Симбирска Клавдия Верещагина и ее юный спутник. Они побывали на пристани, заброшенных баржах, где ночевали беспризорники, на вокзале, в скверах и на бульварах. Гражины не было.

— Может, она куда уехала? — высказала предположение Верещагина.

— Нет, — убежденно возразил мальчик, — сказав мне, она ни в жизнь не уехала бы.

Во время бесплодных поисков Сашка рассказал тете Клаве, что хотел сообщить своей подружке о бронедивизионе, о щедром командире Беретти, о том, что он никому-никому на свете, кроме главкома, не может подчиняться, а затем предложил своей спутнице вафлю мороженого, которой собирался угостить Гражину. От мороженого Верещагина отказалась, а вот о разговоре Иванова и Беретти попросила повторить снова.

— Приказано с места не двигаться и никому не подчиняться. Я тебя правильно поняла? — уточнила молодая журналистка. — Станный приказ. Надо о нем рассказать товарищу Варейкису.

Утром, услышав о приказе, который получил Беретти, Варейкис порекомендовал Верещагиной пой-

ти в бронедивизион, ну хотя бы для того, чтобы взять интервью для «Известий». Но, главное — прощупать настроение солдат, выяснить, что за человек Беретти, почему им так заинтересовался Клим Иванов. Не замышляют ли чего левые эсеры в Симбирске?

Что же касается Гражины, то ее поиск Иосиф Михайлович решил поручить товарищам из городской милиции. Доморощенные пинкертоны, пожалуй, с этой задачей не справятся.

Клава не осталась в долгу. В ответ на «доморощенных пинкертонов» она заявила, что у дочери погибшей на московских баррикадах революционерки хватило классового чутья, чтобы не встречаться с тетенькой-буржуйкой. Вот и сбежала от этой прекрасной перспективы. Ведь все равно для тетушки ее собака будет дороже племянницы.

— Кстати, все забываю, как зовут собаку мадам Синкевич? — с вызовом спросила Клава у Иосифа Михайловича.

— Трезор, — машинально ответил Варейкис.

— Правильно. Ведь вы уже мне говорили. Так вот девочка не захотела делить любовь тетушки с Трезором.

— Кстати, учительница такая же буржуйка, как и ты — дочь врача...

— Спасибо за сравнение. Но вы забыли, что я большевичка.

— Этим, Верещагина, не хвастаются.

2

И все-таки главную роль в розысках Гражины сыграла журналистка, а не милиция, которая без всякого энтузиазма встретила поручение Варейкиса. Попробуй найти беспризорную девчонку, когда их полно не только в Симбирске, но и во всем Поволжье, а милиционеров раз-два, и обчелся.

Клавдия встретила девочку в бронедивизионе. Гражина чувствовала себя среди солдат как старая знакомая. Вначале, увидев Верещагину, она хотела спрятаться за спины солдат; но потом раздумала и вышла ей навстречу:

— Здравствуйте, тетя Клава, вы не думайте, деньги я вам верну. Уже у меня почти все есть. Вот солдаты дали.

— Какие деньги, что ты болтаешь?

— За газеты.

Девочка рассказала о той неприятности, которая произошла с ней на базаре.

— Эти солдаты мне обещали, если я им покажу тех матросов, так они с них шкуру спустят. Вот я и не могу к вам вернуться, пока матросов не найду.

— Глупости, с анархистами мы сами рассчитаемся. Кстати, чрезвычайной следственной комиссии пришлось арестовать за грабежи нескольких матросов-анархистов. Может быть, и твои недруги в тюрьму угодили. Пойдешь туда со мной. Сашка там с ног сбился, все тебя ищет. Мороженым хочет угостить.

— Да ну, — обрадовалась девочка. — Вот это кореш.

— И тетушку твою товарищ Варейкис разыскал. Так что ждет тебя приятное знакомство. — Обращаясь к солдатам бронедивизиона, Клава попросила: — Присмотрите за ней, товарищи, чтобы не сбежала. Мне надо у вашего командира интервью взять.

— Интервью — это по-ученому теперь называют, — засмеялся молодой водитель броневика.

— Только барышня спутала, — поддержал шутку его товарищ. — Хоть интервью, хоть что, но дать должна она, а уж командир взять.

— Зачем к командиру идти, — добавил длиннорусый шофер с лихо надетой на затылок кожаной фуражкой. — Это самое интервью и мы можем с вами произвести, по самой последней науке. А то нет, хлопцы?

— Наржались? А теперь помолчите, — смело оборвала солдатские шуточки Верещагина. — Помните, не барышня, а товарищ. А интервью, чтобы вы знали — так называется беседа, которую берет журналист у кого-либо для газеты. Вот я и хочу поговорить с вашим командиром, чтобы в газете «Известия Симбирского Совета» рассказать, как герои революции — солдаты бронедивизиона намерены воевать, а не девушек лапать, — Клава стукнула по рукам шофера в кожаной фуражке, который ухватил ее за плечи и попытался чмокнуть в щеку.

— Футы-нуты, ножки гнуты, испугала, — поднял упавшую на пол фуражку солдат.

Солдаты предупредили журналистку, что Беретти с ней беседовать не станет. В бронедивизион прибыл командующий Симбирской группой войск и губвоенком. Через несколько минут начнется митинг.

Вместе с солдатами Клава Верещагина вышла на просторный двор, где стояли бронеавтомобили. На один из них уже поднялись Беретти, Иванов и Недашевский.

Командир бронедивизиона вскинул руку со стеклом над головой, призывая к тишине:

— Товарищи бойцы, однополчане. Сегодня мы собрались накануне больших событий, больших пе-

ремен, которые вот-вот должны произойти на нашей революционной многострадальной, обильно политой кровью народа земле.

Верещагина торопливо стала записывать речь Беретти в ученическую тетрадь. К уху командира дивизиона склонился Иванов. Беретти похлопал себя стеком по блестящим крагам, обвел взглядом собравшихся. Наконец увидел журналистку:

— Кто такая? Почему в казармах посторонние?

— Я не посторонняя, — пробилась вперед Верещагина, — я представитель газеты, которую издает в Симбирске местный Совет. Надеюсь, от него у вас нет тайн?

Вмешался Клим Иванов. Он напомнил, что большевики ратуют за строгую дисциплину в армии. В таком случае, почему член партии большевиков Клавдия Верещагина, являясь в распоряжение воинской части, не попросила разрешения ее командира участвовать в митинге, который касается не столько общественности города, сколько военнослужащих.

— Почему же, общественность тоже хотела бы узнать, накануне каких больших перемен мы находимся, о каких больших событиях, неизвестных даже редакции, говорил командир? Попросить разрешения присутствовать на митинге я не успела. Впрочем, насколько мне известно, разрешения на

проведение митинга не просил и командир бронедивизиона в губисполкоме.

— У Варейкиса, что ли?

— Товарищ Гимов уехал в Москву на съезд Советов. Значит, вам следовало обратиться к товарищу председателя губисполкома Иосифу Михайловичу Варейкису.

После небольшого замешательства Иванов и Беретти решили митинг продолжить и разрешить присутствовать на нем представителю редакции. Взяв слово, Клим Иванов прежде всего объяснил, что под большим событием в жизни страны командир бронедивизиона имел ввиду съезд Советов, который завтра, 6 июля, открывается в Москве. Если об этом запамятовали в редакции, достойно сожаления. Революционная Россия ждет от съезда ответа на многие вопросы. Среди делегатов, к счастью, не только большевики, но и представители других революционных партий. Делегаты левых эсеров хотят выяснить, почему стоящие у власти большевики поставили на колени перед немцами народы России.

— Солдаты бронедивизиона, — с пафосом возобновил прерванное выступление Беретти, — хотят знать, против кого они поведут свои боевые машины. Чехословаки, взятые в плен русской армией, желали вместе с нами воевать против немцев. Для этого мы с ними поделились оружием. Почему же

сейчас нас заставляют стрелять не в немцев, захвативших наши земли, а в братьев чехословаков? На этот вопрос, товарищ корреспондент, мы и хотим услышать ответ от командующего Симбирской группой войск. Уверен, что губисполком против этого не станет возражать.

— Я не уполномочена решать за губисполком о правомочности собранного вами, товарищ командир, митинга, — ответила Верещагина. — Хотя предполагаю, что вы обворовываете себя, предоставляя возможность высказаться по заинтересовавшему солдат вопросу только левым эсерам. Знаю, что у Симбирского комитета партии большевиков точка зрения не совпадает с точкой зрения левых эсеров. Может быть, товарищ Варейкис...

— Думаю, что в другой раз, — перебил журналистку Клим Иванов, — солдаты сочтут возможным выслушать и товарища Варейкиса, который, кажется, является вашим женихом или что-то в этом роде...

Верещагина смутилась, солдаты засмеялись.

— Вот, оказывается, кому барышня дает интервью, — выкрикнул шофер в кожаной фуражке.

Клим Иванов снова овладел вниманием солдат. Он пересказал историю создания чехословацких бригад, укомплектованных из пленных, о чешском национальном комитете в России, стремившемся основать Богемское королевство под скипетром им-

ператора России. Комитет и участвовал в формировании из военнопленных полков и бригад. Они вместе с русскими должны были воевать против австрийцев и немцев.

— Но, — воздел над головой руки Клим Иванов, — то, что мог сделать тупоумный российский монарх, оказалось не под силу нашим большевикам. Романов привлек на свою сторону чехословаков. Большевики любят к месту и не к месту повторять лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», с братьями же чехословаками расправляются как с лютыми недругами. А ведь товарищам большевикам должно быть известно, что основу чехословацких бригад составляют пролетарии. Большинство пленных чехов и словаков работали на фабриках и заводах. Когда началась гражданская война, предприятия закрылись. Вина в этом не пленным, но они первыми оказались вышвырнутыми на улицу. Они стали перед проблемой: умереть с голода в чужой стране или с оружием в руках пробиваться к себе на родину. Большинство без колебаний надело военную форму, взяло в руки оружие.

Чем дальше, тем больше оратор входил в раж. Он не жалел красивых слов, чтобы обрисовать благородство тех самых чехословаков, которые совершили разбойничий налет на Пензу, захватили Самару, угрожают Симбирску и Казани. Расстреливают ком-

мунистов и рабочих, грабят население в захваченных городах и селах. Он не нашел слов осуждения даже для командования бригад, национального комитета, забыл, что они открыто заявили, что осуждают Октябрьскую революцию, не признают Советы, что их идеал — монархия и они не отказываются от идеи создать королевство Богемии. На большевиков он лил один ушат грязи за другим. Обвинил их даже в том, что верхушка чехословацких пленных кинулась в объятия кадетов...

Клава Верещагина не стала до конца выслушивать пасквильантскую речь командующего Симбирской группой войск. Схватив Гражину за руку, она помчалась в «Смольный», но, как нарочно, ни Варейкиса, ни Швера на месте не оказалось, сказали, что они пошли на пристань.

3

На этот раз Клаве Верещагиной изменило журналистское чутье. Она обошла чуть ли не всю пристань, прежде чем нашла Варейкиса. Председатель Симбирского комитета РКП(б), прихватив ремешком волосы, чтобы не спадали на лоб, не мешали смотреть, склонился над токарным станком.

В ремонтных мастерских не хватало рабочих, а заказ предстояло выполнить огромный. Для Первой армии готовилась флотилия. После осмотра всех находившихся на плаву пароходов и барж оказалось, что большей части срочно требуется текущий или капитальный ремонт. А как его произведешь? За военные годы мастерские пришли в запустение. Не хватало материалов, инструментов, нуждались в наладке старенькие станки. Главное, не хватало мастеровых: кто ушел на войну и не вернулся, кто отправился на заработки в более сытные места. Коммунисты Симбирска мобилизовали мастеровых с других предприятий в помощь речникам, но их все-таки не хватало.

В Подольске Иосиф Варейкис считался неплохим токарем. Случалось, ему поручали обрабатывать детали, требующие особой точности. Но прошло более двух лет, как он не включал станка. Утрачена сноровка. Хороший токарь, как и спортсмен, должен постоянно поддерживать форму. Но всякий раз, попадая в цех, наблюдая за станочниками, он чувствовал желание поработать.

Сегодня Иосиф Михайлович не смог преодолеть искушения. Небольшая деталь для двигателя не получалась у рабочего с мешками под глазами, руки его дрожали то ли от пьянки, то ли от недоедания.

Рабочий заporол одну болванку, вторую, со злостью выключил станок.

— Шабаш, все равно ни хрена на этой гитаре не сыграешь.

Деталь напоминала те, что Варейкису приходилось обтачивать на заводе швейных машин в Подольске. И он рискнул:

— Разреши, отец, попробовать.

— Чего? — не понял токарь.

— Разреши на твоём станке поработать, — уточнил Варейкис.

Рабочий охотно согласился, обтер тряпкой руки, предупредил, что деталь сложная, а станок — рухлядь. По улыбке, искривившей губы, можно было легко догадаться, что токарь воспринял просьбу руководителя Симбирского комитета партии большевиков, как блажь, с трудом удержал на кончике языка готовые было сорваться обидные слова: за станком надо уметь работать, не то что на митингах речи произносить.

Варейкис долго рассматривал чертеж детали, прежде чем закрепил болванку, включил станок. Он не оглядывался, но всем телом чувствовал пронизывающие взгляды рабочих — любопытные, недоуменные, иронические. От этого появилась неуверенность, движения были скованы, пальцы непослушны. Первый блин, как ему и полагается, по-

лучился комом. Виновато оглянувшись по сторонам, он выбросил бракованную деталь. Ждал, что за спиной раздастся смех, обидные шуточки. Но в этот момент Варейкис не поймал на себе ни одного взгляда, хотя был уверен, что все видели, как опозорился руководитель партийного комитета.

«Спокойнее, спокойнее, — приказал себе Иосиф. — Я должен сделать эту проклятую деталь, я ее сделаю. Только спокойнее». Тщательно закрепленная новая болванка, изменен чуть-чуть угол резца, гудит мотор, спиралью вьется стружка. Теперь уже старый станок кажется давним знакомым. Право, он чуть похож на тот, что был у Варейкиса в Подольске. Наконец появляется давно утраченная радость, что и станок, и металл послушны твоей воле.

Верещагина не сразу решилась подойти к Иосифу Михайловичу. Жалко было прерывать его красивую работу, но время не ждало, и она робко дотронулась до рукава синей блузы. Словно пробуждаясь от сна, Варейкис недоуменно посмотрел на журналистку:

— Ты? Что случилось?

Клава торопливо стала рассказывать о митинге в бронедивизионе. Иосиф спросил:

— Когда ты ушла из бронедивизиона?

— Часа полтора назад.

— Видишь, митинг, конечно, они уже окончили. Нас ждать не станут. Найди Швера, пусть займется этим дивизионом. Завтра вместе проведем там митинг. А сейчас, извини, меня ждет работа.

Варейкис снова включил станок, но спокойствие было утрачено. Деталь он обточил в полном соответствии с чертежом, но радость, овладевшая им в начале работы, не вернулась.

Глава девятая

НАДВИГАЕТСЯ ГРОЗА

1

— Нестор!

В кабинете бесшумно появляется адъютант.

— Душно, — сквозь зубы произнес главком. Нестор Чудошвили подошел к огромному окну, распахнул его, затем затянул шелковые шторы, чтобы не пропускали солнечных лучей.

— Не сгнила еще от пота твоя черкеска, Нестор? — спросил главком.

— Зачем сгнила, зачем так говоришь?

— Жарко, одел бы что полегче.

— Князя Чудошвили никогда не расставались с черкеской и своим кинжалом. Мой дед и отец этим кинжалом отвечали на обиду каждому, кто посмел...

— Ступай!

Муравьев отлично знал, что его адъютант ни к какому княжескому роду не принадлежал. И кинжал, и черкеска достались ему не по наследству, а были сняты с убитого офицера дикой дивизии генерала Шкуро. В другой раз он бы строго выговорил своему адъютанту за вранье, но сейчас было жарко и беспокойно.

— Нестор!

Снова в кабинете появляется грузин в красной черкеске.

— Сквозняк. Простудить меня хочешь, каналья!

Адъютант бесшумно закрывает окно, раздвигает занавески.

— Начальника штаба ко мне, — приказывает командующий, но не успевает Чудошвили дойти до дверей, как Муравьев отменяет приказ и просит узнать, не поступили ли какие-нибудь сообщения из Москвы.

— Нет телеграмм. Молчит Москва. Хочешь, приведу девочку молоденькую, как овечку, красивую, как персик...

— Что! — грохнул кулаком по столу Муравьев. — Я тебе такую овечку покажу, такой персик!

— Зачем кричишь. Девочка очень помогает нервы успокоить.

Пшел вон, болван! Не вздумай приниматься за старое.

— Зачем, дорогой, — старое. Молодой был, глупый. Теперь за кусок сала, буханку хлеба любую могу выбирать.

Красная черкеска скрылась за дверью, а командующий позавидовал беззаботности своего адъютанта. У такого кобеля только бабы на уме. Небось, каждую ночь новую приводит. Видно, урок впрок не пошел. А ведь расстреляли бы Нестора, не вызволи его из тюрьмы Муравьев. И погорел на девчонке. В присутствии матери изнасиловал гимназистку.

Отхлестав тогда адъютанта нагайкой, спросил:

— Зачем такое скотство?

— Вначале я мамашку попросил, а она меня нахалом назвала, тогда я со злости девчонку повалил...

— Сволочь ты, прикажу расстрелять.

— Это всегда, начальник, успеешь. Только не торопись. Я тебе, как послушная собака, служить стану.

Муравьев не очень верил в привязанность Чудовили. Случись какая беда — первый сбежит. Но пока командующий в силе, Нестор действительно послушная собака, выполнит любое поручение — ни слезы, ни грязь, ни кровь его не остановят. Что

ж, и такая сволочь может пригодиться. Мало ли кого надо будет убрать с дороги. Кто знает, что произойдет через час?

Который день Михаил Муравьев мечется из стороны в сторону, меняет свои решения и мучительно ищет ответ на вопрос: кто победит в этой схватке?

Вчера, провожая делегатов на съезд Советов в Москву, он угодливо пожимал им руки, торжественно заверял:

— Знайте, товарищи, что враги революции — мои враги. За идеалы коммунизма я не пожалею жизни. Передайте Владимиру Ильичу, что главком Муравьев, как верный солдат революции, навсегда останется с большевиками. Навсегда, что бы ни случилось!

Еще в юнкерском училище Миша Муравьев пришел к убеждению, что всех людей, населяющих земной шар, можно разделить на три категории: первая — полководцы, люди сильной воли, диктаторы, подобные Бонапарту, вторая — политические деятели, мыслители, и третья — серая масса, стадо, не способное самостоятельно мыслить, действовать, способное лишь плыть по течению, подчиняться чужой воле. Тогда же он решил пробиться в число людей первого сорта. Их было ничтожно мало, но именно от них зависели судьбы человечества, они творили историю. Их поступки облакали в достой-

ную форму мыслители. Самые нелепые действия диктаторов они так преподносили массам, что те почитали их истиной. Ну, а стадо всегда есть стадо. Диктатору же приходится маневрировать, соблюдать необходимую дистанцию между мыслителями и массой. Для этого ему необходимо знать настоящую цену идеям и уметь чувствовать, как настроена масса, понимать ее настроение.

В дверях появилась красная черкеска. Чудошвили протянул главкому папку с телеграммами.

— Из Москвы? — вскочил из-за стола главком.

— От командарма Первой. Они взяли Сызрань.

— Как взяли! — вскрикнул Муравьев.

— Неожиданным ударом. Белочехи бежали, оставив город. Командарм предлагает план наступления на Самару.

Муравьев впился глазами в телеграмму. Тухачевский сообщал, что изгнание врага из Сызрани — подарок Первой армии съезду Советов. Главком представил, какую мину скорчит посланец Спиридоновой, когда узнает об этой новости: хороший подарочек, нечего сказать! Широко начинает шагать командарм Тухачевский. Мобилизация офицеров, формирование дивизий и почти одновременно выигранное сражение. Ишь какой полководец выискался!

— Машину! — приказал Муравьев. — И отправьте телеграмму командиру Первой. Сделайте внушение, чтобы впредь подобные операции проводил только с моего ведома, — немного подумав, добавил: — Но прежде всего поздравьте войска с победой, объявите благодарность командарму и командованию дивизии, которая брала Сызрань.

Муравьев отправился на «Межесь». Борис Станиславович был явно не в духе. Главком обманывает надежды Марии Спиридоновой и Центрального Комитета. Когда же наконец он отдаст решающий приказ. Позвякивая ложечкой в стакане с круто заваренным чаем, Михаил Муравьев вспомнил любимую поговорку отца: «Поспешность нужна лишь при ловле блох».

— Надо действовать, — взывал Борис Станиславович. — Сейчас каждый час принадлежит истории. Съезд открылся, а телеграммы о том, что Восточный фронт отказался подчиняться приказам Ленина, арестовал местных большевиков, вступил в переговоры с командованием чехословаков все нет.

Главком смотрел на некрасивого, с узким лбом, едва прикрытым редкими волосами, Бориса Станиславовича и думал, что он очень похож на Марию Спиридонову: такой же, как она, злой и истеричный человек. Муравьеву хотелось стукнуть кулаком по столу, прервать поток звонких фраз, напомнить,

что он — главком, ему не нужны няньки, что не намерен выслушивать нотации от статистов истории. Но он не мог порвать с левыми эсерами. Вдруг задуманное осуществится? Мария Спиридонова — опытный политик, отличный конспиратор, прожженный делец. Она, очевидно, все рассчитала, играет наверняка. Если она победит, Муравьева ждут великие почести. А если проиграет Спиридонова? Лучше выждать. Великие полководцы должны быть терпеливы, уметь ждать. Сцепить зубы и ждать самого благоприятного момента. Кутузов обладал этим качеством. И он победил Наполеона.

— Хотеть, Борис, это не значит еще иметь. Для того чтобы выполнить свое желание, надо уметь ждать, уметь сделать правильный выбор. Отказаться от заманчивого, доступного, на первый взгляд, но на самом деле призрачного и неверного. Поднять мятеж нетрудно, подписать приказ и того проще...

— Поймите же, промедление смерти подобно.

— Как? — притворно удивился Муравьев, — вы заимствуете терминологию у большевиков.

— Какое это имеет значение. Удивляюсь, как вы, человек военный, проявляете такую нерешительность.

— Осмотрительность, Борис, осторожность. Не хотел я вам говорить, но вынужден огорчить. Сегодня мой фронт еще не готов к мятежу. Меня беспо-

коит Первая армия. Тухачевскому удалось провести мобилизацию офицеров. Теперь у него три дивизии.

— На бумаге!

Вместо ответа главком достал из папки телеграмму, в которой Тухачевский сообщал об освобождении его войсками Сызрани и план развития наступления на Самару.

— Это же катастрофа, этого нельзя допустить!

— Кто мог предположить, что этот молодой подпоручик окажется таким притким. Некоторые меры я принял, но сразу ноги ему не переломаешь. Чтобы остановить наступление армии, нужно время.

— Важно было одновременное выступление в Москве, на фронте, в ряде других городов.

— В детстве я очень любил ходить с отцом на охоту, а с матерью — в театр. И очень огорчился, что не мог этого делать одновременно.

2

Варейкис проснулся внезапно. Ему снилась Эляна. Он вдыхал аромат ее волос, видел ее глаза с расширенными зрачками, полураскрытые губы. Иосиф Михайлович продолжал лежать неподвижно, стараясь преодолеть охватившее его томление.

Сквозь ставни пробились солнечные лучи, уперлись в неубранную после ужина посуду на столе. С этими лучами ворвалась в комнату сама жизнь: заботы наступившего дня, беспокойство, рожденное телеграммами, полученными вчера из Москвы.

Не став даже завтракать, Варейкис отправился на пристань. Речники работали день и ночь, выполняя заказ Первой армии. К отправке были готовы четыре парохода и шесть барж. Заканчивалось комплектование команд.

К пристани Иосиф Михайлович шел по улицам, от названия которых веяло прошлым: Дворянская, Панская, Шатальная, Всесвятская. Нет, не так они должны называться в городе, который дал миру Ленина. Пусть в их названиях живут имена людей, посвятивших жизнь революции, борьбе за народное счастье: Маркса, Энгельса, Ульянова, Марата, Робеспьера, Карла Либкнехта, Розы Люксембург, Радищева, Рылеева...

Время ли думать о переименовании улиц, когда вчера на местном телеграфе приняли из Москвы несколько телеграмм, подписанных ЦК левых эсеров, полных злобной клеветы на Советское правительство, на большевиков, пришло сообщение об аресте Дзержинского и Смидовича... Саша Швер правильно решил ничего не давать в «Известия» об этих телеграммах, подождать, пока прояснится по-

ложение. Свернув в сторону, Варейкис зашел на телеграф. Дежурный, узнав его, проводил в аппаратную. Длинные белые полосы разрывали и наклеивали на бланк.

Варейкис взял в руки еще липкие бланки.

«ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ О ЛЕВОЭСЕРОВСКОМ МЯТЕЖЕ И ОБ УБИЙСТВЕ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛАНИКА МИРБАХА

Сегодня, 6 июля, около 3 час. дня, двое (негодяев) агентов русско-англо-французского империализма проникли к германскому послу Мирбаху, подделав подпись т. Дзержинского под фальшивым удостоверением, и под прикрытием этого документа убили бомбой графа Мирбаха. Один из негодяев, выполнявших это провокационное дело, давно уже и многократно связывавшееся в советской печати с заговором русских монархистов и контрреволюционеров, по имеющимся сведениям, — левый эсер, член комиссии Дзержинского, изменнически перешедший от службы Советской власти к службе людям, желающим втянуть Россию в войну и этим обеспечить восстановление власти помещиков и капиталистов, либо подобно Скоропадскому, либо подобно самарским и сибирским белогвардейцам.

Россия теперь по вине негодяев левоэсерства, давших себя увлечь на путь Савинковых и компании, на волосок от войны.

В Германии самая сильная партия, военная партия, давно ищет повода для наступления на Петроград, Москву и Царицын. Теперь повод для этой партии есть такой, лучше коего нельзя было ей и желать.

На первые же шаги Советской власти в Москве, предпринятые для захвата убийцы и его сообщника, левые эсеры ответили началом восстания против Советской власти. Они захватили на время комиссариат Дзержинского, арестовали его председателя Дзержинского и члена комитета Лациса, виднейших членов Российской Коммунистической партии (большевиков).

Левые эсеры захватили затем телефонную станцию и начали ряд военных действий, заняв вооруженными силами небольшую часть Москвы и начав аресты советских автомобилей.

Советской властью задержаны как заложники все бывшие в Большом театре делегаты V съезда Советов из партии левых эсеров, а равно приняты все меры для немедленного военного подавления и ликвидации мятежа новых слуг белогвардейских замыслов и скоропадчины.

Все, кто понимает безумие и преступность вовлечения России теперь в войну, поддерживают Советскую власть. В быстрой ликвидации мятежа нет ни тени сомнения.

Все на свои посты! Все к оружию!

Долой слуг белой гвардии и Скоропадского!»

Перечитав несколько раз Правительственное сообщение, Варейкис попросил срочно доставить копии телеграмм в губисполком, в Симбирский комитет партии, чека и редакцию газеты.

«В быстрой ликвидации мятежа нет ни тени сомнения», — повторил Иосиф Михайлович запомнившуюся строку из сообщения.

Обстановка наконец прояснилась. Враг сбросил маску. Видя его в лицо, легче бороться. О содержании телеграммы надо немедленно поставить в известность Тухачевского. Муравьев — левый эсер. Он может скрыть от войск фронта Правительственное сообщение.

Возле гимназии, где учился Владимир Ильич, Варейкис остановился, вслух произнес: «Ни тени сомнения». Подошел знакомый педагог:

— Вы мне что-то сказали? — спросил он.

— Здесь, именно здесь, — запальчиво он сказал учителю, словно тот с ним спорил. — Мы поставим памятник Карлу Марксу, первейшему учителю Улья-

нова-Ленина. А? — не дождавшись ответа от случайного собеседника, уверенно добавил: — Не сомневайтесь: здесь будет стоять первый памятник, поставленный Советской властью.

— Скажите, Иосиф Михайлович, что происходит в Москве, в городе распространяются слухи, — спросил педагог.

— Слухи? Не верьте слухам. В Москве все будет в порядке. В этом тоже можете не сомневаться.

На пристани речники встретили Иосифа Михайловича все тем же вопросом о Москве, который не давал в эту ночь покоя людям во многих городах России. Варейкис пересказал Правительственное сообщение, призвал рабочих к бдительности, напомнил, что победа зависит от каждого, кто верен Советской власти.

— Правительство призывает, — воскликнул Варейкис: — Все на свои посты! Все к оружию! Вот оно, ваше грозное оружие, — указал на стоящие у причалов пароходы и баржи. — Вы выполнили заказ армии, внесли свою лепту в разгром врага, земной поклон вам за это.

— Это же, товарищ Варейкис, не крейсера и не эсминцы, — с грустью сказал старый мастеровой. — На таких не очень повоюешь!

— И за них вам скажет спасибо командарм Тухачевский.

Варейкис знал, что командарм в своих планах освобождения Самары большой расчет строил именно на этих «транспортных средствах». Направление главного удара на город командарм определил по Волге, откуда меньше всего ждали его белочехи и контрреволюционные войска. Небольшой флотилией, созданной симбирскими рабочими, Тухачевский предполагает перебросить к Усолю пехоту и артиллерию, по берегам бросить конницу и броневики.

...В партийном комитете Варейкиса ждала Клава Верещагина.

— Проспали, Иосиф Михайлович? — спросила журналистка. — Только что получили Правительственное сообщение из Москвы.

— Читал уже.

— Не случайно проводили Беретти и Иванов митинг в бронедивизионе, — сказала Клава. — Они знали о готовящихся в Москве событиях.

— Пожалуй, ты права.

— Не только Беретти, но и другие командиры воинских частей, — сообщила Верещагина, — прибывшие в Симбирск якобы на пополнение Первой армии, получили указание выполнять приказ только главкома Муравьева и никого больше. Не кажется ли это, Варейкис, подозрительным? — не ожидая ответа Иосифа Михайловича, девушка продолжала информацию: — Пулеметная команда, моряки, полк

китайцев находятся под командованием левых эсеров. Иванов и Недашевский там свои люди.

— Я сейчас еду к Тухачевскому, а ты все, что мне говорила, расскажи председателю чека. Ясно?

Вернувшись от дверей, Иосиф Михайлович попросил:

— Начните в «Известиях» кампанию за переименование улиц Симбирска. Пора дать революционные имена всем этим панским и дворянским улицам.

Верещагина удивленно посмотрела на Варейкиса: не разыгрывает ли он ее? Нет, он был вполне серьезен.

— Думаешь, не время нам заниматься такими делами? Самое время, Клава. Пусть знают гады, что мы не испугались мятежа. Мы уверены в том, что революция победит. Вот мы и даем улицам и площадям имена своих героев. Поставим в Симбирске памятник Карлу Марксу. Не на один день — на века.

— В этом, пожалуй, есть смысл. Но я не думала, что вы такой фантазер, Варейкис, — призналась Верещагина.

— Фантазер, говоришь? Нет, — возразил Иосиф Михайлович. — Собери завтра, часов в десять, художников и скульпторов Симбирска. Поговорим с ними о проекте памятника Карлу Марксу.

— Хорошо, — согласилась Верещагина, — завтра в десять. Вот удивятся, когда скажу, по какому поводу вызывают их в комитет партии большевиков. Симбирск наводнен слухами о мятеже левых эсеров в Москве, а мы приглашаем художников, чтобы поговорить о проекте памятника Карлу Марксу. Право, здорово!

3

Открыв дверь кабинета командарма, Варейкис увидал Тухачевского в расстегнутой гимнастерке, без ремня. Михаил Николаевич подбородком прижал к плечу скрипку. Брови сдвинуты к переносице, на лбу залегли глубокие морщины.

Увидев гостя, Михаил Николаевич неохотно отложил скрипку:

— Ты? Садись. Удивлен?

— Признаться.

— А я взбешен. Только скрипка меня спасает, а то...

Вместо объяснения, что скрывается за многозначительным «то», командарм протянул Варейкису план Самарской операции, подписанный командующим

Восточным фронтом Муравьевым. Не разбираясь в стратегии и тактике, Иосиф Михайлович долго и сосредоточенно вчитывался в план, по которому предписывалось Первой армии полукольцом в триста верст окружить Самару. Разделить всех бойцов на семь колонн, и лишь одной из них численностью в восемьсот штыков нанести главный удар по городу.

— При этом плане вам не нужна наша флотилия.

— Не только флотилия, но и здравый смысл. Посмотри, Иосиф, на карту. Вот как главком предлагает организовать движение колонн. Все они изолированы одна от другой. Шесть из них лишь производят отвлекающий маневр, демонстрацию, и только серьяма — мизерная по силе и численности — наносит удар по Самаре. Вот, обрати внимание, где он предлагает наступать. Войска должны идти через песчаную лесостепь Заволжья. Здесь нет даже маломальски подходящих грунтовых путей, не то что железной дороги. На что он рассчитывает — на беспробудную глупость врага? Но если у противника есть хотя бы крупицы ума, то он разобьет наши колонны, каждую в отдельности. Армия перестанет существовать. Ответь мне ты, не военный человек, а политический руководитель: что это — невежество Муравьева или план поражения армии?

— Какое же ты принял решение?

— Напишу ему, что нельзя так стеснять самостоятельность командующего армией. Даже юнкеру должно быть ясно: на месте командарму лучше видно, что следует предпринять, чем главкому из штаба фронта. Пусть фронт ставит перед моей армией задачи, а я их буду выполнять. Но задачи должен решать я, и никто другой. Никто не имеет права командовать армией через голову командующего. Муравьев учился в военном училище и должен знать, что армия получает задачи и директивы только самого общего характера.

Варейкис еще больше огорчил Тухачевского, рассказав о новостях, которые узнал в Симбирске. Муравьев навязывает свою волю не только армии, но даже отдельным подразделениям. Войска, которыми в последние дни он наводнил Симбирск, лишь формально приданы Первой армии. Они предупреждены, чтобы выполняли приказы только главкома.

— Это же черт знает что! — вырвалось у Тухачевского.

Информация Варейкиса оказалась точной. В этом командарм убедился сразу же, как приехал в Симбирск. Беретти снисходительно выслушал приказ командарма о том, чтобы дивизион своим ходом отправился на Усолье, занял позиции для наступления на Самару. Хлопая стеклом по голенищу, командир бронедивизиона ответил:

— Ценю ваше рвение, подпоручик.

— Командарм, — резко поправил Тухачевский.

— Можно и так, если вам это больше нравится. Но существо дела не изменится. Ни одна бронемашина не двинется с места. В Симбирске мы себя чувствуем недурно. Людям надо отдохнуть.

— Вы человек военный и понимаете, что за невыполнение приказа...

— Меня полагается расстрелять, — засмеялся Беретти. — Вы веселый человек, Тухачевский. Во-первых, я, согласно приказа главкома, вам не подчинен. Не знали? Странно. Значит, главком с вами не очень считается. Тем хуже для вас. Кроме того, полюбуйтесь, — и он жестом руки показал на стволы пушек и пулеметов. — Я ведь тоже могу приказывать.

Взбешенный командарм отправил Муравьеву рапорт, где категорически потребовал, чтобы главком избавил его от мелочной опеки и не давал приказаний войскам, подчиненным Первой армии, минуя командующего.

Копию рапорта Михаил Николаевич принес в Симбирский комитет партии, Варейкис внимательно прочитал написанный командармом документ. Возможно, он излишне эмоционален, написан более темпераментно, чем полагается писать военным. Но по существу абсолютно правильно. Стоит продублиро-

вать рапорт командарма специальным письмом в Реввоенсовет фронта. Товарищи должны знать о бонапартистских замашках Муравьева.

— Много бы я дал, чтобы узнать, что задумал Муравьев? — признался Варейкис.

Что нового слышно из Москвы? — спросил Тухачевский. — Главком не балует нас информацией.

Варейкис протянул командарму телеграмму, полученную из Москвы.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ № 2 О ЛЕВОЭСЕРОВСКОМ МЯТЕЖЕ В МОСКВЕ

7 июля 1918 г.

Вчера Всероссийский съезд Советов подавляющим большинством голосов одобрил внешнюю и внутреннюю политику Совета Народных Комиссаров. Так называемые левые эсеры, которые за последние недели целиком перешли на позицию правых эсеров, решили сорвать Всероссийский съезд. Они по-решили вовлечь Советскую республику в войну против воли подавляющего большинства рабочих и крестьян. С этой целью вчера, в 3 часа дня, был убит членом партии левых эсеров германский посол. Одновременно левые с.-р. попытались развер-

нута план восстания. Тов. Дзержинский, большевик, председатель комиссии по борьбе с контрреволюцией, был вероломно захвачен эсерами в плен в тот момент, когда он появился в помещении левоэсеровского отряда. Так же вероломно были захвачены большевики — т. Лацис и председатель Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов т. Смидович. Небольшой отряд левых с.-р. проник на 2 часа в здание телеграфа, и, прежде чем его выгнали оттуда, с.-р. Центральный Комитет разослал по стране несколько лживых и шутовских телеграмм. Совершенно в духе разнузданных черносотенцев, белогвардейцев и англо-японских империалистов левоэсеровский ЦК говорит о стягивании большевиками к Москве военнопленных и пр. и пр.

Совет Народных Комиссаров не мог, разумеется, потерпеть того, чтобы кучка интеллигентов срывала путем бомб и ребяческих заговоров дело рабочего класса и крестьянства в вопросе войны и мира. Советская власть, опираясь на волю Всероссийского съезда, приняла все меры к подавлению жалкого, бессмысленного и постыдного мятежа. Левоэсеровская фракция съезда задержана Советской властью в здании театра. В настоящий момент советские войска окружили тот район, в котором укрепились мятежники против Советской власти. Можно не сомневаться, что в течение ближайших часов восста-

ние левоэсеров — агентов русской буржуазии и англо-французского империализма — будет подавлено. Какие дальнейшие последствия будет иметь безумная и бесчестная авантюра левых эсеров для международного положения Советской республики, сейчас еще невозможно предсказать. Но если германская партия крайнего империализма возьмет верх, если на нашу истощенную, обескровленную страну снова обрушится война, то вина за это целиком и полностью падет на партию левоэсеровских изменников и предателей.

Пусть же в этот критический час все рабочие и крестьяне ясно и твердо оценят положение и единодушно сплотятся вокруг Всероссийского съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов.

Совет Народных Комиссаров

Не успел Михаил Николаевич дочитать телеграмму, как за окном Варейкиса заиграл духовой оркестр. В такт ему слышался ритмичный шаг солдат.

Иосиф Михайлович и командарм одновременно подошли к раскрытому окну. В центре двора стоял Клим Иванов и командовал:

Левой, левой!

Варейкис недоуменно спросил:

Что это за парад?

В кабинет стремительно вошла Верещагина:

— Варейкис, еще одно Правительственное сообщение. Мятежники разгромлены. Ура!

Клава звонким, дрожащим от волнения голосом стала читать только что доставленное с телеграфа третье Правительственное сообщение, помеченное 4 часами дня 7 июля.

— Контрреволюционное восстание левых эсеров в Москве ликвидировано, — прочитала Верещагина и, выдержав небольшую паузу, продолжила: — Левоэсеровские отряды один за другим обращаются в самое постыдное бегство. Отдано распоряжение об аресте и разоружении всех левоэсеровских отрядов и прежде всего об аресте всех членов ЦК партии левых эсеров.

За окном продолжал надрываться духовой оркестр. Слышался голос Иванова:

— Кру-гом!

— Муравьев член ЦК партии левых эсеров? — спросил Тухачевский.

— Не знаю, — неуверенно ответил Варейкис. — Наверное, нет. Но то, что он ставленник Спиридоновой, левый эсер — бесспорный факт. Не могу понять, почему он не проявил активности 6 июля. Его наверняка поставили в известность о готовящемся мятеже.

— Не уверен, -- ответил Тухачевский.

Верещагина продолжила чтение нового Правительственного сообщения:

— Оказывающих вооруженное сопротивление при аресте — расстреливать.

Арестовано несколько сот участников контрреволюционного мятежа, в том числе видный член партии левых эсеров Александрович, занимавший пост товарища председателя в Комиссии по борьбе с контрреволюцией и действовавший так же, как действовал провокатор Азеф.

Рабочие и красноармейцы призываются к бдительности. Мобилизация сил должна продолжаться. Все до единого члены левоэсеровских отрядов должны быть обезврежены.

— Верещагина, немедленно надо размножить это сообщение. До того как выйдет газета, отпечатайте листовки, раздайте по частям, ячейкам. Передай Шверу — это очень важно.

За окном умолк оркестр. Иванов подал команду: «Вольно!»

— Какой парад он готовит, — закрывая окно, спросил Варейкис. — По какому поводу?

Тухачевский не ответил на вопрос. Он стал развивать мысль, которая, как видно, все это время не давала ему покоя. План, составленный штабом Восточного фронта, неизбежно привел бы к разгрому Первой армии под Самарой. Это сыграло бы на руку

мятежникам, нанесло удар по большевикам, стоящим у власти. И этот черный замысел должен был выполнить Тухачевский. Выслушав сомнения командарма, Варейкис сказал:

— Наверное, ты прав, но только этим вряд ли ограничился бы Муравьев. Он знал, что ты можешь не согласиться с его планом... Какой парад готовит Иванов? Радоваться у левых эсеров нет повода. Так почему играл оркестр?

4

Гражина и Трезор были неразлучны. Когда Варейкис привел девочку к Елене Антоновне, то сеттер встретил ее как старую знакомую, приветливо лизнул в лицо, не желал с ней расставаться даже на минуту. В отличие от Трезора, тетя Эляна оказалась более сдержанной в проявлении своих чувств. Она настороженно разглядывала племянницу, угадывая в ней черты, как теперь оказалось, покойной сестры Бируте. По мере того как Гражина рассказывала тете о своей маме, папе, приезде бабушки в Каунас, Елена Антоновна убеждалась, что эта чумазая беспризорная девчонка — действительно ее племянница. Сомнения окончательно исчезли, когда девочка, разглядывая альбом в кожаном переплете, безоши-

бочно указала на фотографии бабушки, дедушки, самой Эяны в гимназической форме, заявив, что точно такие же хранились и у них дома, только у мамы было карточек меньше и альбом тоньше.

— Я похожа на твою маму? — спросила Елена Антоновна.

— Нет! Ни чуточки, — поспешно ответила Гражина.

— Как же так, — возразила Елена Антоновна, — нас всегда находили очень похожими. Смотри сама.

Тетя положила рядом фотографии двух девочек в гимназической форме. Гражина знала, что на одной сфотографирована ее мама, а на второй — тетя Эяна. У гимназисток одинаковый овал лица, разрез глаз, прямой, чуть широковатый нос, пухлые губы, пышные волосы.

— Ну, похожи?

— Нет, — упрямо повторила девочка, — нос и глаза, может, и похожи. Только мама была совсем, ну совсем другая.

Отношения между тетей и племянницей не налаживались. Гражина замкнулась, не знала, о чем можно говорить с тетей Эяной, скучала по Сашке, по воле. На вопросы отвечала односложно, вежливо благодарила за оказанные ей услуги. Прежде всего Гражина была вымыта в ванне, ее одежда сожжена в печке. Тетя Эяна выменяла для девочки на бара-

холке два платья — ситцевое и шерстяное, чулки, сандалии. Белье перешила из своего. Обещала, что к зиме переделает ей свое старое пальто. Теперь девочка вовремя ела, спала в чистой постели и все-таки чувствовала себя одинокой, даже более несчастной, чем раньше.

Елена Антоновна предложила племяннице учиться играть на рояле.

— А зачем мне это нужно, — удивилась Гражина. — Лучше бы научили из револьвера стрелять. Или сами не умеете?

Принесла Елена Антоновна племяннице романы Чарской и Вербицкой, которыми в гимназические годы зачитывались сестры Бируте и Эляна. Девочка посмотрела картинки, прочла несколько страниц и отложила книги.

— Неинтересно? — удивилась тетя.

— Ерунда, — ответила племянница.

Утром Гражина решила идти в типографию, чтобы взять для продажи газеты. Елена Антоновна запретила, объяснив, что она еще маленькая. Ей нужно не работать, а учиться.

Если же не может найти себе дела, пусть помогает по хозяйству, гуляет с Трезором.

Около двух часов бродила по улицам Гражина, гордо ведя на поводке сеттера. Она надеялась встретить Сашку или кого-нибудь из знакомых мальчи-

шек. «Наверное, уже распродали газеты и теперь околачиваются в типографии», — с завистью думала девочка.

Когда Гражина и Трезор, нагулявшись, вернулись домой, то оказалось, что у тети гости. По голосу она угадала того самого командира, который не только не заступился за нее тогда на базаре, но еще и смеялся над газетой. Не желая с ним встречаться, Гражина пошла в свою комнату и, улегшись рядом с Трезором, стала показывать ему фотографии из альбома.

— Это моя бабушка, видишь, какая старенькая. А это моя мама, когда еще девочкой была, — объясняла она собаке.

Трезор внимательно, не мигая, смотрел то на девочку, то на альбом и, кажется, понимал, о чем она ему рассказывает.

Тихий разговор в гостиной вдруг перерос в крик. Вскочил Трезор, готовый броситься на помощь хозяйке, прислушалась девочка.

— Вы ошиблись, Клим Сергеевич, я не стану вашим осведомителем.

— Смотрите, не продешевите, Елена Антоновна, ставите не на ту лошадь.

— В бегах я никогда не участвовала. В купеческом сословии не состою.

— Разве быть шлюхой длинноволосого большевика лучше! — выкрикнул Иванов.

— Вон! — придушенным шепотом произнесла тетя.

Гражина и Трезор вбежали в гостиную. Отступая к двери, Иванов со злостью произнес:

— Вы еще горько раскаетесь, мадам. Поручик Синкевич жив, он вернется. Мы постараемся ему рассказать о вашей страстной любви...

— Вон! — решительно повторила Елена Антоновна и распахнула дверь. — Чтобы вашей ноги в моем доме больше не было, милостивый государь.

Когда взбешенный Иванов ушел, Гражина впервые прижалась щекой к руке тети.

— Ой, как же вы похожи на мою маму, — призналась девочка. Устыдившись своих чувств, добавила: — Хотя немножечко и другая.

Елена Антоновна стала целовать веснушчатый нос племянницы, ее глаза, исхудавшие щеки.

— Умница ты моя, родная.

5

Кабинет Варейкиса был заперт. Что же предпринять? Сведения, которые Елена Синкевич хотела сообщить Иосифу Михайловичу, очень важны и

знать их большевики должны сейчас же, немедленно, иначе может быть поздно. В начале встречи Клим Иванов, уверенный в том, что Елена Синкевич выполнит любое его поручение, был откровенен и, как всегда, болтлив. Он говорил, что симбирские большевики царствуют последние часы, что какой-то рапорт командарма Тухачевского, переданный по военному телеграфу главкому, попал в их руки. Муравьев никогда не забудет, как этот выскочка, перебежчик позволил обвинить его, величайшего полководца революции, в невежестве и чуть ли не в предательстве.

— Не сегодня так завтра в Симбирск прибудет главком Михаил Муравьев. Он споет Тухачевскому «со святыми упокой». Но пока у Тухачевского под началом находятся три дивизии, и мы должны знать каждый шаг, который он предпримет. И помочь в этом можете вы.

Елена Антоновна — учительница музыки, женщина, далекая от политики, узнала тайну, которая не дает покоя. Нет, она не стала большевичкой, но она честный человек. Она принимала у себя руководителя симбирских большевиков Варейкиса и командарма Тухачевского. Они оба интеллигентные, одаренные люди, знающие свою цель в жизни, фанатично ей преданные. Они мечтают о счастье и благе народа. Возможно, это фантастическая, нереаль-

ная мечта, но красивая. Елена Антоновна не считала себя борцом и не думала ввязываться ни в какие битвы. Ее удел — взирать на бой со стороны. Так бы она и поступила, если бы не сегодняшний визит Иванова. Если бы не горящие восторгом глаза племянницы. Нет, нет, конечно, она не пойдет на баррикады, не возьмет в руки оружия, но и не станет соучастницей Иванова и его единомышленников.

В одном из коридоров «Смольного» учительница почти одновременно увидела Клаву Верещагину и Клим Иванова. Обоих она не хотела видеть, но пройти мимо не могла. Клим Иванов, бросив на женщину удивленный взгляд, приложил руку к козырьку фуражки. «Сейчас подойдет, спросит, что я здесь делаю?» — подумала Елена Синкевич и решительно подошла к Клавдии Верещагиной.

— Мне срочно нужен Варейкис, помогите его найти, — достаточно громко, чтобы слышал Иванов, попросила Елена Антоновна. — Прошу вас, гражданка Верещагина.

Клава была удивлена и возмущена наглостью этой женщины, которая бесстыдно является в губисполком, чтобы встретиться со своим ухажером. С языка уже готово было сорваться обидное слово, когда Клава перехватила злобный, полный угрозы взгляд командующего Симбирской группой войск. Этот

взгляд готов был испепелить учительницу. И она твердо ответила:

— Прошу, гражданка Синкевич, я помогу вам найти товарища Варейкиса.

Выслушав учительницу, Иосиф Михайлович позвонил по телефону командарму:

— Теперь я знаю, Михаил, почему играл оркестр. В Симбирск собирается пожаловать сам Муравьев. Твой рапорт попал к Климу Иванову, учти это... Да, свое письмо и копию твоего рапорта я отправил в Реввоенсовет с нарочным.

— Вы бы посмотрели, Варейкис, — сказала Клава, едва Иосиф Михайлович повесил трубку, — как был взбешен Иванов, увидев, что их человек уходит со мной.

— Я не их и не ваш человек, — поспешила объяснить Синкевич. — Я просто человек, гражданка Верещагина.

— На этот раз я не хотела вас обидеть, — извинилась журналистка. — Вы поступили достойно.

— Благодарю.

Варейкис высказал сожаление, что Эляна встретила в «Смольном» с Ивановым. Эсеры сбросили маску. Они готовы на любую подлость. Провожая гостью, предупредил:

— Будьте осторожны, прошу вас, Эляна.

— Неужели вы думаете, что Клим Сергеевич может... напасть на меня. Вы его не знаете. Муж говорил, что даже на фронте он не отличался храбростью. Потом я же простая учительница. Кому я нужна.

— И все-таки поостерегитесь. Заметите что-либо, присылайте ко мне Гражину.

Глава десятая

МЯТЕЖ

1

Красивое смуглое лицо Муравьева побледнело от гнева. Такого разноса ему давно никто не устраивал. Члены Реввоенсовета Благонравов и Кобозев, прибывший к ним на подмогу известный большевик, член Всероссийской коллегии по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Мехоношин учинили над ним, главкомом, подлинный суд. И все началось из-за рапорта командарма Первой. Черт знает, каким образом он попал в Реввоенсовет.

— Самарская операция самая важная на Восточном фронте. Освобождение Самары от белочехов

играет огромную политическую роль. Первая армия освобождает Сызрань, готова развить наступление на Самару. Командарм присылает вам смелый план, а вы его отменяете. Ни с кем не советуясь, предлагаете другой, мягко выражаясь, сомнительный план...

Немного оправившись от страха, Муравьев решился прервать гневную речь московского гостя Мехоношина.

— Позвольте. Я командующий фронтом. Меня уполномочило Советское правительство...

— Ишь, как заговорил! — возмутился Кобозев. — Я — командующий! Что хочу, то и ворочу. Другим и думать и командовать не позволю. Тухачевский правильно пишет. Георгий Иванович, — попросил Благонравова Кобозев, — дай-ка рапорт командарма. Вот что он пишет по поводу вашего плана наступления на Самару: «Совершенно невозможно так стеснять мою самостоятельность, как это делаете вы. Мне лучше видно на месте, как надо дело делать. Давайте мне задачи, и они будут выполнены, но не давайте мне рецептов — это невыполнимо. Неужели всемирная военная история еще недостаточно это доказала... Вы же командуете за меня и даже за моих начальников дивизий. Может быть, это было вызвано нераспорядительностью прежних начальников, но мне кажется, что до сих пор я не мог вызвать в этом отношении вашего недовольства».

Муравьев вымученно улыбнулся: мол, я погорячился, обиделся на заносчивый тон командарма. Да и то подумать, молод он еще так разговаривать с главкомом, если сам не научился подчиняться дисциплине, то и других не научит. Но в членов Реввоенсовета словно вселился бес. Они не желали довольствоваться полупризнаниями Муравьева. Муравьев пытался угадать, что произошло, что известно Реввоенсовету, почему члены Совета резко изменили к нему отношение.

На столе перед Мехоношиным лежал номер «Правды», на первой странице которого было отпечатано Правительственное сообщение о подавлении в Москве мятежа левых эсеров. Красным карандашом отчеркнуто как раз то место, где правительство сообщает, что отдало распоряжение об аресте и разоружении всех левоэсеровских отрядов и прежде всего об аресте всех членов ЦК партии левых эсеров. Главком столько раз читал это сообщение, обсуждал его с Борисом Станиславовичем, что, кажется, запомнил его навсегда. Вслед за отчеркнутым местом шло предложение: «Оказывающих вооруженное сопротивление при аресте — расстреливать». Участия в московском мятеже Муравьев не принимал, нигде не высказывался о мятежниках. Ну а то, что был левым эсером, он не скрывал. Это известно не только Реввоенсовету, но и правительству.

Главком даже похвалил себя, что не поддался уговорам эмиссара Спиридоновой и не обнаружил себя преждевременно. С этой точки зрения он может быть спокоен.

Члены Реввоенсовета выражали свое неудовольствие тем, что главком не считает нужным информировать их о важнейших событиях, происходящих на фронте. Не познакомил с планом наступления на Самару, предложенным Тухачевским. Нет, нельзя быть спокойным. Снаряды падают все ближе. Сегодня большевики схватили Спиридонову, а завтра, возможно, этот Мехоношин прикажет и его поставить к стенке. Может быть, и не к стенке, но с поста главкома, разумеется, снимут. А это конец карьеры, и все, чего добился, пойдет к черту. Надо что-то предпринимать немедленно, сегодня, завтра, пока еще остается в его подчинении фронт. Лучше быть мертвым львом, чем живой битой собакой. Может быть, еще не поздно последовать совету Спиридоновой, поднять фронт... Им, в Москве, сейчас не до него. Но зачем-то прислали Мехоношина?

— Чем вы руководствовались, когда принимали в штабе члена Центрального Комитета партии левых эсеров? — спросил Мехоношин.

Муравьев покрылся испариной, теперь все, теперь конец!

— Когда?! — выкрикнул он и сразу же пожалел. Отпираться бессмысленно — Бориса Станиславовича видели в штабе, он назвал себя. Ясно, что об этом успели доложить не только в Реввоенсовет, но и в местное чека. В этих условиях, пожалуй, лучше сыграть в откровенность. Словно вспомнив о мало-значущем деле, он признался, что действительно к нему заходил работник ЦК партии левых эсеров, который был проездом в Казани, и вслед за этим признанием с пафосом произнес:

— Товарищи члены Реввоенсовета, прошу заверить товарища Ленина, что Восточный фронт в ответ на происки мятежников вернет Советской России Самару. Завтра на рассвете я со своим штабом отбываю на фронт. Вместе с Тухачевским мы успешно завершим Самарскую операцию. Прошу верить...

— Ответ, достойный революционера, — заметил Кобозев.

— В добрый час, — произнес Мехоношин и крепко пожал руку главкому.

— Мы верим вам, рады, что вы приняли правильное решение, — Благонравов улыбнулся и добавил: — Ни пуха ни пера!

— Мне остается только послать вас к черту, — засмеялся Муравьев. — К черту, к черту!

Когда «Межень», быстроходное, похожее на белого лебедя, судно отчалило от Казанской пристани, Михаил Муравьев вздохнул свободно. Он почувствовал, как прошла скованность, нервное напряжение, которые не давали покоя последние дни. Он снова стал прежним Муравьевым, знающим себе цену полководцем. Там, за бортом, остались Реввоенсовет фронта, недреманное око губчека и губкома партии.

— Слава богу, — вошел в каюту главкома Борис Станиславович, — наконец-то вы решились. Третий день вас ждут в Симбирске. Клим Иванов готовит торжественную встречу.

— Вам, наверное, доводилось слышать, — высокомерно ответил главком, — как в народе говорят: «Быстро кошки делаются, зато слепые рождаются». В Москве, Ярославле поторопились господа хорошие, и что из этого вышло? Как же это Спиридонова не доглядела? — и, стараясь побольнее уязвить за тот страх, который испытал вчера во время объяснения с Мехоношиным и членами Реввоенсовета, с нескрываемой иронией добавил: — Небось, послушалась таких торопливых советчиков, как вы. — Позвал адъютанта: — Нестор, впредь никого ко мне не впускать без моего вызова. Ясно? А то шкуру спущу.

Чудошвили укоризненно посмотрел на эмиссара, причмокнул языком:

— Пойдем, Боря, не мешай человеку работать.

— Пусть остается, — разрешил Муравьев. — Карту приготовил?

— Так точно.

— Пригласи в салон офицеров для оглашения приказа чрезвычайной важности.

...На стене салона карта Российской империи. Шелковый шнурок на ней, словно петля на шее России, охватывает губернии Поволжья.

Скрестив по-наполеоновски руки на груди, явно рисуясь, Михаил Муравьев выдерживает длительную паузу, дает своим единомышленникам время налюбоваться собой.

— Прислушайтесь, граждане офицеры, прислушайтесь, граждане России! Вы слышите шаги — это уверенная поступь истории. Измученная и истерзанная Отчизна ждет своего героя. В такой грозный час нужен человек, который мог бы повести за собой бредущие в потемках миллионы. Нелегко мне взвалить на плечи сей непосильный груз. Но кто-то это должен сделать.

Вытянув вперед руку, Михаил Муравьев воскликнул:

— Жребий брошен! Пути к отступлению нет!

Нестор Чудошвили, а за ним и остальные, собравшиеся в салоне, стали аплодировать. Когда утихла оvação, главком прочитал телеграммы, которые намерен отправить сразу же по прибытию судов в Симбирск.

«Совнаркому и всем начальникам отрядов. Защищая власть Советов, я от имени армий Восточного фронта разрываю позор Брест-Литовского мирного договора и объявляю войну Германии. Армии движутся на Западный фронт».

Борис Станиславович взобрался на стул и неистово стал выкрикивать один лозунг за другим: — «С братьями-чехословаками — против Германии!», «Да здравствует война с Германией!» Аплодисменты, крики «Ура!», «Слава!» бушевали в салоне.

«Всем рабочим, крестьянам, солдатам, казакам и матросам, — едва стихла оvação, Муравьев стал читать текст второй телеграммы. — Всех своих друзей и бывших сподвижников наших славных походов и битв на Украине и юге России ввиду объявления войны Германии призываю под свои знамена для кровавой последней борьбы с авангардом мирового империализма — германцами. Долой позорный Брест-Литовский мир! Да здравствует всеобщее восстание!»

Переждав аплодисменты, главком зачитал и телеграмму, которую адресовал непосредственно командирам чехословацких эшелонов:

«От Самары до Владивостока всем чехословацким командирам. Ввиду объявления войны Германии, приказываю вам повернуть эшелоны,двигающиеся на восток, и перейти в наступление к Волге и далее на западную границу. Занять по Волге линию Симбирск, Самара, Саратов, Царицын, а в северо-уральском направлении Екатеринбург и Пермь. Дальнейшие указания получите особо».

— Все эти телеграммы имеют историческое значение, — сообщил Муравьев, закончив чтение, — но я их подписываю без колебаний. История — мне судья! Я хочу ответить на вопрос, который, очевидно, возник у многих из вас: почему для начала восстания я избрал Симбирск, а не Казань? Отвечаю — надо реабилитировать этот волжский город. Велика его вина перед Россией. Из Симбирска Ульянов и Керенский... Так пусть же из Симбирска начнет отсчет времени новая история, которую мы творим с вами, товарищи.

Главкома на трибуне сменил Борис Станиславович. У этого невзрачного человека оказался сильный голос:

— Четвертый день, — говорил эмиссар ЦК партии левых эсеров, — томится в Кремлевской тюрьме Мария Спиридонова. Но никакие застенки не могут помешать нашей славной революционерке быть сегодня с нами. Она благословляет решительный шаг, сделанный сегодня выдающимся полководцем Михаилом Муравьевым. От ее имени я счастлив объявить, что обязанности президента, военного министра и главнокомандующего вооруженными силами Приволжской независимой республики партия левых эсеров возлагает на того, кому судьба в тяжелый час испытаний повелела одновременно стать русским Гарибальди и русским Бонапартом, — протягивая руки к Михаилу Муравьеву, восторженно воскликнул:

— Вручаем тебе, наш герой, полководец, судьбу России, прими ее в свои объятия!

Эмиссар обхватил шею Муравьева, трижды накрест его поцеловал под восторженные приветствия мятежников.

Михаил Муравьев простер руку над головой, торжественно, сдавленным от волнения голосом произнес:

— Клянусь! И не нужны мне высокие посты. Найдутся другие, достойные их занять. Я остаюсь главнокомандующим.

«Межень» и сопровождающие ее пароходы с солдатами пришвартовались к пристани бывшего пароходного общества «Самолет». На берегу грянул сводный военный оркестр. У бронеавтомобилей застыли по стойке «смирно» экипажи машин. В недвижимом строю стояли отряды Симбирской группы войск. Печата шаг, к спущенному с «Межени» трапу шел торжественный, взволнованный выпавшей на его долю высокой миссией — командующий группой войск Клим Иванов. Его сопровождали эсеры — командиры бронедивизиона, отряда моряков и команды пулеметчиков.

Командарм Тухачевский прискакал на пристань, когда торжественная встреча закончилась.

— Заставляешь себя ждать, дорогой, — неодобрительно произнес Нестор Чудошвили, когда мимо него, придерживая рукой ножны сабли, поднимался командарм.

Муравьев ждал Тухачевского на верхней палубе «Межени».

— Товарищ командующий Восточным фронтом, командарм Тухачевский прибыл по вашему приказанию, — приложил руку к козырьку фуражки Михаил Николаевич.

— Друг Тухачевский, — прерывистым голосом произнес главком, — никаких официальностей. Все мы — рыцари свободы. Я для всех вас — Гарибальди. Сегодня я объявил войну Германии.

— Германии? — ошеломленный неожиданным сообщением, удивленно повторил командарм Первой. — Как Германии?

— Германии, исконному нашему врагу, который тебя томил в плену, друг. Настал момент спасти Россию, разгромить супостата. Поворачивай, друг Тухачевский, на сто восемьдесят градусов и вместе с братьями чехословаками двигай свои героические дивизии через Москву к западной границе. Это тебе приказывает Отчизна устами верховного главнокомандующего.

Поняв чудовищный смысл сказанного Муравьевым, Тухачевский гневно выкрикнул:

— Россия вам этого не простит.

— Я спасаю Россию, — не повышая голоса, произнес Муравьев, — и хочу знать: с кем ты, Тухачевский, — с нами или против нас?

— Революцию и Родину не предаю!

Муравьев нетерпеливо посмотрел на часы:

— Пять минут вам хватит, чтобы дать окончательный ответ? Напоминаю, что до меня в русской истории оставили заметный след два Муравьевых. Первый — декабрист, которого повесили, второй —

генерал-губернатор, который вешал повстанцев в Вильно. Я, Муравьев-третий, предпочитаю вешать, а не быть повешенным. Это вынужденное предупреждение, чтобы у вас не оставалось иллюзий...

— Предатель! Подлец!

— Ответ достаточно красноречив, — Муравьев все так же спокойно приказал Чудошвили: — Обезоружить, арестовать. Если до утра не одумается — расстрелять.

4

Йонас Петрила, ординарец Тухачевского, стоял возле коней, ожидая возвращения с «Межени» командарма, до него доносились лишь обрывки разговоров.

— Выходит, конец войне? — спрашивал солдат у своего товарища.

— Ты что, брюхом слухал, а не ухом, — ответил ему товарищ. — Главком сказал: замирение только с чехами, а война будет снова с немцами.

— Опять, выходит, вшей на германском фронте кормить.

— Выходит, что так.

К Петриле подошла баба в цветастом ситцевом платье, с корзинкой в руках:

— Семечки, горячие семечки, покупай, служивый, семечки.

— Скажи, гражданочка, будь любезна, тут что, митинг был?

— Конечно, состоялся, — охотно вступила в разговор торговка семечками. — Ты опоздал? Сам верховный главнокомандующий выступал. Такой представительный из себя мужчина, глаза черные, блестящие, голос бархатный...

— Муравьев, что ли?

— Может, и Муравьев, фамилию я не расслышала. А рядом с ним стоял такой красавец, инородец в красной черкеске, я с него глаз не спускала. Бывают же такие красивые мужчины. Счастливые, наверное, те бабы, которых они любят, а?

— Чего главком говорил? Солдаты, слышал, болтают, что замирение с белочехами вышло, против немца снова воевать станем?

— Не все одно, против кого тебя пошлют воевать. Будешь брать семечки? Нет! Так чего же ты пристал ко мне, как банный лист к заднице. Семечки, каленые семечки! Кому семечки?

Оставив коней, — все равно командарм не скоро вернется, раз такая ситуация получается, Йонас пошел потолкаться среди зевак, может, что толковое услышит о речи Муравьева, узнает новости.

— Дядя Йонас, — Гражина вынырнула из толпы и схватила Петрилу за руку, — здравствуйте.

— Тетя Эляна, это дядя Йонас. Он тоже из Литвы.

— У тебя такая большая родня, — засмеялась Елена Антоновна. — Сплошь все тети да дяди.

— А я и не верил девчонке, когда она в Москве сказала, что едет на Волгу тетю искать, — признался Петрила.

— Смотрите, смотрите, — испуганно произнесла Елена Антоновна, — что это? Господи, они арестовали Тухачевского.

По трапу «Межени» спускался командарм. С обеих сторон шли сербы. Они держали Тухачевского за руки. Грузин в красной черкеске приставил маузер к спине командарма. Конвой возглавлял раздувшийся от важности Клим Иванов. Он грозно покрикивал на зевак:

— Дорогу! Эй, дорогу!

— Надо своих предупредить, — ординарец командарма устремился к коновязи.

Но предупредить он никого не успел. Елена Антоновна видела, как к Петриле подошли два серба с винтовками. Как видно, ожидали его возле лошадей. Что-то сказали и повели на пароход, стоявший рядом с «Меженью».

— Гражина, милая, — горячо зашептала на ухо девочке тетя Эляна, — надо узнать, куда повезут Тухачевского. Я не могу — там Иванов.

Ловко продираясь сквозь толпу зевак, девочка подошла к черному автомобилю, у которого стоял командир бронедивизиона. Сюда вел свою группу и Клим Иванов. Беретти встретил Тухачевского зло-радным вопросом:

— Поручик, кажется, вы собирались меня расстрелять?

— Жалею, что этого не сделал, — признался ко-мандарм.

— Прекратить разговоры! — приказал Клим Ива-нов.

— Торопитесь, Клим Сергеевич? — спросил Бе-ретти. — Бойтесь упустить жирный кусок при де-лежке пирога?

Клим Иванов действительно торопился. Он боялся отстать от свиты Муравьева, хотел лично арестовать Варейкиса и других большевиков, которые, несмотря на приглашение главкома, не соизволили приехать на «Межень». Нельзя было опоздать и в Троицкую гостиницу, где через два часа начнется заседание фракции левых эсеров Симбирска и где, как обещал Муравьев, он окончательно уточнит состав кабинета министров Приволжской независимой республики.

— О каком пироге вы толкуете, Беретти? — с презрением ответил Иванов командиру бронедивизиона. — Когда решается судьба Родины, когда мы своими руками создаем историю...

— О жирном пироге толкую, Клим Сергеевич, — оборвал его Беретти.

Командующий Симбирской группой войск счел для себя за благо в настоящей ситуации уклониться от спора с Беретти, отец которого — царский генерал, как поговаривали в свое время, был непосредственным начальником Муравьева. Тоном, не терпящим возражения, предупредил:

— Охрана Тухачевского верховным командующим возложена на вас, Беретти. При попытке его к бегству — стреляйте. Если большевики попытаются его освободить — живым не отдавайте.

— От нас живым не уйдет, — успокоил Иванова командир бронодивизиона и, обращаясь к шоферу, приказал: — На станцию Симбирск-первый. Живо!

5

Вечером десятого июля улицы Симбирска опустели. Не было смены флагов, не было уличных боев, вроде и не менялась власть, а опытный обыватель почувствовал, что в городе творится что-то

неладное. За опущенными шторами, закрытыми ставнями горожане горячо обсуждали события минувших часов, спорили до хрипоты: хорошо это или плохо, что образована новая Приволжская независимая республика. Скептики считали, что от нее будет такой же толк, как от других скоропалительно назначенных правительств: Самарского, Уральского, Сибирского и еще бог знает каких. Чем больше правительств, тем чаще обыски и аресты, тем обильнее льется народная кровь.

Сидеть бы сейчас Елене Антоновне с Гражиной за закрытыми ставнями, гладить Трезора, прислушиваться к отголоскам далекой, проходящей под окнами дома жизни, как бывало раньше. Почему же сейчас учительница Синкевич стремится добраться до кадетского корпуса, где, конечно, опаснее всего, где развернутся главные события.

Может быть, она делает это по идейным соображениям, из-за того, что симпатизирует коммунистам больше, чем левым эсерам? Она так и не смогла разобраться, в чем разница между партиями. К чему? Все говорят о светлом будущем человечества и на смерть шлют людей, плодят вдов и сирот. Кто же знает, каким будет человек будущего? Пусть не через десять, даже не пятьдесят, а через сто лет. Как-то спросила у Варейкиса, знает ли он сам, каким будет этот коммунизм, как будет жить и что делать

в светлом будущем эта девочка, которой сейчас...

— Сколько тебе лет, Гражина?

— Двенадцать.

Когда ей будет шестьдесят два, через полсотни лет?

Варейкис говорил о том, что к этому времени на земле не будет ни бедных, ни богатых, люди забудут, что такое гнет эксплуатации, безработица, голод, нищета...

— Все станут жить во дворцах, есть из золотых тарелок, одеваться в шелка и кутаться в меха. Скучная сказка, Варейкис, — перебила Эляна. — Всегда, понимаете, всегда, какие бы блага вы не давали людям, человек останется человеком. Будут красавицы и уроды, страдающие от того, что их никто не любит. Будут ревнивцы, завистники, чиновдралы, умные и глупые. От этого человечество не спасет никакая классовая борьба, если вы и прольете крови больше, чем воды в Волге. Несчастный останется несчастным, если ему даже принесут три отбивных на золотом блюде.

Иосиф Михайлович горячо возражал, доказывал, что в каждом человеке заложены хорошие начала, но социальный строй, невежество, неграмотность, эксплуатация не дают возможности большинству людей проявить себя.

— Для того чтобы все люди были богаты и сыты, приобретали вещи, которые им хочется, надо чтобы все одинаково хорошо работали, — заметила Синкевич.

— Правильно, — согласился Варейкис, — кто не работает, тот не ест — этот девиз начертан на наших знаменах.

— Люди очень разные, и всегда будут разные. Одни захотят работать, а другие станут лениться. Ленивые останутся и при коммунизме. Куда вы от этого денетесь?

— Когда труд станет такой же потребностью, как воздух, хлеб — лень исчезнет.

Ни Варейкис, ни принесенные им сильно потрепанные, видно, прошедшие через многие руки, брошюры не смогли вовлечь ее в большевистскую веру. Она согласна, что большевики ставят перед собой самую благородную цель — сделать людей счастливыми. Но цель эта недостижима, напрасно гремят орудия, брат на брата идет с винтовкой. Чем больше крови, злобы — тем дальше желанная цель.

Так какая же сила заставила Елену Антоновну красться по улицам, обходить отряды солдат, окруживших почту, телеграф, банк, вжиматься в подъезды домов, когда с гиком проносятся в пролетках пьяные матросы, сербы из личной охраны Муравьева? Может быть, она делает это из-за того, что влю-

билась в Варейкиса или Тухачевского? Нет, нет! Ее чувства далеки от любви. Варейкис и Тухачевский — люди интересные, цельные натуры. Оба не просто интеллигентные люди, но и одаренные, может быть, даже талантливые. Сколько радости они могли бы принести окружающим, развивая свои способности. А они воюют. Против кого? Против своих соотечественников.

Может быть, Елена Антоновна сейчас торопится предупредить Варейкиса об аресте Тухачевского, о грозящей беде, чтобы насолить Климу Иванову — своему обидчику? Нет! Стоит ли ему мстить? Ведь он для нее умер в тот самый миг, когда произнес те поганые слова, недостойные интеллигентного человека, чего там интеллигентного — просто мужчины.

Учительница, не впутываясь в дела никаких партий, выполняет свой человеческий долг. Если бы ординарец Тухачевского успел ускакать, то она, возможно, и ушла бы со спокойной совестью домой, чуточку погоревав о том, что так не повезло симпатичному молодому человеку. Мало ли за эти годы оказалось в тюрьмах симпатичных молодых людей. Кто только их не сажает в камеры и подвалы: контрразведка и Военконтроль, чека, милиция и полиция. Всем не поможешь. Развилка улиц — может быть, свернуть налево? Дом недалеко. Или продолжить идти направо, к большевистскому «Смольному»?

— Чего же вы остановились, тетя Эляна? — словно угадав сомнения Елены Антоновны, спросила Гражина.

— Тебе лучше пойти домой, а я одна как-нибудь, — не решилась высказать прямо своих сомнений Елена Антоновна.

— Вдвоем вернее, — ответила девочка.

На Гончаровской улице, куда собиралась свернуть учительница, раздался сильный взрыв. Жалобно задребезжали в окнах стекла. Куда-то торопливо пробежали красноармейцы, волоча за собой станковый пулемет. За углом кого-то схватили, кто-то истошным голосом матерился.

С гиканьем и свистом, вздымая облако пыли, промчалась длинная черная машина, заполненная матросами и растрепанными женщинами. Сидевший рядом с шофером чубатый анархист смеха ради стрелял по окнам, незакрытым ставнями.

Елена Антоновна пошатнулась, схватилась рукой за массивную желтую дверь, украшенную вверху словно веером разноцветными стеклами.

— Боже, до чего же глупо...

— Тетя Эляна, что с тобой? — испугалась Гражина и с силой начала дергать фарфоровую ручку звонка. На пороге появилась Клава Верещагина.

— Извините, — попыталась улыбнуться одеревеневшими губами учительница, — такая нелепость. Они арестовали Тухачевского — Клим Иванов, поручик Беретти. Я хотела найти Варейкиса...

Г л а в а о д и н н а д ц а т а я

РАСПЛАТА

1

Клава Верещагина подошла к «Смольному», когда Нестор Чудошвили, окруженный отрядом пулеметчиков, группой латышских стрелков и любопытных горожан, заканчивал речь:

— Горе тем, кто встанет на пути нашего вождя, — отрепетированным жестом схватился за рукоятку кинжала адъютант Муравьева. — Наш верховный главнокомандующий — друг народа. Он за Советскую власть, но против Московского Совнаркома. Кровь революционеров, пролитая жидо-большевиками в Москве, Ярославле, вызывает к мести!

Вскинув красные рукава черкески над головой, Чудошвили провозгласил «Ура!» в честь Муравьева и новой республики. Затем попросил граждан сооб-

щить, есть ли среди собравшихся большевики. Не дождавшись ответа, сопровождаемый солдатами, отправился в здание губисполкома. Вслед за ними вошла в здание «Смольного» и Верещагина. В коридорах «Смольного» шумно. Красноармейцы Московского отряда, латышские стрелки возбужденно обсуждают новости, донимают вопросами Чудошвили.

— Почему пулеметы на Гончаровке поставили?

— Почему бандитов из тюрьмы выпустили?

— Почему большевиков арестовываете?

Адъютант Муравьева утратил красноречие, нечленораздельно старался что-то объяснить:

— Дело, видите ли, в том, что главнокомандующий объявил войну Германии... Впрочем, все разберем. Я доложу главнокомандующему. Ни о каких арестах мне неизвестно. Это жидо-большевики вас вводят в заблуждение.

— Кто арестовал командующего Первой армией Тухачевского? — громко спросила Верещагина. — Кто арестовал его ординарца Йонаса Петрилу? Кто стрелял в учительницу Синкевич?

— Как? Арестовали Тухачевского! — взревел Медведь и схватил красную черкеску с такой силой, что оборвался ремешок и со звоном упал на пол кинжал.

— Провокация, граждане, братцы. Кто эта гражданка, что она делает в войсках, по какому праву? Я обязан ее арестовать, как провокатора.

Из толпы вынырнул Варейкис:

— Меня тоже грозился арестовать. Председателя губисполкома искал. Кто дал право Муравьеву самовольничать? Солдаты революции, не мы предатели, не большевики, а те, кто изменил Советской власти, открыл фронт белочехам.

— Чехи — наши братья. Они тоже хотят воевать против немцев, — пролепетал Чудошвили и поспешил быстрее ретироваться из «Смольного» под защиту броневиков Беретти, которые уже окружили здание.

— Варейкис, разреши, я прикончу Муравьева, — жарко зашептал в ухо Иосифу Михайловичу красноармеец Медведь, — бомбу брошу в его машину, за тату, за командарма.

— Арестованных товарищей выручим, — пообещал Варейкис, — но никаких бомб, никаких покушений на жизнь Муравьева. Такое убийство произведет обратное действие, создаст предателю ореол невинной жертвы. Вначале мы должны его разоблачить политически. Берите верных людей, идите в бронедивизион, в пулеметную команду, в другие части и полки, обманутые Муравьевым, объясняйте,

что он предал революцию, Родину. Не допустите братоубийственной бойни.

Большевистская фракция губисполкома собралась в редакции. Не было только председателя губисполкома Гимова. Ему Варейкис посоветовал временно уйти в подполье, чтобы в случае ареста коммунистов связаться с Казанью, с армией Тухачевского, поднять рабочие отряды против мятежников.

Иосиф Михайлович прочитал уже набранное воззвание к войскам Симбирского гарнизона, где говорилось о предательстве Муравьева. Воззвание единодушно одобрили.

— Его надо немедленно распространить в войсках. Сделать это удобнее всего коммунистам из роты латышских стрелков и Московского отряда.

— Мы готовы, — сразу ответило несколько голосов.

— Отлично, отправляйтесь в части, товарищи. Клава, проследи, чтобы быстрее отпечатали воззвание, — попросил Иосиф Михайлович.

На обсуждение членов большевистской фракции Варейкис поставил вопрос о необходимости установить контакты с Муравьевым, пригласить его на заседание губисполкома.

— Контакты с предателем, — возмутился Саша Швер. — Ни за что!

— Наш партийный долг, — спокойно стал объяснять Варейкис, — обезвредить Муравьева, арестовать его, предать суду революционного трибунала. Вот почему я и предлагаю установить с ним контакты. Сейчас он в Троицкой гостинице. Там заседает фракция левых эсеров. Прошу уполномочить меня связаться с Муравьевым, пригласить на заседание губисполкома.

— И он тебя арестует, как арестовал Тухачевского. Нет, я возражаю, — сказал редактор. — Пойти к Муравьеву должен кто-нибудь другой.

— Я пойду, — вызвалась Верещагина.

— Хорошо, — согласился Варейкис. — Только ни в какие переговоры с ним не вступай. Скажи, что губисполком согласен его выслушать, обсудить его предложения. И все. Я попытаюсь связаться с гостиницей по телефону.

Варейкис снял телефонную трубку:

— Соедините, товарищ, с Троицкой гостиницей. Знаю, что запретили соединять. Но мне нужен Муравьев. Варейкис говорит. Хорошо, позвоните.

Прикрыв трубку рукой, Иосиф Михайлович сообщил товарищам, что барышня рискнула соединить с начальником связи штаба Муравьева. Услышав в трубке мужской бас, сказал:

— С вами говорит товарищ председателя Симбирского Совета депутатов Варейкис. Мне необходимо

поговорить с главкомом. Занят? Жаль. Передайте ему, что заседание исполкома собирается в полночь. Мы хотели бы выслушать его сообщение. Подробности расскажет посланная нами в Троицкую журналистка из местной газеты.

Повесив трубку, Иосиф Михайлович подошел к Верещагиной:

— Иди, Клава, но прошу, напрасно не рискуй, будь осторожной и хитрой, — пожимая руку девушки, спросил: — Ты говорила, что стреляли в Синкевич. Какую Синкевич?

— Елену Антоновну. Она лежит у моего отца. Вы, кажется, не ошиблись в ней, Варейкис.

Иосиф Михайлович не успел больше ничего спросить. В редакцию вошел Медведь с двумя солдатами из бронедивизиона.

— Я шофер бронедивизиона, — назвался один из пришедших, — товарищи уполномочили меня заявить, что они не выступят против Совета.

— Спасибо, товарищи, — поблагодарил Варейкис. — Мы вам верим.

Пока обсуждался план, как арестовать Муравьева, если он придет на заседание губисполкома, поступили сообщения из пулеметной команды, революционного отряда моряков, что они не поднимут оружия против Симбирского Совета.

из Троицкой гостиницы вернулась Клава Дерещанина.

— Он прибудет ровно в полночь! — заявила Клава с порога редакции.

— Разговаривала с самим Муравьевым? — спросил Саша Швер.

— Не удостоилась. От его имени со мной говорил Клим Иванов. Он отрекомендовался министром Приволжского независимого правительства. Каково! Был барски снисходителен. Чувствуя себя победителем, спросил: «Взялись за ум, решили капитулировать?»

— Что ты ответила? — насторожился Варейкис.

— Хотела плюнуть в его похабную рожу. Но помнила ваше напутствие и ответила слово в слово, как вы велели. Теперь он убежден, что мы трусили и капитулировали. Вы довольны?

— Очень. Молодец!

— Рада стараться. Кстати, Клим Иванов сообщил, что Муравьев зарезервировал два министерских поста на случай, если мы будем покладистыми. Так что у вас, Варейкис, есть шансы стать министром.

— Хотят купить нас за чечевичную похлебку, — возмутился Иосиф Михайлович.

Трезор сидел у дверей, широко расставив передние лапы, выл жалобно, протяжно. Едва было успевшая задремать Гражина проснулась, сжалась в комок.

— Трезор, Трезорчик, миленький, не пугай меня, перестань, пожалуйста, прошу тебя.

Собака нехотя поднимается, подходит к дивану, на котором лежит Гражина, кладет морду на подушку и уже не воет, а жалобно скулит, предупреждая о беде, которую не в силах предотвратить.

— Нет, Трезорчик. — Девочка гладит шелковистую шерсть. — Нет, ты ошибаешься, тетя Эляна еще вернется, обязательно вернется к нам. Они убили мою маму, папу, а тетя выживет, вот увидишь.

Подавленные горем девочка и собака лежат на диване, тесно прижавшись друг к другу, а за окном черная ночь, тревожная, страшная ночь. Чуть забылась в тяжелом сне Гражина, как собака снова занимает свой пост у порога, вытянув морду, воет.

Гражина, преодолев страх, одевается, берет на поводок Трезора и отважно шагает за порог тетиной квартиры, туда, в ночь, где не спят еще взрослые.

Дзилинь-дзилинь-дзилинь... Гражина дергает и дергает фарфоровую ручку звонка. За дверью слышатся шаги, гремят засовы, в образовавшуюся щель

виден доктор Верещагин со свечой в руках. На нем незастегнутый халат. Прикрывая ладонью колеблющееся пламя свечи, он спрашивает:

— Кто там? — узнав девочку, сбрасывает предохранительную цепочку, полностью раскрывает дверь: — Чего тебе?

— Тетя Эляна?

— Все еще без сознания, — видя горе девочки, говорит в утешение. — Утро вечера мудренее. Будем надеяться. Сейчас к ней нельзя. Забирай свою собаку и иди спать. Ни Клавы, ни твоего дружка дома нет. Не приходили еще из своего «Смольного».

Дверь закрывается. Всегда такой послушный Трезор отказывается подчиняться Гражине. Напрасно она тянет его за ошейник, просит, называет ласковыми именами, собака укладывается у порога дома доктора.

— Ну и хорошо, ну и оставайся, противный, противный Трезорище. Ты же слышал, доктор сказал, чтобы мы уходили. Его надо слушаться. Он лечит тетю Эляну, он ее спасет.

Собака неподвижно лежит у порога.

— Ах так, упрямый пес. Хорошо же, я ухожу одна. Пусть меня тоже убьют.

Девочка решительно направляется к «Смольному». Как только завернула за угол, ее догнал Трезор.

У самого кадетского корпуса, обдавая девочку и собаку облаком пыли, проезжают длинные автомобили. Они останавливаются у подъезда. Часовые берут на караул. Затаившаяся у стены, Гражина видит, как из машин выходят Муравьев, Иванов, командир бронедивизиона, грузин в черкеске, другие незнакомые люди.

Гражина угадывает среди множества окон «Смольного» окна редакции. Одно из них бледно-желтое. Там горит свет. Значит, еще не ушли редактор Швер, тетя Клава, наверняка в редакции остались ночевать Сашка и другие ребята. Счастливые — они все вместе.

Матросы, несущие караул у подъезда в здание, преграждают путь девочке и собаке.

— Ты, дивысь, — гогочет один из матросов, — еще командующий объявился и тоже с адъютантом.

— Дяденьки, я же здесь работаю в редакции, — пытается объяснить Гражина. — Вон и свет у нас в окне горит.

— Ты еще и врать будешь, — матрос звонко шлепает Гражину по попе. — Марш отсюда, костлявая.

Матросы напоминают Гражине тех анархистов, что разбросали на базаре ее газеты. Сжав ладонь на ошейнике Трезора, девочка уходит от подъезда. За кустами, как раз напротив окон редакции, стоит старый диван с вылезшими пружинами, на нем ма-

ленькие газетчики ожидают по утрам свежие номера «Известий». Девочка втаскивает упирающегося Трезора на диван, звенят пружины. Все-таки здесь не так страшно, как в пустой квартире тети Эляны. Прижавшись к мягкой собачьей шерсти, Гражина наблюдает за тенями людей, которые мелькают в нескольких освещенных окнах огромного здания, видит огоньки самокруток, которые курят матросы и шоферы окруживших «Смольный» броневики. В ночной тишине отчетливо слышны негромкие солдатские беседы. Они все о том же. О войне, о земле, о бабах. Прострекотал мотоцикл, мотор у подъезда затих. Мотоциклист громко сказал часовым:

— Срочные бумаги на подпись главнокомандующему.

Гражина мысленно последовала за порученцем: по широкой лестнице, потом по коридору направо, к кабинету Варейкиса. Но в окне его кабинета свет не горит. Неужели и его арестовали? Ярko светятся окна зала. Может быть, там проходит заседание, и там сейчас вместе с Муравьевым заседают Варейкис, Швер и тетя Клава. Она, конечно, уже рассказала Варейкису об аресте Тухачевского. И большевики, наверное, его освободили.

Легкий ветерок донес запах махорки. Усевшись в одну машину, солдаты из бронедивизиона делились впечатлениями минувшего дня. Говорили о прика-

зах Муравьева, листовках Симбирского Совета, вздыхали: трудно разобраться, кто прав, а кто виноват.

— Зачем мы Совет окружили?

— Главком приказал.

— Приказал? Нашими руками хочет Советскую власть задуть.

— Не Советскую власть, а большевиков.

— Я тоже большевик.

В здании «Смольного» раздались выстрелы. Один... второй... Потом беспорядочная стрельба, и наступила тишина. Молчали солдаты, окружившие кадетский корпус, вжались в нишу у парадного матросы-часовые.

Из подъезда выскочил грузин в черкеске.

— Кацо, главкома убили, — кричал он в темноту ночи, ни к кому не обращаясь. — Предательство! Муравьева застрелили!

Солдаты возбужденно загалдели. Все сразу:

— Как убили?

— Кто стрелял?

— За что убили?

— Вот тебе и Наполеон!

— Достукался.

Первыми опомнились матросы. Выхватив оружие, они двинулись к зданию, неистово матерясь.

Навстречу им вышла группа людей в гражданских костюмах. Гражина узнала Варейкиса в его синей блузе и Швера в потертой студенческой куртке. Девочка в ужасе вскочила с дивана. Ей казалось, что разъяренные матросы сомнут, растерзают небольшую группку гражданских людей.

Иосиф Михайлович спокойно, как будто не видел надвигающихся на него матросов, отчетливо произнес:

— Товарищи, я из Симбирского комитета партии большевиков Варейкис. От имени губисполкома должен вам сообщить: только что погиб смертью предателя, изменивший Советской власти и революции, Муравьев...

— Гады, такого человека угробили, — рванулся к Варейкису чубатый верзила в тельняшке.

— Полегче, дядя, — загородил ему дорогу Медведь. — Кидай револьвер, рваная калоша!

Латышские стрелки, бойцы Московского отряда плотным кольцом окружили членов губисполкома. С балкона на площадь направлено дуло пулемета.

Клава Верещагина в сопровождении ребят — разносчиков газет — выносит из типографии пачку листовок. К ним присоединяется Гражина. Они раздают солдатам бронедивизиона, матросам, пулеметчикам, всем, кто стоит на площади, белые листки, пахнувшие свежей типографской краской.

Гражина не слышит, о чем говорит собравшимся Варейкис. Она повторяет жирно набранные на листовке слова: «Революция одержала победу. Революция торжествует!»

Над Волгой уже розовеет край неба. Скоро рассвет.

4

События этой ночи в Симбирске найдут отзвук во всей России, станут обрастать легендами, правда перепутается с вымыслом. Об измене Муравьева первой напишет центральная газета «Известия». Не располагая достаточной информацией, уже на второй день после гибели Муравьева корреспонденты «Известий» сообщат читателям:

«...Муравьев — левый эсер. Получив телеграммы ЦК партии левых эсеров о том, что будто бы левым эсерам удалось захватить власть в Москве, он по приказу левоэсеровского ЦК немедленно перешел на сторону мятежников.

Захватив народные деньги, Муравьев бежал из Казани в Симбирск.

Из Симбирска он дал телеграмму за № 2882 по всему внутреннему фронту от Самары и до Владивостока всем командующим частями, действовавшими против словаков. Телеграмма эта следующего

содержания: «Повернуть эшелон, движущийся на восток, и перейти в наступление к Волге».

Далее он дал приказ всем войскам двинуться на Вятку, Саратов, Балашов и на Москву через Пензу.

Вместе с тем, указывая в своих приказах, будто германские войска перешли в наступление в районе Орши, Муравьев отдал распоряжение наступать против германцев.

Все эти приказы, если бы они были исполнены, неизбежно привели бы к тому, что советские войска были бы уведены с Волги и чехословацким отрядам открыта дорога в глубь России. Переход в наступление против Германии без всякого основания и повода для этого (указание Муравьева на то, будто бы немцы сами перешли в наступление в районе Орши, является заведомой провокационной ложью) имел бы своим последствием вовлечение нас в новую войну.

Однако, будучи вовремя оповещены об измене Муравьева, ни одна воинская часть, ни один солдат Рабоче-Крестьянской армии не последовал за ним.

Тогда Муравьев явился в Симбирский Совет и пытался склонить его на свою сторону, призывая рабочих порвать в большевиками и пойти за ЦК партии левых эсеров в его мятеже против Всероссийского съезда Советов.

Но здесь Муравьев получил решительный, полный негодования отпор. По-видимому, с Муравьевым была небольшая группа его единомышленников. Вопрос этот не выяснен. Полученные донесения говорят о перестрелке, в результате которой было ранено несколько членов Симбирского Совета. Видя полную неудачу в своей попытке склонить к измене и мятежу солдат Рабоче-Крестьянской армии и трудящиеся массы, видя полное крушение своего плана, Муравьев покончил с собой выстрелом в висок.

Наше положение на фронте не изменилось. Руководство операциями против чехословаков временно приняли на себя т.т. Мехоношин и Благоднаров.

Войска продолжают наступление против чехословаков с прежним успехом. По имеющимся сведениям, Ставрополь взят нашими войсками».

Неточная информация газеты вызвала много кривотолков, породила новые легенды. Стремясь восстановить правду, взялся за перо один из главных участников событий той июльской ночи в Симбирске Иосиф Варейкис. Он рассказал о подробностях, которых не знали журналисты, армейские работники, писавшие в ту пору о муравьевщине. Поэтому нам остается лишь переписать хранящиеся в архиве записки Иосифа Михайловича и предложить их вниманию читателей этой повести.

«Об убийстве Муравьева, — начал свои воспоминания Варейкис, — ходит много вымышленных, неверных сказок и небылиц, которые, попадая в печать, и отчасти даже правительственные сообщения, совершенно исказили действительную картину убийства.

Первоначально было сообщено, что «Муравьев покончил самоубийством». Слишком много «романтики» для него. Совершенно неосновательный повод окружить его имя некоторым ореолом благородства.

На мою долю в ту ночь (при другом исходе, быть может, последнюю для многих из нас) выпала задача руководить арестом Муравьева и агитацией в частях, увлеченных им. Поэтому я постараюсь осветить всю эту короткую историю авантюры Муравьева в истинном свете».

Дальше в записке Иосиф Михайлович рассказывает о прибытии Муравьева на пароходе «Межень» со свитой и тысячей красноармейцев в Симбирск, о захвате почты, телеграфа, банка, о бесчинствах мятежников. О мерах, принятых большевистской фракцией губисполкома и о том, что произошло позднее, когда Муравьев и другие левые эсеры согласились прийти в «Смольный», чтобы, как они думали, принять капитуляцию большевиков.

«Приступили к организации ареста, — пишет Варейкис. — Члены фракции большевиков предложи-

ли мне руководить этой операцией. Прежде всего встал вопрос, как организовать надежную вооруженную силу, хотя бы человек в пятьдесят, которые могли бы в случае необходимости пожертвовать собой. Ясно, что, кроме латышей, другой вооруженной силы не найти. Но вместе с тем я заявил, что необходимы люди и из других отрядов, чтобы даже в случае неудачи не одни латыши оказались вовлеченными в борьбу на нашей стороне. Решили выделить по десять человек из бронированного отряда и из Московского, хотя последний оказался настолько революционным, что не было ни одного красноармейца, который не принял бы участия или в агитации, или в охране Совета.

Всего набралось приблизительно 120 человек. Решили устроить засаду в двух соседних комнатах (№ 5 и № 3), а в комнате № 4 должен был заседать исполком. Потушили электричество. Я приказал немедленно коменданту тов. Спирина открыть кладовую и передать Московскому отряду пулеметы. Их расставили в комнатах, где находилась засада, и в зале, через который проходили в комнату заседаний исполкома. Решили, что если Муравьев явится на заседание хотя бы с полсотней человек, все равно открыть пулеметную стрельбу, но не дать возможности выйти из комнаты живым Муравьеву и его банде.

Иванов, левый эсер, по-видимому, узнал про засаду и предложил перейти в другую комнату. Но я, чтобы избежать этого, просто объявил собрание открытым. Таким образом, вопрос разрешился, мы остались в необходимой для нашей цели комнате.

Сделав некоторое вступление, я предоставил слово Муравьеву. Я не буду писать о том, что говорилось на этом заседании. Скажу только, что левые эсеры «закатили» такую декларацию, что во время российского соглашательства правые эсеры и то выносили более ясные и более «революционные» декларации. Наша фракция... дала Муравьеву и фракции эсеров достойный отпор, называя его авантюристом и шулером. Муравьев нервничал, кусал губы. В заключительной своей речи я в резкой форме заявил, что «мы не за вас, а мы против вас».

Фракция левых эсеров, встретив такое сопротивление со стороны нашей фракции, потребовала перерыва. По-видимому, они догадывались, что наша фракция что-то замышляет, готовит для них неожиданный сюрприз.

Надо несколько слов сказать о том, что происходило во время заседания за дверью, в отряде, которому было поручено арестовать Муравьева.

Лишь только Муравьев вошел в комнату и закрылась дверь, как отряд немедленно вышел из засады и окружил комнату за дверью, которая до половины

была закрыта газетой, чтобы из комнаты заседания не видно было, что происходит в зале. На дверь были направлены пулеметы, полукругом расположилось 100 или 120 вооруженных людей.

Во время заседания за дверью частенько шумели. Меня стали вызывать в отряд. Открывают дверь и машут рукой. Мне несколько раз приходилось покидать место председателя и идти успокаивать.

Муравьев начал смутно догадываться, что что-то готовится. В один из таких наиболее шумных моментов вышел левый эсер Иванов, командующий Симбирской группой войск. С его появлением еще больше поднялся шум. Он вернулся бледный и попросил, чтобы я вышел и успокоил бойцов. Когда я вышел, то оказалось, что был разоружен адъютант Муравьева. Адъютант подошел ко мне и попросил вернуть ему оружие. Я ответил: «Мы сейчас, товарищи, разберемся, а вы пока посидите», а ответственным товарищам из отряда заявил, чтобы они зорко следили за ним.

Был еще ряд подобных моментов, которые усиливали тревогу левых эсеров и Муравьева с его тремя телохранителями. Муравьев к концу заседания страшно побледнел, растерянно посматривая по направлению двери, на его лице не было ни улыбки «Наполеона», ни удали «Гарибальди», с которыми

он себя сравнивал в тот вечер перед красноармейцами.

Я объявил перерыв. Муравьев встал. Молчание.

Все взоры направлены на Муравьева. Я смотрел на него в упор. Муравьев тоже. Чувствую, что он прочел в моих глазах что-то неладное и сказал: «Я пойду, успокою отряд». Он повернулся и направился со свитой солдатским шагом к двери.

Для слабых момент психологически невыносимый.

В это время за дверью приготовились для ареста. Тов. Медведь ждал условного знака, который я должен был ему подать в нужный момент.

Муравьев подошел к выходной двери. Ему осталось сделать шаг, чтобы взяться за ручку двери. Я махнул рукой. Тов. Медведь скрылся... Через несколько секунд дверь перед Муравьевым распахнулась, блестят штыки...

Муравьев оказался поставленным лицом к лицу с вооруженными красноармейцами-коммунистами.

— Вы арестованы!

— Как, провокация? — крикнул Муравьев и схватился за маузер, который висел у него за поясом. Тов. Медведь схватил его за руку. Муравьев выхватил левой рукой из кармана браунинг и хотел стрелять.

Увидев вооруженное сопротивление, отряд начал стрельбу. После шести-семи выстрелов с той и с другой стороны Муравьев свалился убитым в дверях исполкома, из головы потекла кровь.

Все это произошло в одно мгновение. Изменник, пытавшийся нанести удар в спину Советской власти, уничтожен.

Так кончилась предательская авантюра неудачного «Бонапарта», авантюра, которая могла бы поставить Советскую Россию перед фактом беспрепятственного занятия белочехами всего Поволжья, а может быть, привести и к удушению революции.

Муравьевщина серьезно осложнила обстановку на Восточном фронте. Если армия оказалась непоколебимой, то среди командного состава имелись и явные предатели, и люди, обманутые Муравьевым.

Всех, кто был в зале, охватило оцепенение, когда оказалось, что Муравьев убит. Многие не ожидали того, что произошло, хотя нам было ясно, что Муравьев живьем не сдастся.

Вбегаю в гимнастический зал и призываю всех к революционному порядку. «Как бы ни были неожиданными и, быть может, для многих тяжелыми моменты, мы обязаны владеть собой и довести до конца начатое нами! — крикнул я на весь зал, и все встrepенулись и обернулись ко мне. — Сейчас, ввиду серьезности момента, мы должны как можно бы-

стрее действовать. Командование войсками в Симбирске в настоящий момент беру на себя я. Итак, еще раз приказываю: «К порядку! Часовые по местам!...»

...Наша фракция в Симбирском губисполкоме была незначительна — всего восемь-десять человек, но в эту ночь каждый из нас оказался на высоте положения...

Через несколько часов освободили арестованного Муравьевым тов. Тухачевского, которому я передал командование.

Стало совершенно светло, тихо, появились объезжавшие отряды члены нашей фракции и сказали, что все тихо, все сделано, все готово».

5

Варейкис достал из шкафа подушку в серой наволочке, старую шинель, положил их на диван, но ложиться не стал: все равно не заснет. Весь день, ночь нервы были собраны, словно сжаты в кулак, а сейчас, когда все кончено, наступила разрядка — трясет, как в лихорадке. Иосиф набросил шинель на плечи, распахнул окно. Небо было голубым, но еще не прозрачным, кроны деревьев с восточной стороны — золотисто-зелеными, а с западной — темными,

словно в зеленую краску подмешали черной. Окна третьего этажа соседнего здания отливали червонным золотом. Какие краски использовал бы Василий Дмитриевич, чтобы написать этот рассвет? — Иосиф Михайлович смотрел на пробуждающуюся природу, и казалось ему, что присутствует он на одном из уроков художника Поленова, видит, как мастер пейзажа накладывает на полотно краски.

За спиной скрипнула дверь. Оборачиваться тяжело. Все еще на пороге видится распростертое тело Муравьева. Смыли черную густую кровь изменника? Но он упал на пороге не его кабинета, а комнаты номер четыре.

— Комнаты номер четыре, — неизвестно почему вслух произнес Варейкис.

— Ты еще не ложился, Иосиф? — спросила Верещагина. Она впервые обращалась к Варейкису на «ты» и называла просто по имени, как будто эта ночь их сблизила, породнила. — Я принесла тебе чаю. Выпей, пока горячий.

Озябшие пальцы сжали горячее стекло.

— Клава, ты можешь достать букет цветов ярких, красных? — В эту ночь Иосифу некогда было думать об Эляне. Но ее образ, ее имя, казалось, все время были где-то рядом.

— Цветы? — удивилась Верещагина. — Цветы можно, Иосиф... Я только что была дома. Отец всю ночь не спал...

— Ей плохо? Как помочь, что надо сделать? — спросил, не теряя надежды, Варейкис.

— Отец сделал все, что мог. Ты знаешь, он опытный хирург. Нам остается набраться мужества и ждать.

Звения шпорами, в кабинет вошел Тухачевский.

— Чуть свет, и я у ваших ног, — продекламировал он и широко расставил руки, готовясь заключить друга в объятия. — Почему у победителей такой похоронный вид?

Командарму ответила Клава. Она рассказала, что учительница Синкевич вместе с Гражиной узнали об аресте Тухачевского и спешили в «Смольный», чтобы передать эту весть Варейкису, спасти командарма, когда шальная пуля мятежника попала ей в живот.

— Какая нелепость... Так и бывает в жизни — воюют мужчины, а погибают ни в чем неповинные женщины.

— У Муравьева была черная и густая кровь, — продолжая думать о своем, сказал Иосиф Михайлович, — как будто черную краску выжали из тюбика.

Резко зазвонил телефон. Верещагина сняла трубку:

— Слушаю. Да, комитет партии большевиков... Диктуйте, записываю.

Крупными буквами на листке ученической тетрадки в косую линейку Клава написала: «Всем, всем». Варейкис и Тухачевский склонились над письменным столом. Москва передавала по телеграфу обращение ко всей России, ко всему трудовому народу, сообщала, что командующий Восточным фронтом М. А. Муравьев предал революцию, народ... Буква ложится к букве: «Всякий честный гражданин должен застрелить изменника на месте».

Москва еще не знает о том, что произошло этой ночью в Симбирске.

— Надо немедленно отправить телеграмму Ленину, — говорит Тухачевскому Варейкис. — Подпишем сообщение вдвоем — ты и я.

Тухачевский отрицательно качает головой. Ленину должен подписать телеграмму Варейкис, и никто другой.

Иосиф Михайлович поднимает на уровень глаз тонкую ученическую ручку, пачкая чернилами пальцы, старательно снимает приставшую к перу ворсинку. Твердым почерком пишет:

«Москва, Кремль, товарищу Ульянову-Ленину...»

*ЕСЛИ ХОЧЕШЬ СТАТЬ
КОСМОНАВТОМ...*

ПОВЕСТЬ

ЗНАКОМСТВО С МОРЕМ

1

— Мо-ре, мо-ре, — приложив ладони к губам, закричал Герман и запрыгал от радости на золотом, плотно укатанном волной берегу.

Раньше мальчик видел море лишь на экране телевизора да в кино. Здесь оно выглядит иначе. Нет волн, швыряющих, как бумажную лодочку, корабли, ни рева, ни грохота. Спокойно, даже лениво прибивается к берегу волна. Маленькая. Словно на реке Нерис после того, как пройдет моторка. Герман сунул руку по самый локоть в теплую воду.

— Вот ты какое, море!

— Познакомился? — Павел Петрович Ткаченко, дедушка Германа, присев на корточки, дотронулся рукой до воды. — Будем купаться.

Пока Павел Петрович складывал на песке одежду, внук побежал к воде. Под ногами был такой же, как и на берегу, упругий песок.

— Быстрее, быстрее, — торопил внук, — вода совсем нехолодная.

Часто подгребая под себя обеими руками, поднимая ногами фонтаны брызг, Герман плыл вдоль берега.

— Эх ты, чудо-юдо, кто же так плавает! А еще в бассейн ходил учиться.

Сравнил. Там бассейн, а тут — море! Давай на перегонки.

Павел Петрович принял вызов внука и саженками, высоко выбрасывая вперед чуть согнутые в локтях руки, поплыл дальше от берега. Рядом, стараясь не отставать, плыл внук.

Ткаченко опустил ноги и сразу же почувствовал дно. Все еще было мелко, хотя берег и казался далеко. Здесь было меньше купающихся, и старый журналист позволил себе порезвиться с внуком так, как делали они на реке Нерис.

На берегу реки в тихой деревни они уже несколько лет снимали дачу. Именно здесь, на даче, когда у Павла Петровича было много свободного времени, возникла близость, перешедшая потом в дружбу между дедушкой и внуком. Павел Петрович читал Герману вслух вначале сказки, потом повести и рассказы Аркадия Гайдара, Сергея Григорьева. А когда надоедало читать — сочиняли удивительные истории.

Идут по лесу и сочиняют сказки о елках, высоких и стройных, о дубах — великанах, приключениях красной землянички, которая не хотела, чтобы ее съел непослушный мальчик, о дружной семейке боровиков. Да мало ли еще о чем.

Однажды Павел Петрович решил рассказать пятилетнему внуку про гражданскую войну. Начал так:

— Было это давно, очень давно, когда я еще был маленьким...

— А я каким был? — неожиданно перебил Герман. — Большим, да!

Дед согласился:

— Ты тогда был таким, как сейчас твой папа.

С тех пор внук не хотел больше слушать сказки ни о лесе, ни о зайчиках, ни о толстых боровиках. Он требовал сказок о том времени, когда дед был еще маленьким и слабым, а Герману-взрослому, плечистому, сильному, то и дело приходилось опекать малыша, спасать его от страшных буржуев, белогвардейцев и бандитов. Мальчик представлял себе человеческую жизнь, как замкнутый круг, по которому идут люди: вначале маленькие, потом взрослые, затем старенькие, а после смерти — снова маленькие... Когда, бывало, его обижали отец или мать, он их честно предупреждал:

— Погодите, станете маленькими, а я большим, тогда за это вам попадет. Вы тоже, небось, заплачете.

Так говорил Герман, когда был маленьким. Теперь ему уже двенадцать — пошел тринадцатый год. Он перешел в шестой класс, повзрослел, при посторонних никогда не просит, чтобы рассказывали сказки.

Но когда остается вдвоем с дедом, тут стесняться нечего, он с радостью отправляется в сказочный мир, который так и называется у них: «Когда дед был маленьким».

Усталые и довольные после первого морского купания, дед и внук укрылись в дюнах.

— Хорошо, что с нами ни мама, ни бабушка не поехали, — заявил Герман.

— Что же в этом хорошего?

— Ни в жизнь не разрешили бы столько купаться. Знаешь, бабушка всякий раз пугается, когда я Нерис переплываю...

— Порезвились, и хватит, — заметил дед. — Завтра начнем работать. Поедем в Клайпеду.

— Это еще зачем? Здесь же мирowo!

— Встретимся с одним знакомым из сказок «Когда дед был маленьким».

2

У самого причала мелькнула загорелая девичья рука с букетом ярко-красных гвоздик, звонкий голос громко крикнул:

— Здравствуй, Смушкевич!

Многоголосый хор подхватил приветствие. Собравшиеся на причале замахали букетами цветов, косынками, шляпами.

С моря донесся басовитый гудок. Пароход, который еще несколько минут назад казался крохотной точкой на горизонте, рос на глазах. Вот и видны на палубе моряки в белых костюмах.

— Привет Смушкевичу, ура! — рядом с Германом воскликнул старый моряк в белом кителе с блестящими пуговицами.

Моряки тоже что-то кричат, машут фуражками. Интересно, который из них Смушкевич. Наверно, тот высокий, что стоит у флага, а может быть, тот, что на капитанском мостике...

Судно подходит все ближе к причалу. Герман уже видит крупно написанные на борту буквы: «Яков Смушкевич» — читает он вслух. Это же слово написано и на спасательных кругах. Оказывается, «Смушкевич» совсем не человек, а пароход, догадывается мальчик и огорчается. Никакого героя не встречают, а просто так все собрались, чтобы поглазеть на пароход.

По трапу сбегает моряки. Они обнимают женщин, сильными руками поднимают малышей. Старый журналист с внуком стоят в стороне. К ним никто не подходит.

— А где же знакомый из сказок «Когда дед был маленьким»? — спрашивает внук.

— Его имя носит судно: Смушкевич Яков Владимирович. Отважный был человек — коммунист, летчик, — отвечает дедушка. — Я о нем повесть хочу написать. Поможешь?

Герман удивленно посмотрел на дедушку: чего он затевает, нет ли здесь какого подвоха. Может, дед хитрит и хочет просто заставить его писать, заниматься во время каникул.

— Что я должен делать — переписывать, да?

— Еще ошибок наделаешь, — засмеялся Павел Петрович, — успокойся. Пока все, что от тебя требуется — слушать мои рассказы.

— Это другое дело, — обрадовался Герман. — Лишь бы интересно...

— Попробуем.

НА ЗЕМЛЕ КУЗНЕЦА ИГНОТАСА

1

Прошло несколько дней. По утрам Павел Петрович делал какие-то записи, читал привезенные с собой книги об авиации, а когда просыпался внук,

отправлялись завтракать в столовую, а затем на пляж. Ткаченко не вспоминал больше о Смушкевиче. Стал забывать о поездке в Клайпеду и Герман. У него появились другие интересы — увлекли маленькие герои «Черной торпеды». Повести Александра Гудайтиса-Гузявичюса о детях революции.

Закончив читать «Черную торпеду», Герман положил книжку на рубашку и стал наблюдать за стрелой, пронзившей небо — следом пролетевшего над дюнами реактивного самолета. Купаться не хотелось, а читать больше было нечего. Мальчик вспомнил об обещании деда.

— Где же твои рассказы о летчике?

— Думаю, Герман, пока все думаю...

— Расскажи мне о нем. Жил-был на свете... Так ведь все сказки начинаются...

— Почему же все. Можно и так начать: «В некотором царстве, в некотором государстве... Короче говоря, в том, в котором мы с тобой живем».

— Можно и так, — согласился Гера, — вот и в «Черной торпед» пишут о Паланге, где мы сейчас с тобой живем.

Павел Петрович полистал книгу. Вслух прочел попавшуюся на глаза строку: «Крылья пробует молодняк. Учится летать против ветра...»

Взглянув на открытую дедом страницу, внук прочел идущую вслед фразу: «Пока молод, ты только

крыльями махи, на стариков глядя, и не бойся ни ветра, ни бури, ни мрака, — знай, не отставай от косяка...»

— Вот тебе и добрый совет, — сказал Ткаченко. — Запомни, что во главе косяка всегда летят самые сильные, а по краям слабые, молодые птицы. Смушкевич был сильным. Он всегда выбирал место у основания клина, там, где сильнее дует ветер...

— А когда он был молод, — сощурил глаза внук, — летал, небось, тоже в конце стаи. Со слабыми птицами.

— Наверное, — согласился дед, — но для того, чтобы это лучше узнать, отправимся-ка мы с тобой в Рокишкис. Небольшой городок, где родился Яков Владимирович, где у него окрепли крылья...

2

После обеда Ткаченко с внуком пошли в парк. В отдаленной аллее они присели отдохнуть на скамейку, прислоненную к стволу могучего дуба. Пышная крона листьев защищала скамейку от солнца. Порыв ветра с моря взъерошил листья. Они о чем-то быстро-быстро зашептались.

— Разговорились, — засмеялся Гера. — О чем это болтают? Раньше я верил, что ты, дедка, понимаешь разговор деревьев, птиц, собак...

— А теперь не веришь?

— Дурачка нашел. Стану я сказкам верить!

— Без сказки нет мечты.

Ткаченко пожалел внука: быстро взрослея, он все реже и реже удивлялся, восхищался, фантазировал.

— Слу-шай, — таинственно произнес Павел Петрович. — Слу-шай и вникай. Это говорю я, Вековой дуб из Рокишкского леса. Годы и годы прошли, как я не схожу с этого места. Все вижу, все слышу, все запоминаю...

— Хватит предисловий, — перебил Герман, — рассказывай лучше о летчике.

— Яшка Смушкевич — сын рокишкского портного еще был мальчишкой, вроде тебя, когда первый раз увидел рабочих, идущих по улицам Рокишкиса с красным знаменем. Однажды у этого дуба он слышал речи мастеровых, собравшихся на маевку. Было это еще при царе. Жандармы напали на участников маевки. Многих арестовали. Вскоре после маевки один революционер бежал из полицейского участка. Спасаясь от преследований, он укрылся в кустах недалеко от дуба-великана. Яков со своими дружка-ми пришел в лес ягоды собирать... Впрочем... для ягод было рано. Скорей всего фиалки и подснежни-

ки собирали. Нежданно-негаданно натолкнулись на человека, укрывшегося в кустах. Вначале оробели, а потом Яков узнал его:

— Это вы, дяденька, на маевке речь произносили?

— Ты глазастый.

— Ага. Вас по всему Рокишкису жандарм ищет. Говорил, кто увидит, чтобы сразу ему сообщили...

— Беги — скажи. Конфетку даст.

— Да вы что, — обиделся Яков, — на фига мне его конфетка нужна!

— Ты, видно, парень смысленый. Можешь мне помочь?

— Все ребята, как один, помогут! — торжественно, как клятву, произнес Яков.

— Чем меньше обо мне будет знать людей — тем лучше. Где я тебя в Рокишкисе увижу, если понадобится?

— Спросите портного Смушкевича, вам каждый покажет. А я его старший сын.

— Пить не найдется у вас? — спросил беглец.

Семен, меньший брат Якова, протянул бутылку с водой. Незнакомец пил жадно, большими глотками. Семен толкнул в бок Якова, глазами показал на его обнаженную руку. Там был выколот синей тушью якорь и мчащаяся по волнам яхта. Не часто под Рокишкисом встретишь матроса. Откуда ему тут взяться. До Балтики несколько сот километров. А на

озерах какие моряки, только и увидишь, что лодки рыбаков.

— А вы что, матрос, дяденька? — спросил Семен.

Матрос. Точнее, докер. Слышали такое слово?

Ребята отрицательно замотали головами. Такого мудреного слова им слышать еще не доводилось. Звучит красиво — докер! Еще красивее, чем матрос.

— Что же делает докер? — не смог сдержать любопытства Яков.

— Докер — портовый рабочий. Есть такой на севере России порт Архангельск. Может, слышали? Там я работал грузчиком. Загружал в трюмы пароходов карельский лес, зерно и всякий другой груз. Пароходы те уходили в чужедальные края.

— Значит, вы просто грузчиком были, — разочарованно сказал Семен, — а при чем тут докер?

— Голова садовая, по-иностранному докер, а по нашему грузчик. Разница какая — все одно рабочий, а точнее владыка мира. Ну, хватит язык чесать, может, о деле подумаем, Яков.

Молодой Смушкевич отвел в сторону товарищей, о чем-то пошептался с ними, и те мигом исчезли в кустах.

— Они подготовят все необходимое, — объяснил Яков, — а мы пока здесь получше укроемся, как стемнеет — в Рокишкис пойдем, там вас так спрячем, что никакой жандарм не найдет.

— Ты, браток, конспиратор! — похлопал Якова по плечу докер.

Сын портного не знал, что значит конспиратор, но был доволен, что его так назвал настоящий революционер...

Павел Петрович взял плащ, висевший на спинке скамейки, напомнил внуку, что пора обедать.

3

Знакомая скамейка в тихой аллее была занята, пришлось искать другую. Сделать это оказалось не легко — словно сговорившись, курортники после завтрака отправились не на пляж, а в парк. Скамейки заняли пенсионеры и девчонки с парнями. Герман недовольно ворчал:

— Ишь, расселись. И поговорить негде.

Вдруг он увидел, как поднялись люди со скамейки, что стояла под густой ивой, у самого лебединого озера. Стремглав бросился вперед — и вовремя — к скамейке уже спешила девчонка с толстой женщиной.

— Чур, моя! — решительно заявил мальчик.

Павел Петрович укоризненно покачал головой.

— Настоящие мужчины так не поступают, — заметил внуку и, обратившись к женщине, пригласил

ее сесть. На счастье Германа, женщина сказала, что после завтрака полезнее пройтись, чем сидеть, а то, мол, жир завяжется.

— На чем мы вчера остановились? — спросил Ткаченко.

— Яков решил спрятать бежавшего из полиции революционера...

— Это было первое знакомство Смушкевича с большевиками. Где мальчишки прятали докера, узнать мне не удалось. Яков оказался настолько хорошим конспиратором, что не посвятил в тайну даже своего младшего брата Семена.

В ту пору Якову было одиннадцать или двенадцать лет. Летом пятнадцатого года семья Смушкевичей неожиданно для себя покинула родной дом в Рокишкисе и отправилась «куда глаза глядят».

— Ты знаешь, что происходило в 1915 году? — спросил внука Павел Петрович, чтобы втянуть его в разговор.

— В тысяча девятьсот пятнадцатом? — переспросил Герман. — А мы уже проходили это в школе?

— Проходили. Первая империалистическая война началась...

— В 1914 году, — вспомнил мальчик.

— Правильно, молодец. В пятнадцатом немцы вошли в Литву. Напуганный слухами о зверствах кайзеровских войск, портной Владимир Смушкевич

вместе с семейством бежал из Рокишкиса. Думали, что путь их будет короток — лишь до Двинска. Теперь он называется Даугавпилс. Там жили родственники матери Якова. Но в Двинске паника была не меньше, чем в Рокишкисе. Родственники уже уехали. С горем пополам Смушкевичи втиснулись в эшелон, который шел на Север. Так Яков неожиданно-негаданно оказался в местах, о которых говорил ему большевик-докер, а вскоре сам стал грузчиком.

Нелегкое дело в четырнадцать-пятнадцать лет таскать на спине тяжелые мешки с зерном. Но у Смушкевичей были дети мал-мала меньше. Их надо кормить, а отцу одному не заработать на такую ораву. Цены на все продукты в городе, переполненном беженцами, очень велики. И пришлось Якову наравне со взрослыми день-деньской без отдыха переносить тяжести. Выручало хорошее здоровье и крепкие мускулы. Мальчишка был коренастый, сильный.

В тяжелом труде прошло два года; когда Якову Смушкевичу исполнилось шестнадцать лет, он вступил в партию большевиков. Произошло это в сентябре 1918 года в городе Вологде. В тот день Яков от имени грузчиков выступил на траурном митинге у гроба большевика Павлина Виноградова, погибшего в боях против интервентов, напавших на молодую Советскую Россию.

— В шестнадцать лет принимают в коммунисты? — недоверчиво спросил Герман.

— Сейчас нет. А в годы гражданской войны принимали в партию и подростков, если они были сознательны, успели доказать свою верность революции. Ты знаешь, что Аркадий Гайдар совсем мальчишкой был, когда полком командовал.

— Знаю, знаю. Зоя Космодемьянская стала героиней, когда ей было лет семнадцать. Ее, конечно, тоже можно было бы принять в партию. Но чем заслужил такую честь Яков?

— Он тогда был активным рабочим, вступил в красную гвардию, охранял завоевания революции с винтовкой в руках. Вскоре, когда семья Смушкевичей вернулась в родной Рокишкис, Яков сумел доказать, что уроки, полученные у русских рабочих, им хорошо усвоены. Но здесь, пожалуй, самое время предоставить слово человеку, который в те годы лучше всех знал Якова — его матери. Звали ее Басева Бентиевна. Но прежде, чем ты услышишь ее рассказ, представь себе очень старенькую женщину.

— Старее бабушки? — поинтересовался Герман.

— Значительно. Твоя бабушка родилась в том году, когда Смушкевичи уже вернулись из Вологды в Рокишкис.

— Фю-ю-ю, — присвистнул мальчик. — Так это же давным-давно было. А ты что, знал мать Смушкевича?

— Встретился я с ней вскоре после Великой Отечественной войны. Ей было уже, наверное, лет семьдесят пять-восемьдесят. Она была вся седая, на лице — глубокие морщины. Годы согнули плечи... А глаза? Удивительно, но глаза не выцвели, время их пощадило. Остались молодыми, черными. Наверное, сын от матери унаследовал глаза. И еще надо сказать, что память у Басевы Бентиевны хорошо сохранилась. Правда, говорила она медленно, словно подбирала слова, но помнила многое. И, конечно, запомнила все, что предшествовало расставанию на долгие годы со старшим сыном. Вот, примерно, то, что мне пришлось услышать от Басевы Бентиевны...

— Вернулись мы в Рокишкис, сели в насиженное гнездо, а радости, я вам скажу, никакой. Какая может быть радость, когда в городе хозяйничают германцы и местные буржуйчики? В Вологде мы уже успели узнать, что такое революция. А тут хуже прежнего зверствуют богатеи, боятся, чтобы с их властью не покончили, как это сделали в России. Только и слышишь — того убили, этого в тюрьму посадили. А Яшенька никогда дома не сидит. Вечно где-то бегаёт. Уйдёт он из дому, а сердце материн-

ское болит. Не стряслось бы чего с сыном. Не дай бог, попадет под шальную пулю. Я-то знала его характер. Гордый, смелый. Ни перед кем голову не склонит, никому обиды не простит. Долго ли с таким характером до беды.

Я ему иной раз выговаривать стану, учу, что в такое время, когда жизнь людская ни гроша не стоит, надо держать себя тише воды, ниже травы. А он тряхнет черными кудрями, посмотрит на меня строго:

— Если всех и всего бояться, то и на свете незачем жить. Толк какой. Мы же люди, а не зайцы. Мы за свою жизнь воевать должны, а не прятаться по кустам. Человек все умеет. Он все создал — города и пароходы. Он сильнее всех. Только надо быть человеком. Ничего не бояться. Всегда поступать, как подобает человеку.

Вы можете не поверить. Скажете — мальчишка, откуда он таких слов набрался. Я и сама удивлялась. Но чувствовала, поумнел мой парень после того, как в Вологде побывал.

— Теперь я знаю, где моя дорога проходит. На нее мне и выходить надо, — убежденно заявлял сын.

— Объясни, какая же это твоя дорога такая особенная? — спросил отец.

— Чего тут объяснять, — отвечает, — дорога из-

вестная. Ленин ее указал всем, кто к счастью стремится, всем, кто сам работает, а не на других ездит.

Отец даже осерчал:

— Смотрите, какой у меня умный сын. Ему Ленин сказал, какая дорога к счастью ведет. А не сказал он тебе, какая дорога в тюрьму ведет прямо-хонько, без пересадки? Хорошо в тюрьму, а то, может, и на виселицу. Поумнее тебя люди искали дорогу к счастью, только ничего хорошего из этого у них не вышло. Какое же теперь можно найти счастье? Война, кругом война. Все разорено.

А вскоре произошло такое, что и сейчас мне вспоминать страшно. Было это зимой. В Рокишкис съехались крестьяне из окрестных сел на рождественский базар. Хотя в городе и оккупанты, а базар есть базар — шум, гам, веселье. Яков утром вышел из дому, сказал, посмотрю, что народ покупает и продает. Только я думаю, что его не базар интересовал, а хотел встретиться с кем-то из нужных ему людей. В свои тайны он нас с отцом не посвящал. Обедать Яшенька не пришел. Сердце у меня замирало от предчувствия беды. И беда-таки произошла.

Вечером прибежала к нам незнакомая девушка и спрашивает, нет ли дома Яши?

— Нет, — отвечаю, — не приходил.

— Вы не знаете, что с ним произошло?

— Интересно, откуда я могу знать. Ведь я только мать.

— Моя подружка Марите шла с базара домой, — рассказывает девушка, — а ей навстречу два пьяных немецких солдата. Стали нахальничать, приставать. Один схватил ее за косу, а другой ударил по лицу; увидел это Яша и, недолго думая, огрел немца камнем по голове. Тот свалился на мостовую. Второй хоть и пьяный был, но сразу протрезвел и бросился наутек...

— Ой, горе мне, — закричала я, — что же с моим мальчиком, где он?

— Не знаю. Пришла к вам, подружка просила узнать. Поблагодарить его хотела.

— Нужна нам ее благодарность. Ведь этого немцы так не оставят. Они же его в тюрьму засадят.

Вскоре пришли полицаи, все в доме перерыли. Допытывались, где прячется Яшенька. На сердце немного полегчало. Значит, не схватили его, сумел убежать. В Рокишкисе он найдет у кого спрятаться. Много у него товарищей и верных друзей.

Долго мы никаких вестей не имели от сына. Потом пришел знакомый извозчик, сказал, что Яша у него скрывается, забрал его вещи. В ту ночь мы наскоро попрощались с сыном, и он отправился в долгий путь. На прощание сказал:

— Обо мне не горюйте. Я со своей дороги не сверну. Если и погибну, то в бою за народное счастье.

Много, очень много прошло лет, прежде чем мы снова нашего Яшеньку увидели.

В ПОРОХОВОМ ДЫМУ

1

Погода, как часто случается летом в Паланге, испортилась. Вчера еще небо было голубым и очень высоким, ярко светило солнце. Сегодня с утра не прекращается мелкий, назойливый, неприятный дождь. Даже завтракать и обедать в столовую не пошли. Павел Петрович, взяв у соседей зонтик, отправился в магазин, принес колбасы, свежую булку, сметаны, молока. Пока дед ходил в магазин, Герман сидел на подоконнике и смотрел на опустевшую улицу, черные облака, капли дождя, сползавшие по стеклам.

Дед принес книжку о подвигах литовских партизан. Полистав книгу, рассмотрев картинки, внук попросил:

— Потом почитаем. А сейчас продолжим, дедка, рассказ про Смушкевича.

— Время действия — гражданская война. Место действия — Белоруссия и Литва. Грохочут орудия, трещат пулеметы, свистят пули, сверкают на солнце клинки.

Летом тысяча девятьсот двадцатого года конармейцы Гая вступили в бой с белополяками, захватившими Вильнюс. Лихо дрались тогда наши конники. Об их удали, храбрости народ слагал песни. Ты слышал что-нибудь о конном корпусе, которым командовал Гай?

Герман отрицательно замотал головой.

— О нем я тебе как-нибудь расскажу другим разом. Сын армянского народа Гай Дмитриевич Гай, настоящая его фамилия была Бежишкянц, командовал легендарной Железной дивизией, которая освобождала родину Ленина город Симбирск. Он же командовал и конным корпусом, который изгнал из Вильнюса и других литовских городов белополяков.

На землях Белоруссии и Литвы героически сражались за Советскую власть и другие, теперь уже легендарные полководцы Красной Армии. Одной из бригад командовал Ян Фабрициус, а во главе Реввоенсовета Минского укрепленного района стоял Иероним Уборевич.

— Знаю его, знаю, — обрадовался Герман. — Об Уборевиче мы в школе говорили. Он сам из Литвы. К нам на пионерский сбор приходил старый генерал, который служил вместе с Уборевичем. Знаешь, кем был потом Уборевич?

— Командующим Белорусским военным округом, — теперь уже пришла очередь отвечать Павлу Петровичу.

— Одним из руководителей всей Красной Армии, — так говорил нам генерал. — Уборевич учил в академии наших командиров. Он написал книгу, которую и сейчас должны изучать все солдаты и офицеры...

— Устав, — подсказал внуку Ткаченко.

— Его именем в Вильнюсе даже улицу называли...

— А о Яне Фабрициусе разве ты ничего не слышал?

— Может, и слышал, — засомневался Герка, — ты мне подскажи...

— Коммунист из Латвии. Легендарный комбриг.

— Высокий. Огромный... С бородой и большими усами. Когда мы были в Риге, ты еще книжку о нем купил. Погиб Фабрициус в авиационной катастрофе. Женщину и ребенка спас, а сам погиб. Да? Ты тогда еще рассказывал...

— Примерно. Но вернемся к нашему герою. Яков Владимирович пошел из Рокишкиса навстречу час-

тям Красной Армии. Вскоре он оказался в 144 стрелковом полку, который входил в бригаду Яна Фабрициуса. Под городом Сморгонью, что недалеко от Вильнюса, полк вступил в бой с польскими legionерами. Мужественно сражались красноармейцы. Полк за этот бой наградили почетным революционным Красным знаменем. Отличился в бою и молодой коммунист Яков Смушкевич. Он заменил раненого в бою комиссара полка. Ты знаешь, какое место среди бойцов занимает комиссар? Он является совестью солдат, должен быть среди них самым справедливым, самым скромным и самым смелым. К нему идут солдаты со всеми своими бедами. Комиссар обязан хорошо знать обстановку, сложившуюся на фронте, уметь объяснить бойцам, что происходит в стране, в мире, рассказать, что собой представляет противник, почему его надо уничтожить. Для этого, как сам понимаешь, нужно быть человеком грамотным. А у нашего знакомого какое было образование? Ровным счетом никакого. Ты вот в пятом классе учился, в шестой перешел. А он только четыре года в школу ходил. Больше не смог. Не до этого семье было.

Но Яков Смушкевич от природы был понятливым, много читал. Вырвется свободная минута между походами, боями, сразу садится за газету, за книгу. Он глубоко верил в правоту дела, за которое воевал.

Вот эту свою веру в правду большевиков он сумел передать и товарищам по полку.

Многие бойцы ему в отцы годились. А к его слову прислушивались. Знали, у комиссара слово и дело никогда не расходятся.

2

В дверь постучали. Соседка по дому отдыха принесла толстый пакет.

— Была в канцелярии, — объяснила она, — увидела, что вам письмо такое солидное пришло, и решила занести. Может, что важное.

— Спасибо, — поблагодарил Ткаченко, — на следующий раз я вам два письма взамен принесу.

— А мне никто не пишет.

— Сам напишу.

— Буду рада, — засмеялась женщина.

Когда соседка ушла, распечатали пакет. В нем оказались письма от матери и бабушки Германа, а еще нераспечатанный конверт, на котором стоял штамп Киевской почты. Пока Гера читал наставления бабушки, как себя вести, чтобы не простудиться, не ходить купаться в море без дедушки; наказы матери — повторять пройденный в пятом классе

материал по английскому и литовскому языкам, Павел Петрович прочел письмо из Киева.

— Внесем поправки в наш рассказ, — сказал он внуку. — Получил я письмо от генерала. В юношеские годы он жил в Вильнюсе. Один из первых комсомольцев нашего города. Воевал на многих фронтах и в гражданскую, и в Великую Отечественную войну. Сейчас увлекся историей. Много собрал материалов о гражданской войне в Литве. Я ему писал, просил уточнить, не он ли сидел вместе со Смушкевичем в Лукишкской тюрьме. Оказывается, не он, а его брат Яков, тоже вильнюсский комсомолец.

— А разве Смушкевич сидел в тюрьме в Вильнюсе? — спросил Герман.

— В той самой Лукишкской тюрьме. Я ее тебе показывал после того, как мы смотрели фильм «Красные листья».

— Еще как помню. После того как Метельский стрелял в Вильнюсском суде в провокатора, который выдал коммунистов, его посадили в Лукишкскую тюрьму.

— Правильно. В фильме Сергей Метельский, а на самом деле это был Сергей Осипович Притыцкий. Герой Вильнюсского коммунистического подполья в годы господства панской Польши в нашем городе. В последнее время он был председателем Президиума Верховного Совета Белоруссии.

— Он вместе со Смушкевичем в Лукишкской тюрьме сидел?

— Нет. Они не были знакомы и сидели в разное время. Яков Владимирович попал в тюрьму во время гражданской войны. Произошло это еще до того, как он воевал в бригаде Яна Фабрициуса. Служил Яков вначале в Минском коммунистическом батальоне Красной Армии. Батальон вел тяжелый бой под Барановичами. Яков был контужен и в бессознательном состоянии взят в плен польскими легионерами. Так он оказался потом в Лукишках.

Я и раньше слышал о побеге Якова Владимировича из Лукишкской тюрьмы, а вот сейчас генерал из Киева подтверждает этот факт. Заключенных красноармейцев тюремщики заставляли работать. Они и дома ремонтировали, и завалы разбирали, мебель делали. Якова определили в тюремную прачечную. Весь день пар, грязь, вонища. Весь мокрый. Поздно вечером конвойные приходили за арестованными и издевательски приглашали:

— Бабоньки, кончай свои постирушки. Марш в камеры...

У прачечной, как и у других помещений тюрьмы, стояла охрана. Сбежать отсюда казалось невыносимым. Но Яков не мог смириться с неволей. Как птицу из клетки тянет в небо, так и его тянуло на фронт. Смушкевич давно готовился бежать из тюрь-

мы, а тут и случай удобный подвернулся. Он заметил, что охрана, забирая в камеры «прачек»-заключенных, не пересчитывает их.

Улучив удобный момент вечером, перед приходом охранников, Яков Владимирович спрятался за огромными корзинами, в которые складывали чистое белье. Рано утром за бельем приезжала на подводе полная полька. Она любила посмеяться с охранниками, балагурила и с заключенными. Случалось, то одного, то другого угостит куском хлеба или пригоршней семечек.

— Пани Зося, — однажды спросил ее Яков, — расскажите, что на воле делается. Может, газетку принесете.

— Ишь, какой грамотный. Да такому красавчику, как ты, не газеты надо читать, а с девушками танцевать. Пойдем вечерком танцевать...

— Рада душа в рай, да грехи не пускают, — отшутился Яков. — Такого красавца, как я, — показал на свою мокрую рваную одежду Смушкевич, — и на порог танцевального зала не пустят.

— Это дело поправимое. Какая паненка своего кавалера не обмундирует.

На следующий день пани Зося принесла Якову свежую газетку, правда, для маскировки завернула в нее кусок хлеба и пачку махорки. Постепенно они подружились. Женщина и подсказала Якову, как

лучше выбраться на волю. Следуя ее совету, Смушкевич спрятался на ночь за корзинами с чистым бельем.

Утром Зося пришла в прачечную раньше обычного.

— Решился, красавчик, — увидев Якова, обрадовалась Зося. — Залезай быстро в корзину.

Корзина не так и велика, а Яков был парень здоровый, пришлось ему согнуться в три погибели, колени прижал к подбородку, руки вытянул по бокам. Зося бросает сверху чистые рубахи, кальсоны, полотенца, а сама смеется:

— Смотри не задохнись, красавчик, а то вместо жениха привезу домой покойника.

— Нашла время свататься. Как корзину на телегу погрузишь? Не поднимешь же меня...

— Не твоя забота.

Позвала Зося солдата, охранявшего прачечную:

— Кавалер, пособи корзинки на подводу поставить, а я тебя махорочкой угощу.

Вскоре Смушкевич, освобожденный из тюрьмы ловкой прачкой, оказался на фронте. На этот раз ему пришлось воевать против кулацких банд, которых много появилось на разоренной войной земле в белорусских и литовских лесах.

— Есть в Белоруссии небольшой городок Пуховичи. В эти самые Пуховичи привела Якова Владимировича фронтовая дорога. Воспользовавшись малочисленностью гарнизона, стоявшего в городке, банда бывшего царского ротмистра Булак-Булаховича захватила его. И, как водится у бандитов, только вступили в Пуховичи, сразу начали грабить население. Ворвутся в дом, все перероют — перины порют, подушки режут, стены ломают, — все золото, драгоценности ищут. А чуть кто недовольствие выскажет — сразу кулаком в лицо, нагайкой по спине огреют. Если же кого заподозрят, что он коммунистам сочувствовал, тех ставят к стенке и расстреливают. В особенности издевались бандиты над евреями. Целыми семьями убивали.

Узнало командование Красной Армии о зверствах, которые чинят в Пуховичах бандиты, и приказало полку, в котором служил и Смушкевич, вызволить из беды население белорусского городка. Кстати, полк входил в подчинение Реввоенсовета Минского района, которым, как я тебе уже говорил, командовал Иероним Уборевич. Так фронтовая судьба свела еще юного Смушкевича с двумя выдающимися советскими полководцами — Фабрициусом и Уборевичем.

Ночью полк подошел к Пуховичам. Тихо сняли часовых, выставленных бандитами, и с криком «ура!» бросились на улицы. Бандиты выскакивают из домов, кто как спал -- в нижнем белье, босиком, на ходу отстреливаются. Казалось, победа совсем близка. Вдруг с чердака двухэтажного дома застро-чил пулемет.

Взвод, с которым шел и комиссар полка Яков Смушкевич, разбежался. Кто к стенке дома жметя, кто за забор спрятался, а некоторые побежали даже на другую улицу.

— Куда же вы, товарищи, стойте! — кричит Смушкевич.

Кто не слышит комиссара, а кто вид делает, что не слышит. Не охота из убежища выходить, под пулю себя подставлять.

Комиссар выхватил из-за пояса гранату и побежал через улицу, прямо к дому, в котором пулеметчики засели. На войне часто так бывает — смелого пуля минует, а труса и в укрытии найдет.

Миновала пуля и Якова Владимировича. Добежал он до парадного, остановился дух перевести. Слышит сзади шаги. Несколько человек бегут. Оглянувшись — бойцы из взвода, с которым в бой шел. Увидели, что Смушкевич один в атаку бросился, стыдно стало, выскочили из своих укрытий и за ним побежали.

Что же делать дальше, как в дом проникнуть? Потрогали парадную дверь — заперта. Забор вокруг двора высокий. Пока переберешься, засевшие в доме бандиты обстреляют. Пулеметчики же держат под своим наблюдением две улицы — все наступление срывают.

И вдруг свершилось чудо — распахнулись ворота. Высокая, стройная девушка рукой машет:

— Сюда, товарищи, сюда быстрее!

Бросился комиссар в ворота, за ним красноармейцы, впереди девушка бежит; привела их прямо к лестнице, ведущей на чердак. Первым на чердак Яков поднялся, граната над головой.

— Отвоевались, гады. Сдавайтесь!

Двух бандитов в плен взяли. Пулемет целехонький в часть приволокли.

Командир полка поздравил, поблагодарил за храбрость, проявленную в бою, Смушкевича и его товарищей.

— Тут больше, чем мы, — ответил комиссар, — благодарность заслужила одна дивчина. В самый опасный момент она появилась, как добрая фея, ворота открыла, путь на чердак показала. А мы не знаем ни ее имени, ни фамилии. Даже в лицо не успели разглядеть. Одни говорят, что блондинка, другие, что брюнетка. Разве ночью разглядишь.

Командир смеется:

— Девушку, Яша, придется найти: хоть блондинку, хоть брюнетку. К вечеру доложить об исполнении.

4

Нелегкую задачу задал командир Смушкевичу. Попробуй найди в Пуховичах таинственную незнакомку.

Утро следующего дня выдалось солнечным. Люди, узнав, что красноармейцы выгнали из города бандитов, вышли на улицы. Оказалось, что в Пуховичах живет много высоких, стройных, красивых девушек. На одну посмотрит Яков — похожа на ночную незнакомку, на другую взглянет — еще больше похожа.

На городской площади знакомый командир взвода на баяне играет, бойцы с девушками танцуют. Комиссар стоит в сторонке, к девушкам приглядывается. Все ночную незнакомку ищет. А надо тебе сказать, что хотя Яков и был смелым парнем, и верховодил среди сверстников в Рокишкисе, но в обществе девушек чувствовал себя неловко, стеснялся. Жизнь его так сложилась, что все больше среди мужчин ему приходилось бывать. С парнем он бы запросто познакомился, сразу нашел общий язык,

а к девушкам подойти стеснялся. Смотрит, другие бойцы приглашают девушек танцевать, а он робеет.

Уже уходить собрался, как к нему подошла девушка и так бойко спрашивает:

— Что это вы в тени стоите, товарищ. Боитесь загореть на солнышке или опасаетесь, что вам ноги танцоры оттопчут? Не опасайтесь. У нас в Пуховичах солнце ласковое, не горячее, не обожгет. А девчата ловкие, танцевать горазды.

Сердце Якова Владимировича замерло — она, определенно она. Такая же, как и ночная незнакомка — высокая, стройная, русая коса через плечо переброшена. Спросил, не она ли в ночном бою им помогла. Девушка с достоинством ответила:

— Нет. Я девушка вполне обыкновенная. Хотите танцевать, могу пригласить. Кстати, как вас зовут, герой?

— Смушкевич... Яков Владимирович.

— А меня можете просто Басей называть.

Танцевать не стали. Бася вызвалась показать новому знакомому город. Незаметно оказались на окраине, в сквере. Вдруг издали послышался рокот мотора. Минуту спустя, низко, прямо над верхушками деревьев, пролетел аэроплан.

— Как я завидую летчикам, — сказала девушка. — Им, пожалуй, смелости нужно больше, чем вашей ночной героине.

— Не скажите, — ответил Яков. — На земле случается проявлять не меньше мужества, чем в воздухе.

— Вы когда-нибудь летали?

— Не приходилось.

— Значит, и судить не можете о мужестве летчиков. Хотя бы один раз в небо поднимитесь, потом поговорим. Обещаю, что слушать вас буду очень внимательно. Если бы я была мужчиной — обязательно стала летчиком.

Смушкевич засмеялся:

— Чтобы понравиться такой девушке, как вы, я готов хоть сейчас полететь.

— Сейчас не сейчас, но когда-нибудь прилетайте ко мне в Пуховичи. Я вас встречу с цветами.

ТАК ВЫРАСТАЮТ КРЫЛЬЯ

1

От вчерашнего дождя не осталось и следа. Песок быстро впитал в себя влагу, а солнце и ветер с моря просушили пляж. Павел Петрович с внуком загорают в дюнах.

Над пляжем, прочертив по небу огромную белую полосу, пролетел самолет.

— Смотри, дедка, смотри, как тогда над Пуховичами.

— Сравнил! — дед отложил в сторону газету, снял очки. — Над Пуховичами тогда пролетел аэроплан, который теперь, пожалуй, лишь на картинке в учебнике по истории авиации можно увидеть. В ту пору красный воздушный флот только создавался. Самолеты были такие, что сейчас посмотришь и удивишься, как люди могли на них летать. Фанера, полотно, планки. Все это было скреплено на честном слове. Аэропланам давали громкие имена, вроде имени былинного героя Ильи Муромца, а сами летчики их называли более точно — «Летающими гробами», «Примус-драконами».

— Примус — это такая медная штука, на которой раньше обед готовили? — спросил Герман.

— Вот и выросло поколение, которое никогда не видело примуса! — то ли удивился, то ли обрадовался Ткаченко.

— Хотя и очень примитивными в ту пору были аэропланы, но казались они тогда верхом технического совершенства. Человек не только обрел крылья, оторвался от земли, но мог с воздуха вести разведку, стрелять. Управлять самолетом могли лишь люди, знающие технику, образованные. Среди

рабочих и крестьян, которые составляли основную массу Красной Армии, людей образованных было мало — раз-два, и все. В красные эскадрильи пришли бывшие царские офицеры. Знания и опыт они имели, но не все с открытым сердцем относились к Советской власти, к новым порядкам.

В такую, далеко не совершенную авиацию, и был в 1922 году направлен служить Яков Владимирович Смушкевич...

— Значит, послушался Басю? В летчики записался, — Герман прервал рассказ деда.

— Нет. Девушка здесь ни при чем. Партия решила тогда послать в авиацию коммунистов. Узнал об этом Яков Владимирович, пришел в партийную организацию полка и попросил: «Пошлите меня в авиацию».

Просьбу Смушкевича удовлетворили, но на прощание сказали: «Сам напросился. Теперь держись. Не посрами имени коммуниста». Назначили его ответственным организатором партийной работы четвертой отдельной истребительной авиационной эскадрильи. Официально их называли Оторгами, а неофициально, по привычке, комиссарами.

Ну, а теперь давай немножко пофантазируем. Летчики во всей армии выделялись — так сказать, небесные создания. У них были кожаные куртки, шлемы. На ногах они носили не сапоги, как кавал-

леристы, а ботинки и краги. В общем отличались от других. Этакие армейские аристократы. И вот появляется среди них пехотинец. Гимнастерка застиранная, вылинявшая. На ногах тяжелые ботинки, а брюки снизу прихвачены обмотками.

Летчики, штурманы, даже мотористы восприняли назначение к ним в эскадрилью комиссаром коммуниста из пехоты как личное оскорбление. К тому же, они узнали, что у комиссара и образования нет. В общем приняли они Якова Владимировича недружелюбно. Если в полку он был любимцем солдат, то здесь каждый, кому не лень, считал нужным по его адресу всякие шуточки отпускать. Начнет комиссар политическую беседу проводить, а слушатели ему всякие каверзные вопросы задают, чтобы проявилось его невежество.

Один спросит:

— Как относится к большевикам Виктор Гюго?

Другой, давась от смеха, интересуется:

— Кто автор «Евгения Онегина»?

Третьего занимает вопрос, в какой части света расположен город Уругвай.

Выйдет на аэродром — тут уж совсем нет покоя от доморощенных остряков:

— Комиссар, давай крутни лонжерон...

— Эй, пехота, покажи, где у аэроплана стабилизатор?..

А то подойдет летчик и начнет всерьез жаловаться:

— Товарищ комиссар, примите меры, аэродром содержат в неисправности. Сегодня, когда садился, меридиан под колеса аэроплана попал...

— Отбивался от докучливых шутников Яков Владимирович, как мог, но не обижался. Знал, плохо, когда комиссар не смыслит в деле, которым живут подчиненные ему люди... Рассказ продолжим после обеда. А сейчас пошли в столовую. И условие — все съесть: суп, котлеты, пюре... Мороженое можешь и не есть.

— Иш, какой хитрый.

2

— Комиссар, готовься в полет! — сказал командир эскадрильи Смушкевичу.

Якову Владимировичу стало страшно. Страх, конечно, он известен каждому человеку. Каждый человек может бояться чего-то, опасаться за свою жизнь, за судьбу близких людей, за успех дела. И Смушкевичу было страшно отправляться в первый в жизни полет. Он знал, что летчики называют свои несовершенные машины «гробами», что многие, отправившиеся на них в полет, обратно не возвраща-

ются. Но комиссар научился подавлять страх, не показывать на людях свои чувства. Поэтому и ответил он командиру эскадрильи, бывшему офицеру царской армии, совершенно спокойно:

— Есть готовиться в полет!

— Листовки вам придется бросать из аэроплана, справитесь?

Ответил так, как говорили его сверстники в Рокишкисе:

— А почему бы и нет?

Ответ рассмешил командира эскадрильи. Сквозь смех предупредил:

— Если вывалитесь из кабины, то хватайтесь за облака. Впрочем, листовки — это по политической линии, ваша забота. Полетим в Пуховичи. Там сегодня собирается митинг, посвященный Добролету.

Комиссар обрадовался. В Пуховичах он встретит знакомую девушку. Вот Бася удивится, когда увидит его в кабине аэроплана. Он напомнит девушке, что обещала встретить его с цветами.

Пока готовили машину к полету, Яков Владимирович достал из пачки листовку, прочитал:

«Товарищи! Вступайте в Общество друзей Воздушного флота. Советский народ, строй Воздушный флот!»

Летчик решил прокатить комиссара «с ветерком, по полной программе». То он резко бросает машину

вверх, то крутит «мертвую петлю», то еще черт знает что выделывает. Под ложечкой начинает подсасывать, рот полон слюны. Еще в самом деле оскандалишься.

— Как я, — перебил Герка. — Помнишь, дед, когда мы в Киев с тобой летели.

— С тебя какой спрос, — продолжил Павел Петрович. — Мальчик, а он комиссар эскадрильи. Знаешь, как летчики стали бы над ним подтрунивать! Правда, с ними приключилась беда еще хуже. Слушай, что дальше произошло.

Видит Яков Владимирович, летчик руками размахивает, за борт показывает. Вроде что-то кричит, только слов не слышно. Посмотрел вниз. Под крылом проплывают квадратики кварталов какого-то местечка, знамена, толпы людей. Неужели Пуховичи? Командир трясет головой. Ага, догадался комиссар, надо бросать листовки.

Кружатся в воздухе белые листовки, медленно спускаются на город.

Аэроплан неожиданно резко швырнуло вниз. Быстро приближается земля, несутся навстречу деревья. Пилот лихорадочно дергает какие-то рычаги, на лбу у него испарина. Яков Владимирович спокоен. Наверное, так и надо. Еще один фокус. Грохот, треск. Аэроплан падает. И уже на земле переворачивается.

Комиссар хромает, что-то больно ударило по ноге. У командира со лба стекает кровь. Он смущенно оправдывается:

— Разве это аэроплан? Старая галоша.

3

Не прошло и часа, как все жители Пуховичей — от мала до велика — сбежались к месту аварии. Ни на какой митинг не удалось бы собрать столько народа даже самым умелым организаторам.

В руках многих собравшихся Смушкевич видит листовки, которые сбрасывал с самолета. Ничего, что неудачно приземлились, решает комиссар, митинг надо провести. Да и народа много собралось. Он взбирается на бугорок, поднимает руку, требуя тишины.

— Товарищи! — звучит над толпой его звонкий голос. — Товарищи! Митинг, посвященный Воздухофлоту, считаю открытым.

Командир недоуменно разводит руками — обалдел, мол, комиссар, нашел время митинг проводить. Долбанулись, стыд какой, а он митинг собирает!

Смушкевич говорит о том, что Страна Советов должна иметь свой первоклассный воздушный флот. Буржуи всех стран хотят использовать выдающееся

изобретение человечества — воздушные корабли, летательные аппараты, чтобы нести смерть и разрушения мирным народам. Они будут строить большие машины, чтобы сбрасывать на наши города бомбы, но мы не позволим. Все ценности на земле создают рабочие и крестьяне, люди труда. Создадим мы и могучие аэропланы. Они будут надежны, быстры, поднимутся высоко в небе. Нет сомнения, что наш Красный Воздушный флот станет самым сильным в мире.

— Оно и видно, — смеется рыжебородый мужчина. — Вон как первоклассно шлепнулись.

Яков Владимирович, кажется, только и ждал этой реплики. У него готов ответ:

— Да, вы очень наблюдательны, товарищ. Мы действительно шлепнулись. А почему произошла авария? Вы знаете? Нет! Разве плохой летчик управлял машиной? Я вам скажу, что наш командир эскадрильи один из лучших красных пилотов. Сколько раз он участвовал в воздушных боях, и всегда выходил победителем. Сегодня он победил саму смерть. Я стоя перед вами и говорю, я жив. И этим обязан своему командиру. Командир, когда мы шлепнулись, сказал, что наш аэроплан «старая галоша». Я вам скажу больше — это «летающий гроб». Только очень хорошие летчики могут заставить его подняться в воздух.

И такие пилоты у нас уже есть. Возьмите нашу истребительную эскадрилью. Большинство летчиков встречались с асами Германии и стран Антанты. И что? Били их в хвост и гриву. Дело они свое знают. Я вам скажу больше того — только в нашей эскадрилье три товарища награждены орденами Красного Знамени, как герои боев за Советскую власть. Люди у нас есть. Пока у нас других машин нет, мы будем летать на этих.

Слава нашим пилотам, которые храбро берут в руки штурвал. Слава и нашему командиру, который не потерял присутствия духа, когда отказал мотор, сумел сделать все, что от него зависело, сохранил жизнь мне и себе. А машина совсем немного повреждена. Приедут техники и починят. Снова на ней мы станем летать.

Раздались аплодисменты. Жители Пуховичей приветствовали отважного летчика. Переждав, пока стихнут аплодисменты, комиссар призвал сознательных трудящихся города вступать в члены общества друзей Красного Воздушного флота.

Когда Яков Владимирович закончил речь, командир эскадрильи крепко пожал ему руку:

— Молодец, не ожидал, ловко это у тебя получилось.

Смушкевич не успел ему ответить. Сквозь толпу к самолету проталкивалась знакомая девушка; протягивая букет полевых цветов, она сказала:

— Яша, я вас сразу узнала. Вы все-таки прилетели.

4

Потерпевших аварию на аэродроме встретили без аплодисментов. Один из летчиков, увидев Смушкевича, задал иронический вопрос:

— Налетался, комиссар? Теперь, небось, смоешься в свою пехоту.

Яков Владимирович не успел ответить. Командир эскадрильи грозно прервал остряков:

— Прекратить разговорчики! Комиссар достойно принял воздушное крещение. Никуда я его не отпущу.

— Я и не собираюсь никуда уходить, — заметил Смушкевич. — На земле, конечно, увереннее себя чувствуешь. Но и летать можно и нужно без фокусов. Нам дали в руки боевые машины. Мы должны их беречь. В авиацию меня послала партия. Значит, я должен научиться управлять аэропланом. Я буду летать!

КРЫЛАТЫЙ КОМИССАР

1

Внук исчез. Утром пошел завтракать в кафе. Павел Петрович чувствовал себя плохо, и есть не хотелось. Из кафе должен был зайти за дедушкой, чтобы вместе отправиться в Музей янтаря. Давно они собирались посмотреть уникальные экспонаты этого единственного в своем роде музея. Герман беспокоился, что так и отпуск кончится, уедут из Паланги, а в музей не соберутся. А там, мол, такие есть куски янтаря, что «закачаешься». И вот в назначенное время он не пришел.

Ткаченко не на шутку встревожился. Пошел в кафе, но внука там и след простыл. Прошелся по пляжу, по мосту, уходящему в море, дошел до заветной скамейки в парке, потоптался у входа в музей — Германа нигде не было. В пору хоть в милицию обращаться. Появился внук лишь к обеду.

— Знаешь, как Ленин называл Фабрициуса? — с порога спросил Герман, даже не пытаясь объяснить деду причину своего долгого отсутствия.

— Как? — не вдумываясь в вопрос, механически спросил журналист.

— Железный Мартын! — торжественно заявил мальчик. — И еще ты мне не сказал, что он первым

в Красной Армии был удостоен четырех орденов Красного Знамени. Был первым почетным краснознаменцем. Только я не понял, почему Фабрициуса называли Железным Мартыном, если его звали Яном Фрицевичем?

— Ты что, с родственниками Фабрициуса встречался? — удивился дед. — По-моему, это Свердлов первым назвал отважного комбрига Железным Мартыном. Думаю, за стойкость, за мужество... Мартыном, наверное, его звали еще в большевистском подполье.

— Я в библиотеке увидел журнал, а там статья о Яне Фабрициусе. Вот я и читал, — Герман протянул деду мятую ученическую тетрадь. — Тут я кое-что списал, может быть, тебе нужно будет.

— О да, ты у меня настоящий помощник, — похвалил дед. — Только все равно надо предупреждать, когда куда-нибудь уходишь.

— Библиотекарша обещала еще найти для меня статью об Уборевиче. В какой-то книге или журнале. Ты же говорил, что они оба были начальниками Смушкевича. Вот и интересно прочитать...

Павел Петрович в душе порадовался, что рассказ о летчике Смушкевиче увлек внука, заставил подумать и о тех, кто оказывал влияние на героя. Пока внук во дворе гонял мяч со сверстниками, Ткаченко несколько раз перечитал то, что записал в учениче-

скую тетрадку мальчик. Он, видно, очень торопился, одни слова не дописал, в других пропустил буквы. Особенно старательно выписал фразы, которые меньше других понял, но понравившиеся ему спецификой языка военнослужащих.

«Разведчики, приданные стрелковым подразделениям, провели бойцов по проходам в проволочных препятствиях в рощу. Рота противника, занимавшая окопы возле опушки леса, бежала. Части 144-го полка прижали белополяков к реке Оксна. В это время батальон, который вел лично Фабрициус, из леса ударил во фланг и тыл противника».

Затем следовала выписка о подвиге командира бригадной конной разведки серба Георгия Вухмировича. Он со своими разведчиками взял 64 пленных во главе с командиром батальона. А вот эта выписка особенно привлекла внимание журналиста:

«Неприступная Сморгонь пала! В этом ночном бою бригада Фабрициуса потеряла всего 9 человек убитыми. Противник же оставил в траншеях сотни убитых и раненых. Около 200 белополяков сдались в плен. Бойцы бригады захватили 10 пулеметов американских и французских систем».

Красным карандашом Павел Петрович подчеркнул слова: «Американских и французских систем». Интересно, что это за статья. Откуда взял автор сведения. Достаточно ли они достоверны? Возможно,

эти материалы помогут, когда он начнет писать главу об участии Смушкевича в гражданской войне.

— Молодец! — вслух произнес Ткаченко похвалу внуку. И подумал, что надо будет ему напомнить, чтобы прочитал статью об Иерониме Уборевиче. Не забыть сказать Герману, что по предложению Смушкевича истребительная эскадрилья, в которой служил Яков Владимирович, была названа именем Фабрициуса.

2

Весь день Герман играл с ребятами — вначале в футбол, когда стемнело — в прятки, а идти спать не хотелось.

— Юозас, домой! — позвала мать одного из приятелей.

Потом позвали Марите, Наташу, Вовку. Наконец на пороге появился и Павел Петрович Ткаченко.

— А тебе что, особое приглашение нужно? — спросил он внука.

— Смотри, дедка, какие высокие звезды... Дедка, а ты сегодня еще о Смушкевиче не рассказывал. Сейчас ляжем, и ты...

— Ты сегодня сделал выписки из статьи о Фабрициусе, — начал рассказ Павел Петрович, когда

внук лег в постель. — Это очень хорошо. Я тоже выписываю в тетрадку все, что касается Якова Владимировича Смушкевича или людей, которые с ним служили, оказывали на него влияние. Так постепенно я лучше узнаю своего героя, понимаю, почему он поступил так, а не иначе.

Один из летчиков, который начинал службу в авиации вместе со Смушкевичем, вспоминал, что его называли «крылатым комиссаром». Он не пропускал ни одного летного дня или ночи. Отправляясь в полет, он обязательно выполнит весь комплекс летных упражнений и непременно со стрельбой по наземным и воздушным целям. Вскоре комиссар стал одним из лучших штурманов в эскадрильи.

Так Яков Владимирович сдержал свое слово. Помнишь, после аварии, что произошла в Пуховичах, он пообещал, что научится управлять самолетом.

— Ага, помню.

— Первым его начал учить летать друг по несчастью — командир эскадрильи, потом он учился у других летчиков. А главное — сам не жалел времени для учебы. Жена, а он уже был женат...

— На Басе женился? — спросил Герман.

— На ней. Так вот, жена зовет его в кино или в гости, а на столе лежат книги. Ему очень хочется посмотреть интересный фильм и посидеть с друзьями. Но он знал разницу между «хочу» и «надо».

Всегда говорил: «Раз надо, так надо!» Бася Соломоновна одна шла в кино, а Яков Владимирович сиделся за книги. Серьезные книги со множеством формул и схем, теорем и законов. Глубокая ночь наступит. Во всем военном городке одно окно светится. Часовые, дневальные знают, в чьем окне горит свет — комиссар «грызет гранит науки». В пору рабочих факультетов, массового похода пролетариата за знаниями часто употребляли этот образ: «грызть гранит науки». Его усердие было замечено.

В архиве Военно-воздушных сил СССР хранится личное дело Якова Владимировича. В нем есть приказ командующего, в котором отмечается, что летчики эскадрильи научились метко сбрасывать бомбы в цель. И что в этом деле большая заслуга комиссара эскадрильи Смушкевича. Вскоре его выдвинули начальником политотдела, военным комиссаром авиационной бригады.

— Гера, ты знаешь, что такое маневры? — прерывая рассказ, спросил у внука Ткаченко.

— Маневры? — переспросил мальчик. — Это игра в войну.

— Боевые учения, — уточнил Павел Петрович, — учения, приближенные к фронтовой обстановке. Бригаду, в которой служил Смушкевич, подняли по тревоге. Поступил приказ: «Нанести бомбовый удар по коммуникации «противника». Сам понимаешь,

что во время учения «противник» условный, но задание боевое и бомбы должны ложиться точно в цель. А тут еще в район учения прибыл сам Народный Комиссар Обороны Советского Союза, любимец армии, легендарный герой гражданской войны Климент Ефремович Ворошилов. Командир нервничает, боится, чтобы не осрамились летчики. Нелегко с воздуха в цель бомбы бросать. Тренировались мало. Комиссар попросил командира:

- Разреши, я полечу на задание.
- Твое дело, только ответственность велика.
- А когда же, командир, коммунисты ответственности боялись?

И вот машины в воздухе. Под крылом подвешены бомбы. Видна и цель. Спокойнее, Яша, спокойнее! Рука уверенно нажимает на рычаг. Снова высота. Заход на новую цель. На земле белые барашки взрывов.

Теперь можно идти и на посадку. Все бомбы точно поразили цель. К Смушкевичу подошел Ворошилов, протянул руку:

- Где учился летать, комиссар?
- У жизни, товарищ Народный Комиссар Обороны.
- Университет неплохой, — согласился Климент Ефремович, — но знания дает неполные.

— Я подавал рапорт, товарищ Нарком, мечтаю по-
пасть в училище.

— Представится возможность — пойдешь в учи-
лище, в академию.

После учений командование отметило в приказе:
«Первое место в бригаде по стрельбе и бомбомета-
нию занял военкомбриг и начальник политотдела
бригады Я. В. Смушкевич».

Вскоре Яков Владимирович был назначен не толь-
ко комиссаром, но и командиром авиационной бри-
гады. А вот просьбу о посылке на учебу все никак
не могли удовлетворить.

Увлечшись рассказом, дед и не заметил, когда Гер-
ман заснул.

МЫ — КОММУНИСТЫ

1

— Это мой мяч, — Герман решительно вырвал из
рук маленького Йонукаса футбольный мяч и отпра-
вился домой.

— Жадина — говядина, — сдерживая слезы, вы-
крикнул Йонас.

— Гера, дай ему мячик, пусть поиграет, мы потом занесем его вам, — попросила мать мальчика.

— Нет, — возразил Герман, — это мой мяч.

Ткаченко, случайно оказавшийся свидетелем этой сцены, сказал:

— Отдай сейчас же мяч, мне стыдно за тебя.

— Не дам, — упрямо повторил внук.

— Тогда мы поссоримся.

— Мяч мой. Не ты его мне покупал, а папа.

Павел Петрович взял мяч и отдал мальчику.

— Играй. Когда надоест, занесешь.

Внук до вечера сидел, уткнувшись в книгу. Не проронил ни слова даже тогда, когда мать Йонаса принесла злополучный мяч.

— Может быть, продолжим повесть о Смушкевиче? — разбирая постель, спросил дед.

— Как хочешь, — показывая, что еще сердится, безразличным тоном ответил Герман.

— Но рассказывать тебе сегодня буду не я, а человек, который был очень близок Якову Владимировичу — его жена. Та самая девушка из Пуховичей, о которой мы говорили раньше. Сейчас ее уже нет в живых. Но после войны я с ней не раз встречался, и мы часто говорили о Смушкевиче. Верность мужу, гордость за него она сохранила до конца дней своих. Будь добр, слушай ее внимательно, постарайся сделать вывод из того, что она сейчас нам расскажет.

— С мужем мы жили дружно, как принято говорить — душа в душу, — начинает рассказ Бася Соломоновна Смушкевич. — Редко когда у нас возникали споры или недоразумения. Хотя не скрою, что иногда случалось, что я сердилась на Якова, не всегда оправдывала его поступки. Признаюсь, что теперь я горжусь некоторыми поступками мужа, которые когда-то вызывали у меня раздражение.

Жены офицеров меня поймут лучше других. Те, кому пришлось вместе с мужьями жить в дальних гарнизонах, знают, как это тяжело. Хорошо когда вдвоем, а если дети? Мы с Яковом Владимировичем прожили вместе несколько лет. Появились две дочери. С жильем в ту пору в стране было очень трудно. Это не то, что сейчас, когда каждый день новоселья.

Семьи офицеров жили в одной, самое большое в двух комнатах, чаще всего с общей кухней. Нам, женщинам, было очень трудно — надумаешь обед готовить, а соседка печь заняла. Хочешь зажечь примус, а на твоей табуретке другая свою керосинку поставила. Ты принесла грязную посуду вымыть, а соседка стирку устроила. Ну а с детьми совсем беда — то они шалят, то ссорятся, то драку затеют.

Жили мы тогда недалеко от Смоленска. Смушкевич пост занимал немалый — комиссар бригады. Знаки различия на петлицах у него становились все

внушительнее, а вот что касалось бытовых условий, то они ничуть не улучшались.

И вдруг в военном городке началось строительство жилого дома для офицеров. Комиссар взял стройку под свой личный контроль. Я-то знала, сколько это строительство стоило ему сил и крови. То нет кирпича, то цемента, то стекла, то еще чего-то. Он вечно бегают в горком партии, в горисполком — выпрашивает, требует. А сколько устраивал субботников! Всегда выходил на работу первый, уходил последний. От меня того же требовал — жена комиссара пример должна другим женам показывать. А куда я маленьких дочерей дену? Ничего, приходилось устраиваться.

Быстро ли — долго ли, но дом построили. Комиссар и командир распределили квартиры по справедливости. В таких делах, конечно, никогда все довольны не бывают. Но в общем-то люди радуются.

Что же касается меня, то я прямо скажу — была на седьмом небе от счастья. Шутка сказать, первый раз мы получим отдельную, да еще трехкомнатную квартиру. Чувствую, и Яков рад. Еще дом заселять не начали, а мы уже договорились, какая комната для детей, какая — наша спальня. Решили, что для столовой отдельной комнаты не надо — обедать будем на кухне, а вот кабинет для Якова Владимировича обязательно нужен. Часто допоздна он остается

в штабе, чтобы подготовиться к лекциям, позаниматься. Теперь это можно будет делать дома. Ну, а если гости придут -- примем их в кабинете.

Настало время дом заселять. Привезли мебель, начали расставлять. В это время пришел посыльный из штаба, командир просит комиссара срочно прийти. Яков ушел, а я с малыми дочерьми продолжаю хозяйничать. Наконец возвращается муж, какой-то такой, на себя не похожий. Неуверенный, робкий.

— Знаешь что, Басинька, — говорит вкрадчивым, заискивающим тоном, — шел я и думал: к чему нам три комнаты? Дров сколько надо, чтобы их натопить. А убирать такую большую квартиру! Где ты время возьмешь? И дети у нас малые, а тебе и за ними смотреть, и квартиру убирать, и топить. Поедем мы в лагерь, что ты будешь делать одна в трех комнатах. Не с кем даже словом перекинуться. Нет, ни к чему нам три комнаты.

— Ой, горе мое, — всплеснула я руками. — Не морочь мне голову, говори быстрее, что случилось.

— Почему случилось? Ничего не случилось. Именно я уступил одну комнату инженеру. Понимаешь, только сейчас он к нам прибыл. Очень симпатичный человек. С ним приехали жена и маленький ребенок. Такой чудный младенец. Не жить же им в штабе?

— Разве только ты получил отдельную квартиру? Получили и другие. Я сейчас пойду к командиру и ему скажу, что если он такой добрый, то пусть отдает свою комнату.

— И это говорит жена комиссара! Не узнаю тебя. А комбриг как раз вроде тебя, отговаривал меня, не советовал уступать комнату инженеру. Предлагал решить вопрос за счет тех, кто меньше чином. Хорошо это? Я его отчитал. Инженеру я сам предложил комнату в нашей квартире. Мы — коммунисты и иначе поступать не имеем права. Правильно я говорю?

— Ну и какую же ты им комнату хочешь отдать? — спросила я, понимая, что спорить дальше бесполезно.

— Так у них же маленький ребенок, Басинька, надо солнечную. Перенесем спальню в ту комнату, где хотели устраивать кабинет.

Помолчали. Уж больно мне жалко было комнату отдавать, но что я могла сделать. Если Смушкевич решил, то так и будет. Он тоже, видно, понимал, что в данном случае поступился не только своими удобствами, но и удобствами семьи, не совсем спокойно себя чувствовал. Нарушив молчание, деланно засмеялся:

— Смешной комбриг. До чего же он не знает людей. Представляешь, он даже думал, что ты не согла-

сишься отдать комнату человеку, который в ней нуждается. Он мне говорит: ты-то, комиссар, согласен отдать комнату, а что жена скажет? Я ему ответил: жена комиссара думает и поступает так же, как комиссар. Правильно я ему ответил?

— Конечно, правильно, — согласилась я и заплакала.

3

— Йонас, — слышен за окном голос внука, — иди сюда.

— Чего тебе?

— На мяч. Играй. Я с дедом уйду на пляж. Когда наиграешься — оставишь возле дверей.

ЧАСЫ КОМБРИГА

1

Такое редко случается, но сегодня Германа на пляж не дозовешься. Уселся у телевизора и не сдвинется с места. Что это так увлекло внука: Павел Петрович, приоткрыв дверь, смотрит на голубой

экран. Пожилой человек с удивительно знакомым лицом о чем-то рассказывает пионерам. Странно — обычно внук смотрит телевизор, когда идут мультфильмы или картины о войне, детективы, транслируют футбольные, хоккейные матчи...

Остроносая девчонка, поправив непомерно большие очки, спрашивает у пожилого человека:

— Владимир Константинович, юнкоры нашей школы интересуются... Вы удостоены многих высоких наград... Какая из них вам самая памятная, самая дорогая?

Владимир Константинович? Ну, конечно, это Коккинаки. Как же он сразу его не узнал. Еще до войны Павлу Петровичу приходилось брать интервью у этого знаменитого летчика. Было это, кажется, в 1935 году, вскоре после того как Коккинаки совершил беспосадочный перелет из Москвы в Соединенные Штаты Америки. Ткаченко прослушал ответ летчика. Коккинаки отвечал теперь на вопрос вихрастого паренька с пионерским галстуком, завязанным широким узлом на груди. Герой говорил о воздушном параде над Красной площадью в день Первого мая. О том, как сразу после приземления на подмосковном аэродроме нарком попросил их снова подняться в воздух и еще раз пролететь над площадью.

— Воздушный парад произвел впечатление, — вспоминал Коккинаки, — и мы, гордые за выпавшую на нашу долю честь, стремглав снова бросились к самолетам...

Дождавшись конца передачи, Павел Петрович спросил внука:

— Хочешь, я тебе продолжу рассказ Коккинаки?

— Еще бы! — обрадовался Герка.

— Об этом можно было бы написать новеллу. И название подходящее — «Часы комбрига». Главным действующим лицом в ней будет Яков Владимирович Смушкевич. Когда я слушал Владимира Коккинаки, с которым хорошо был знаком и наш герой, то подумал, как бы ответил на вопросы юнкоров Яков Владимирович. Наград, как ты знаешь, у него тоже было много, но особенно он дорожил одной из первых — золотыми часами с дарственной надписью Революционного Военного Совета СССР. Часы ему вручил лично Ворошилов после того памятного воздушного парада, о котором вспоминал Коккинаки.

Весна 1932 года была дождливой. Талые воды превратили белорусские поля в непроходимые болота. Смушкевич, который тогда командовал бригадой истребителей, получил приказ: отобрать лучших, наиболее отличившихся летчиков и вместе с ними немедленно вылететь в Москву. Им оказыва-

ется честь участвовать в воздушном параде над Красной площадью.

Такой парад проводился тогда впервые и, естественно, вызвал у личного состава бригады не только чувство радости, гордости, но и беспокойство. Надо хорошо подготовиться, чтобы не посрамить чести советских летчиков. А тут еще беда — истребители бригады на временном аэродроме, куда перелетели во время зимних лагерей, летное поле раскисло. Колеса машин утопают в грязи — не взлетишь. Но приказ есть приказ. В положенный день и час истребители должны приземлиться на Московском аэродроме, начать тренировочные полеты перед парадом.

Как же выйти из создавшегося положения? Этот вопрос не давал покоя всем, начиная от командира бригады и кончая красноармейцами батальона аэродромного обслуживания. Не знаю, кому из инженеров или летчиков пришла в голову мысль — проложить деревянный настил вдоль раскисшей взлетной полосы. Смушкевичу мысль понравилась, но сразу же возникло сомнение: где достать столько досок, чтобы уместить летное поле? Найдутся ли мастера этого дела в бригаде? Взлетят ли боевые машины с такого «деревянного аэродрома»? Другого выхода не находилось. Надо было действовать без промедления.

Всегда в трудных случаях Яков Владимирович, еще по своей комиссарской привычке, привык обращаться за советом и помощью в партийные организации города, района, в котором была расквартирована часть. Вот и сейчас поехал в горком партии.

— Налетела авиация, — сказал Смушкевич, здороваясь с первым секретарем горкома, — выручайте.

Выслушав комбрига, секретарь горкома партии сказал:

— Честь, оказанная летчикам бригады, это честь всей нашей партийной организации, всему нашему городу. Выручим.

Из лесничества, предприятий, складов потянулись на аэродром подводы с лесом. Зазвенели пилы, застучали топоры. Вместе с красноармейцами, летчиками настил устраивали и горожане. К вечеру взлетная полоса была готова. Первым вывел на нее свой самолет комбриг. Взревел мотор, и самолет побежал по деревянной мостовой.

На земле люди захлопали в ладоши, закричали «ура!», когда машина комбрига оторвалась от настила и взмыла в воздух. Сделав круг над аэродромом, Яков Владимирович мастерски посадил свой истребитель все на ту же деревянную полосу.

— Проверка пройдена. Взлетим, — уверенно сказал он своим подчиненным.

Летчики бригады прилетели в Москву в строго определенное приказом время.

Первого мая 1932 года эшелон за эшелонам над Красной площадью пронеслось триста боевых машин с красными звездами на крыльях. Во главе своей бригады на истребителе летел Смушкевич.

Зрелище первого воздушного парада было незабываемым. Советским соколам аплодировала вся Москва. С тревогой прислушивались к реву моторов, придирчиво вглядывались в четкий строй самолетов военные атташе капиталистических государств. Весь мир узнал, что у Страны Советов выросли мощные крылья.

В Кремле состоялось чествование участников воздушного парада. Наиболее отличившиеся были отмечены в приказе Реввоенсовета. Комбриг Смушкевич был награжден золотыми часами. Он очень гордился наградой, но вскоре ему пришлось расстаться с памятными часами.

Год или два спустя в авиационном соединении, которым командовал Яков Владимирович, произошел такой случай. Летчик Сенаторов выполнял тренировочный «слепой полет». Это когда пилотская кабина закрыта, машину летчик ведет не по земным ориентирам, а только по приборам. Вдруг самолет сильно трянуло.

— Где находимся? — спросил Сенаторов у штурмана.

— Над центром Витебска.

Почувствовав, что с машиной произошло что-то неладное, летчик открыл колпак, закрывавший кабину. Под крылом мелькали кварталы большого города. А тут беда — перестал работать мотор. Машина быстро теряет высоту. Упадет на жилые кварталы. Сколько погибнет людей. Этого никак нельзя допустить. Летчик мобилизовал всю свою волю, выдержку, мастерство и, планируя, сумел пролететь над центральными кварталами города и посадил машину на окраине, на каком-то огороде.

Первым к месту вынужденной посадки приехал комбриг. Яков Владимирович сразу понял, что пережил экипаж, от какой катастрофы спасли горожан. Скупой на проявление чувств, комбриг обнял Сенаторова, а потом снял с руки золотые часы и отдал летчику!

— Это подарок Реввоенсовета. Ты их заслужил. Носи с честью.

2

— Яков Владимирович Смушкевич умел заглядывать в будущее, думать не только о сегодняшнем,

но и о завтрашнем дне, — начал очередной рассказ Павел Петрович.

Герман сидел за столом и лепил из пластилина фигуру летчика. От усердия мальчик даже немного раскрыл рот, высунул язык. Уж очень он старался, но никак не мог напялить на желтую пластилиновую голову фигурки черный шлем.

— Ты знаешь, что такое заглядывать в будущее?

— Ага, — ответил Герман, — готовить на завтра уроки. Если не выучил, то придумать, что сказать учительнице.

Ткаченко усмехнулся, но не принял шутливого тона внука, продолжил серьезно:

— Военные люди и в дни мира обязаны помнить, что может быть война. К этому они постоянно и должны готовиться. «Тяжело в учении — легко в бою». У нас часто повторяют это выражение, но не всегда вдумываются в мудрость этих слов. Вот сейчас человек не поел вовремя и уже огорчается, не поспал ночь — и ходит, как вареный, палец разрезал — к врачу побежал, а чтобы кто зимой лег спать на снегу — за сумасшедшего посчитают. На войне все это мелочами кажется, на которые и внимания не стоит обращать. Смушкевич это понимал. И хотел готовить своих подчиненных к войне в таких условиях, какие обязательно встретятся в боевой обстановке.

Тот же летчик Сенаторов, которому комбриг подарил свои часы, вспоминал, как первый раз прыгал с парашютом. Вел самолет Яков Владимирович. Пролетают над аэродромом. Сенаторов приготовился прыгать. Но нет команды. Под крылом лес, и вдруг комбриг приказывает:

— Приготовиться. Пошел...

— Как, прыгать? — невольно спросил Сенаторов. — Отсюда до аэродрома не доберешься.

— Пошел! — повторил приказ комбриг.

Приземлился парашютист в десяти километрах от аэродрома и в душе на чем свет ругал Смушкевича. Попробуй отсюда, из глухого леса, добраться до аэродрома!

Много лет спустя, во время войны, когда Сенаторову пришлось выброситься из горящего самолета в тылу врага, он добрым словом помянул комбрига.

В ту пору в авиационных частях летали главным образом днем, и большинство вылетов, дальних перелетов, учений проводилось в погожие летние дни. Даже в лагеря воинские части выезжали лишь летом. И как только первые признаки осени, — снимали палатки и отправлялись на зимние квартиры.

— Но воевать нам придется не только летом, поднимать самолеты в воздух не только, когда солнышко светит. Надо учиться летать и в дождь, и в ве-

тер, и в зной, и в стужу, днем и глубокой ночью, — говорил Смушкевич.

Ему отвечали:

— Не зарывайся, комбриг. Самолет есть самолет — машина хотя и современная, но далеко не совершенная. Ночью не видно ориентиров на земле, в пургу не полетишь. Попробуй, аварий не избежать — погибнут люди, разобьешь машины...

Яков Владимирович был не из пугливых. Не боялся он ответственности. Вот почему и написал приказ по Витебской бригаде о зимних лагерях. Стояли суровые январские морозы, когда летчики бригады поднимали свои машины в воздух с благоустроенного аэродрома и полетели по маршрутам, указанным комбригом. Одни сели на льду озера, другие — на лесной поляне, третьи — в открытом, занесенном снегом поле. В этих лагерях и провели зиму. Летали в мороз, пургу. Люди зябли, ругали комбрига за «чужачества», но своего недовольства открыто не высказывали — дисциплина есть дисциплина. Женам же летчиков приказы не писаны. Открыто негодовали, осуждали выдумку комбрига, Басю Соломоновну просили поговорить с мужем, чтобы отступился от своей затеи. Ведь в других частях Красной Армии даже ничего не слыхали о зимних лагерях.

Однажды Смушкевич по делам приехал из зимнего лагеря в военный городок. На улице его остановила довольно бойкая жена летчика:

— Разрешите, товарищ комбриг, с вами откровенно поговорить.

— Пожалуйста.

— Я не военнотружущая, поэтому ромбы на петлицах на меня не производят впечатления. Скажите, почему вам дома не сидится и нашим мужьям покоя не даете? Летом вы в лагерях, зимой в лагерях. Когда же у вас найдется время для семьи?

— Милая моя, — ответил Смушкевич, — лучше вы сегодня поскучайте, чем во время войны потеряете мужа в первом зимнем бою.

Дело было, конечно, не в женах. Их мнение не очень принималось в расчет. На войне тоже приходится жить вдали и от жен и от детей. Зимние лагеря Витебской бригады привлекли внимание командования Белорусского военного округа, штаба Военно-воздушных сил СССР. В зимние лагеря приехали проверяющие. Изучили опыт и одобрили его.

Главный вывод, как всегда, сделала сама жизнь. Через несколько лет грянула финская война. Вести боевые действия пришлось зимой. В стужу и метели летали летчики на боевые задания. Пилоты из Витебской бригады, прошедшие школу зимних лагерей, оказались наиболее подготовленными.

Так многим летчикам помог сохранить жизнь во время зимних боев талант комбрига, сумевшего вовремя заглянуть в будущее.

НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ РЕКОРД

1

Настойчивость. Целеустремленность! Эти два слова чаще других упоминали боевые соратники Якова Владимировича, когда характеризовали его как комиссара, командира, летчика. Перечитывая выписки из воспоминаний, характеристик, журналист думал, как лучше написать об этих чертах героя коммуниста.

Фактов было много, иногда удивительных. Они свидетельствовали о том, что Смушкевич порой не щадил себя, работал, как одержимый, лишь бы в сроки достигнуть намеченной цели.

Вот характеристика, выданная Якову Владимировичу после окончания им Севастопольской школы летчиков имени Мясникова. Когда впервые прочитал характеристику Ткаченко, то не поверил глазам своим. Может быть, описались люди, составлявшие

документ. Потом убедился, что все в нем сказанное — правда. Разве и такое в человеческих силах:

«По окончании самостоятельной программы по элементам полета он имеет отличные результаты. Программа начата 25 октября 1932 года, закончена 14 декабря 1932 года».

На чистом листе бумаги Ткаченко записал эти даты. 38 летных дней. Вот тот мизерный срок, который потребовался Якову Владимировичу, чтобы закончить с отличием школу летчиков! Это подвиг. Безусловно, подвиг!

Интересно, поймет внук или не поймет, что и учеба может стать подвигом.

2

— Есть такая международная организация, которая регистрирует любой рекорд, установленный в воздухе. Она объявляет на весь мир, кто летал дольше всех, выше всех, быстрее всех...

— Знаю, знаю, — перебил рассказ деда Герман. — И в этой организации зарегистрированы все рекорды советских космонавтов.

— Верно, — согласился Павел Петрович. — Теперь и космонавтов, но не только их. Еще до войны там было зарегистрировано много рекордов, уста-

поваленных советскими летчиками Валерием Чкаловым, Михаилом Грозовым, Владимиром Коккинаки, Валентиной Гризодубовой и многими другими. Фамилии Якова Смушкевича в числе мировых рекорсменов нет, а будь моя воля, то я бы объявил всемирным рекорд, поставленный им на земле, но имеющий непосредственное отношение к авиации.

Помнишь, мы уже с тобой говорили о том, что Смушкевич очень хотел учиться, но все не получалось.

— Даже Ворошилов обещал ему помочь, — вспомнил Герман.

— Яков Владимирович просил, чтобы послали в школу летчиков. Но в штабе Военно-воздушных сил ответили, что такие школы выпускают лейтенантов, которые служат в частях младшими летчиками или летчиками. Смушкевич же командует бригадой. Негоже, мол, комбригу садиться за одну парту с необученным курсантом, который впервые самолет увидел вблизи, никогда в жизни еще за штурвал не держался. И Смушкевич снова и снова обращается все с той же просьбой в штаб Военно-воздушных сил. Видно, он там изрядно надоед, и один из руководителей ему в сердцах сказал:

— Хочешь учиться, езжай в какую-нибудь школу и сдавай экзамены — сразу за все курсы. Поднатужишься и сдашь.

Смушкевич согласился с этим предложением. Начальник засмеялся:

— Шуток не понимаешь. Для этой затеи мы тебя от командования бригадой не станем освобождать.

— Не станете, и не надо — поеду во время отпуска.

— Если уж ничего лучше во время отпуска придумать не можешь — валяй. Пошлем мы тебя в Севастопольскую школу. Все-таки аэродром на берегу Черного моря. Глядишь, за время отпуска несколько раз сможешь искупаться.

— Есть ехать в Севастополь, — не принимая шутки, официально согласился Смушкевич.

— Направление я тебе дам. Только смотри, чтобы уложился в отпускное время. Дополнительно ни одного дня не получишь.

— Попробую уложиться в сорок отпускных дней. Хорошая слава в нашей стране идет о питомцах школы летчиков им. Мясникова. Многие из них прославились как асы, стали Героями и дважды Героями Советского Союза. Есть среди воспитанников школы и мировые рекордсмены. Но, пожалуй, такого ученика, точнее, курсанта, как Смушкевич, там больше не было. Не успел он приехать в школу, как курсанты его окрестили «неистовым комбригом».

Начальник училища — старый опытный летчик при первом знакомстве спросил:

— Скажите, комбриг, вам что — бумажка нужна об окончании школы?

— Нет! — ответил Смушкевич. — Мне надо проверить свои знания. Прошу относиться ко мне, как к любому другому курсанту, со всей строгостью. Не делайте мне поблажек.

— Это хорошо. А то я, грешным делом, подумал, что вас прислали к нам за свидетельством об окончании школы летчиков. Все-таки в анкете будет что писать в графе об образовании. Иногда, знаете, прочерк в этой графе может помешать дальнейшей, даже удачно начатой карьере.

— Думаю, что больше, чем прочерк в анкете, может помешать дальнейшей карьере авиационного командира пробел в знаниях.

Этот разговор состоялся в первый день приезда Смушкевича в Севастополь. Остальные тридцать семь дней были рассчитаны по минутам. Он сам составил для себя график, принес его на утверждение начальнику школы. Тот удивленно хмыкнул и, прежде чем подписать, спросил:

— Вы думаете, что сможете выдержать такой темп работы, учебы? Ведь вам летать надо будет, сдавать экзамены по сложнейшим предметам. Соразмерили ли вы свои силы?

— Я понимаю, что времени у меня мало, но больше мне не отпустили. Надо уложиться, и я уложусь в этот график, если, конечно, согласятся с ним мои преподаватели, инструктора.

— Желаю удачи.

Я не стану тебе рассказывать, как и какой предмет сдавал Смушкевич. Конечно, увереннее всего он себя чувствовал за штурвалом самолета. Он был прирожденный летчик, и небо было его стихией.

Когда необычный курсант поднимал в воздух машину, чтобы выполнить положенные по программе упражнения, то собирались многие свободные в это время от службы курсанты, инструкторы, преподаватели. Чисто выполнял любое упражнение, любую фигуру высшего пилотажа «неистовый комбриг».

Успешно подвигалось дело и в классе. Едва сдаст экзамен по одному предмету, как уже начинает готовить следующий. Наконец выставлена последняя оценка. Наступил предпоследний день отпуска. Начальник школы, вручая свидетельство, сказал:

— Вы совершили чудо, комбриг. Если бы сам незнакомился с вашими знаниями — не поверил. Сердечно поздравляю, Яков Владимирович, желаю дальнейших успехов в учебе и службе.

— Служу Советскому Союзу!

ПРОЩАЙ, ПАЛАНГА!

1

Дни отпуска быстротечны. Герману кажется, что только вчера, ну пусть не вчера, но совсем-совсем недавно они приехали с дедом в Палангу, а вот уже и настала пора расставаться.

Последний день перед отъездом прошел в хлопотах, и все-таки вечером, прежде чем лечь спать, Павел Петрович, как уже повелось в дни отпуска, продолжил рассказ о жизни летчика.

— Ты думаешь, что у Смушкевича все всегда гладко выходило и поступали с ним всегда по справедливости? — спросил у внука, недовольного неожиданным отъездом, Ткаченко.

Старые летчики из Витебской авиационной бригады вспоминают, что после белорусских маневров многих отличившихся командиров наградили орденами и медалями. Среди награжденных были летчики и штурманы, командиры эскадрилий, работники штаба... В Указе о награждении не оказалось фамилии комбрига. Но многие знали, что его представляли к награждению орденом Красной Звезды.

Штабные офицеры вспоминали, что после того как истребители бригады на маневрах «вывели из строя» чуть ли не половину бомбардировщиков «про-

тивника», лично нарком обороны Климент Ефремович Ворошилов поздравил комбрига. Люди запомнили слово в слово все, что сказал тогда нарком:

— Ваша бригада достигла высокого боевого мастерства. Именно такого мастерства следует добиваться во всех частях Военно-воздушных сил СССР.

И вдруг комбрига-то и не наградили. Строились самые различные предположения, догадки... Недоумевал и Яков Владимирович. Он-то знал, что был представлен к награде.

Прошло несколько дней, и приехавший в бригаду старший начальник его спросил:

— Не догадываешься, почему тебе ордена не дали?

— Не заслужил, значит, — пожал плечами Смушкевич.

— Не кокетничай. Сам знаешь, что заслужил Красную Звезду. И мы знаем, и нарком знает, что заслужил. А лишили тебя награды поделом. Уж больно ты благородным хочешь выглядеть. Кто тебя заставлял чужую вину на себя принимать...

Приезжий командир напомнил, что в то время, когда Яков Владимирович был в отпуске, в бригаде произошла авария. Виновных комбриг наказал своей властью. Когда же потребовали объяснения в Наркомате, то написал, что за случившееся в бригаде несет полную ответственность. Как командир,

отвечает за поступки своих подчиненных вне зависимости от того, находится в части или за ее пределами. Виноват, мол, я, и наказывайте меня. А с проступками подчиненных я как-нибудь сам разберусь.

— Вот в Наркомате и решили, — сказал гость, — раз Смушкевич сам себя виноватым считает, то неудобно его к ордену представлять, и вычеркнули твою фамилию из списка.

Вскоре произошло и совсем непонятное, что и объяснить толком никто не мог. Отмечалось десятилетие Витебской авиационной истребительной бригады. Много добрых слов о ней написали в военных газетах. В приказе Народного Комиссара Обороны говорилось следующее... Где это у меня записано? Подожди...

Павел Петрович раскрыл папку, стал перекладывать бумаги. Наконец нашел нужную, прочитал:

«На протяжении ряда лет 40-я авиабригада под руководством комбрига т. Смушкевича и его помощника по политической части полкового комиссара т. Гальцева систематически повышала уровень боевой и политической подготовки при одновременном снижении аварийности.

Особенно больших успехов в боевой подготовке авиабригада достигла во второй половине 1936 учеб-

ного года, имея за этот период днем и ночью 10 800 часов налета и 15 700 посадок».

Дальше в приказе отмечалось, что в бригаде выросло много опытных летчиков, командиров, которые с успехом несут службу в других частях ВВС.

Как видишь, приказ высоко оценил заслуги бригады. Юбилей отмечали торжественно. Приехали гости из Москвы, из других авиационных частей, работники ЦК Компартии Белоруссии и белорусского правительства. Не было на торжествах только командира бригады. И гости и офицеры бригады недоумевали: куда подевался Смушкевич. Ведь накануне его видели. Он лично проверял все, что было связано с подготовкой к торжествам. Может быть, заболел? Пошли на квартиру. Бася Соломоновна лишь недоуменно разводила руками.

— Сама не знаю. Ночью позвонили из Москвы, и он куда-то уехал... Даже чемодана с собой не взял.

2

Теперь, пожалуй, самое время снова послушать, что позднее рассказывала Бася Соломоновна о таинственном исчезновении из Витебска мужа:

— Что я могу рассказать? В ту пору у меня голова изболелась от тяжелых мыслей. Все празднуют, радуются. Меня на вечер пригласили. Слушаю торжественные речи, песни, смотрю, как люди танцуют, а у самой только одна мысль: «Что же с Яшей, куда он подевался? Это же не спроста его вызвали, не дали возможности в таком празднике участвовать. Тут же его работа, можно сказать, вся жизнь оценивается, а его самого нет».

Сколько ни думаю, каких только догадок ни строю — ничего не могу понять и еще больше расстраиваюсь. Пришла после вечера домой, обняла дочек и горько заплакала.

— Что с нашим папочкой произошло, почему он о себе никакой весточки не подает?

Еще не начало светать, когда меня разбудил стук в дверь. Явился полковой комиссар Гальцев.

— Бася Соломоновна, дорогая, не волнуйтесь, говорит. А у меня ноги подкашиваются. Перед глазами круги идут. — Одевайте детей и езжайте на аэродром. Машина у подъезда ждет.

— Что с Яшей? — кричу. Розочка и Ленёна проснулись. Испуганно глазенки таращат. Роза спрашивает: «Где папа?»

— Жив и здоров, — успокаивает полковой комиссар. — Скоро вы его увидите. Сейчас самолет пойдет в Москву. Он вас ждет.

Не помню, как мы оделись, как приехали на аэродром, летели в Москву. Только самолет приземлился на центральном аэродроме столицы, как к трапу подбежал Яков Владимирович. Одет как-то странно. Мы его привыкли видеть в военной форме, а здесь в гражданском костюме. На голове вместо фуражки берет, кожаная курточка в обтяжку, длинные брюки, вместо сапог остроносые штиблеты. Нет на костюме ни петлиц бирюзовых, ни красных ромбов.

— Что случилось, Яшенька? — всплеснула я руками.

Он же смеется. Явно доволен, даже больше скажу — счастлив.

— Ничего я тебе, Баинька, сказать не могу. Только все в порядке. Увидимся мы не скоро. Писать я тебе не смогу. Но ты не волнуйся. Береги детей. А сейчас давай прощаться. Нет времени...

Он взял на руки Розочку и Ленину. Те его ручонками за шею обняли, а он кружится, говорит им какие-то ласкательные слова.

Толком я ничего не узнала во время этого необычного и скоропалительного свидания с мужем. Единственно, что поняла, что Смушкевичу поручили какое-то специальное задание, о котором он не имеет права даже мне сказать, своему самому близкому человеку.

Ноги ныли от усталости. Целый день Ткаченко с внуком ходили по улицам Клайпеды. Побывали и в рыбном порту. Герке очень хотелось попасть на Большой морозильный траулер, носящий имя Якова Смушкевича. Но траулера в порту не оказалось. «Смушкевич» снова ушел на промысел. Ткаченко об этом жалел не меньше, чем внук. Он собирался писать о команде траулера, обещал дать в газету очерк.

В купе их было трое. Герка на верхней полке, а внизу устроились дед и какой-то старый полковник. Хоть и устал за день Герка, но спать не хотелось; пока пили чай, попросил деда:

— Давай будем говорить о Смушкевиче. Давай, а?

— Сейчас нам с тобой придется перенестись далеко за горы и моря, в красивую страну Испанию. Испанский народ решил взять власть в свои руки, расправиться с буржуазией.

— Как у нас в семнадцатом году?

— Примерно. На выручку испанской буржуазии поспешили империалисты других стран, и прежде всего фашисты Италии, Германии. Трудно пришлось тогда трудящимся Испании, но их не оставили в беде рабочие других стран. Многие коммунисты поехали в Испанию добровольцами, чтобы помочь

своим товарищам по классу. Среди советских летчиков, добровольно поехавших в Испанию, был и Яков Владимирович.

— Это и было «специальное задание», о котором говорила Бася Соломоновна? --- спросил внук.

— Угу. Только в Испании никто не знал фамилии Смушкевич. В Мадриде появился военный советник республиканской авиации генерал Дуглас.

— Почему Дуглас? Ведь его фамилия Смушкевич!

— Приедем в Вильнюс, дам я тебе книжку о боях в Испании почитать.

— Хорошо, но ты мне скажи, почему Смушкевича Дугласом назвали?

Ткаченко не успел ответить. В разговор вступил старый полковник:

— Простите, что перебиваю. Но вы говорите о Якове Владимировиче Смушкевиче, командующем Военно-воздушными силами Советского Союза? Наслышан я о нем. Правда, лично знаком не был, но воевали в одно время. Еще до Великой Отечественной. Аккурат вскоре после того как наши товарищи вернулись из Испании. Может быть, молодой человек, — полковник положил жилистую руку на колено Германа, — слышал о реке Халхин-Гол? На Дальнем Востоке есть такая река. В 1939 году мы вели там бои против японо-маньчжурских войск,

попытавшихся нарушить границу дружественной нам Народной Монголии.

— Пограничный конфликт, — вспомнил Герман, — по телевизору показывали...

— Нет, не то, — отрицательно покачал головой полковник. — Бои у Халхин-Гола не явились плодом какого-либо пограничного недоразумения. Империалистическая Япония хотела попробовать прочность советского строя, способность к серьезному ведению войны Красной Армией. Японцы были уверены в быстрой победе и в том, что им удастся захватить землю дружественной нам Монголии. Рассчитывали на молниеносный удар. И обожглись. С мая по сентябрь 1939 года на песчаных барханах шли тяжелые, кровопролитные бои.

Именно во время боев на Халхин-Голе я был солдатом, только принявшим боевое крещение. Служил в войсках связи. Все мы завидовали летчикам и танкистам. О их подвигах могли слушать до бесконечности. Твой дедушка, Герман, наверное, помнит, что перед войной у нас в стране был своеобразный культ авиации.

— Что это значит культ авиации? — спросил Герман.

Ответил Павел Петрович:

— Когда весь народ влюблен в свою авиацию. Каждый школьник, каждый комсомолец мечтал в ту

пору служить в авиации, форма летчиков была, пожалуй, одной из наиболее почитаемых в стране.

— Совершенно справедливо, — продолжил рассказ полковник, — и мы в окопах с жадностью ловили каждое сообщение об успехах наших славных соколов. Тогда много говорили о Смушкевиче, о его подвигах в Испании, летчиков называли его питомцами. Тогда я и услышал рассказ, который запомнился на всю жизнь.

Во время одного из воздушных боев японцам удалось подбить наш самолет. Это заметил пилот соседней машины. Видит он, что краснозвездный сокол сел на занятой японцами земле. Что делать? Пока искал ответ на этот вопрос, стал спускаться. Смотрит, товарищ выскочил из подбитого «ястребка», скидывает с себя парашют, ремень и куда-то бежит с пистолетом в руках. Куда? С пистолетом против вооруженных до зубов самураев, так японские вояки назывались, далеко не убежишь, а до линии фронта километров пятьдесят. Молниеносно пришло решение — садиться, выручать товарища. Поле кочковатое — потом он сам удивлялся: как удалось машину посадить, не разбить. Но приземлиться оказалось самым легким. Значительно труднее было взлететь. Истребитель, как известно, рассчитан на одного пилота. Куда посадить второго?

С трудом втиснул потерпевшего аварию товарища между левым бортом и бронеспинкой.

Долго бежал самолет по неровному полю, не мог оторваться с двойным грузом. Наконец все-таки оторвался. У нас тогда говорили, что, мол, сам Смушкевич своего подбитого летчика из-под носа у японцев увел. Теперь я, конечно, понимаю, что подвиг этот совершил не Яков Владимирович, а один из подчиненных ему летчиков. Ведь Смушкевич тогда был командующим всеми советскими воздушными силами на Халхин-Голе. Хотя он и участвовал иногда в боях против японцев, но редко. Главное для командующего не личную храбрость проявлять, а обеспечить взаимодействие авиации с наземными войсками, боеспособность каждой авиационной части, каждого соединения.

— Случай известный, — вмешался в разговор Ткаченко, — помню, о нем тогда в газетах много писали. Подвиг этот совершил летчик Грицевец. А вот как фамилия спасенного им летчика? Память уже не та стала...

— Грех вам жаловаться. Вот я забыл даже фамилию Грицевца, — вздохнул полковник. — А ведь такой знаменитый был летчик...

— Помню, что спас он своего командира эскадрильи, тоже Героя Советского Союза.

— Да, да, — обрадовался полковник, — Грицевцу ведь тогда присвоили звание дважды Героя Советского Союза.

— Вскоре после окончания боев на Халхин-Голе, — заметил Павел Петрович, — ему и Смушкевичу. Они, наверное, были первыми, кому правительство присвоило столь высокое звание.

— По-моему, четвертыми или пятыми, — уточнил полковник.

— Гри-це-вец! — по складам повторил фамилию Герман. — Я о нем никогда не слышал.

— Ты и о Смушкевиче раньше не слышал. Кстати, Грицевец воевал с Яковом Владимировичем еще и в Испании. Вместе с ним они прибыли и на Халхин-Гол. К моменту решающих боев Смушкевич прилетел на Халхин-Гол во главе отряда летчиков, в котором был двадцать один Герой Советского Союза!

— Ого! — воскликнул Герман, выражая этим коротким «ого!» и свое удивление и свое восхищение.

— Летчики — Герои Советского Союза, — продолжал Ткаченко, — провели большую учебно-воспитательную работу и передали свой боевой опыт молодым пилотам, прибывшим на пополнение. С первых же боев, несмотря на то, что в воздухе было больше японских самолетов, наши соколы неизменно выходили победителями.

— Да, вот еще вспомнил, — перебил полковник, — рассказывали, что поначалу японцы разбомбили монгольские самолеты прямо на аэродромах. Неожиданно это произошло. Машины даже в воздух подняться не успели... Когда рассказали об этом Смушкевичу, он приказал рассредоточить самолеты, прибывшие из Москвы, на разных площадках. Благо это сделать нетрудно было, кругом-то степь... А чтобы противника сбить с толку, устроили ложные аэродромы. Вот японцы их и бомбили. А наши поджидали противника в воздухе и лупили... Большие потери тогда враг понес.

— Военная хитрость. Она и в эту войну не раз нас выручала, — поддержал разговор Ткаченко. — На Халхин-Голе, пожалуй, впервые в таких масштабах проводились воздушные бои...

— Помню, наши позиции находились недалеко от «Монголрыбы». Так местность называлась, — отхлебнув чая, сказал полковник.

— Вблизи, наверное, рыбаки жили, — вставил и свое слово Герман, напомнив взрослым, что и он участвует в разговоре.

— Справедливо заметил, — поддакнул полковник. — Так вот, значит, в конце июля или начале августа, в знойный летний день, увидел я такой воздушный бой, что своим глазам не поверил. Японских самолетов налетела — туча. Солнце закрыли.

А навстречу наши поднялись. Что тут происходило — ужас. Рев моторов, пулеметная трескотня. Сотни машин носятся одна за другой. Японцы, те идут на ближний бой. Летчики они были отважные. Но и наши не из трусливых. В этом бою, рассказывали, все наши Герои Советского Союза участвовали. Сам Смушкевич боем руководил. Ох, и сколько же тогда самураев сбили. Знаю, что за две недели воздушных боев уничтожили чуть не половину машин японцев, прибывших заблаговременно в район боев. Здорово сражались! С тех пор небо над Монголией чистым стало. Последний штурм японских укреплений тоже летчики начали. Это уже в конце августа, сотни две бомбардировщиков поднялись в воздух и начали долбить передовые позиции врага. Казалось, земля расколется от взрывов бомб...

Стучат колеса, клонит ко сну, а взрослые на нижних полках все говорят и говорят о боях, взрывах бомб, горящих самолетах.

И видится Герману опаленные солнцем песчаные барханы, такие, как дюны в Паланге, и Смушкевич в кожаном пальто, со шлемом на голове поднимается на крыло самолета.

— Счастливого полета! — шепчет мальчишка.

Тяжелая рука ложится на плечо мальчика, жарко.

— Герка, Герка, вставай, — тормошит внука Павел Петрович, — ишь, как заспался. Вставать пора. Скоро Вильнюс.

4

Рассказ о боях в Монголии дед с внуком продолжили уже дома. В библиотеке у Ткаченко оказалась тоненькая книжечка «Побратимы Халхин-Гола».

Герман очень обрадовался, когда увидел в книжке рассказ о Сергее Грицевце, летчике, о котором говорил в вагоне попутчик. Рассказ он прочел вслух, что обычно делал неохотно и редко.

«В один из горячих дней генерального наступления мы были свидетелями большого воздушного боя, происходившего над фронтом. В воздухе находилось более двухсот самолетов.

Было это утром, в ветреный августовский день.

Бой развертывался по вертикали, начиная от шести тысяч метров и до самой земли, где уже дымились обломки нескольких сбитых машин противника.

Подробности воздушного боя были с земли мало понятны. Некоторые самолеты опускались по кривой, уходя за облака, другие делали стремительный разворот, камнем обрушивались вниз, чтобы мину

спустя снова налететь на врага. Время от времени с неба доносился приглушенный расстоянием звук короткой пулеметной очереди. Встретившись и обстреляв друг друга, советские и вражеские летчики разворачивались: каждый стремился взлететь над другим и «прижать его» к земле. Внезапно то там, то здесь вспыхивало пламя. На солнце блестела плоскость падающего самолета; через секунду из земли вырывался столб дыма — еще один вражеский самолет сбит.

В стереотрубу видны были отдельные детали боя. Особенно запомнился нам серебристый биплан какого-то советского летчика, делавший поистине чудеса. Как мы узнали впоследствии, это был самолет Грицевца.

Через два дня мы расспрашивали у Грицевца о подробностях этого боя.

— Про который бой вы спрашиваете, — сказал он, припоминая, — про вчерашний? Ах, позавчера! Когда, утром или днем? Было такое дело. Поработали мы с товарищами. Я пошел в атаку. Встретились мы с вражеским самолетом лоб в лоб. Он переворачивается вверх брюхом и строчит по мне из пулемета. Думал на этом выгадать, да прогадал. Я поднимаюсь выше и бью по нему сверху, в самую его середину. А он выворачивается и пикирует. Я за ним. Он — в штопор, притворяется, что подбит,

и падает. Думаю, врешь, не вырвешься! И за ним. Смотрю, он в облачность ныряет. Я тоже. Вылезаю из облака и жму его с хвоста. Сильно жму. Вижу, он падает, на этот раз по-настоящему. Грохается в землю и горит, как факел.

Этот день был поистине траурным для вражеской авиации. Советские летчики сбили сорок восемь машин противника. На всех участках фронта валялись разбитые и дымящиеся самолеты.

— Денек был интересный, — сказал Грицевец. Он не закончил фразы.

Из палатки выбежал дежурный и, подняв ракетный пистолет, трижды выстрелил.

Отовсюду сбегались летчики.

— По самолетам!

Шлем на голову. Очки на глаза. Прыжок в кабину, бешеный рев винта. Не прошло и двух минут, как Сергей Грицевец во главе эскадрильи взвился в воздух.

Через час самолеты вернулись.

— Как слетали? — спросил начальник штаба, раскрывая блокнот.

— Сбито пятнадцать. Наши вернулись все...

Грицевец сбросил парашют и пошел к палатке — легкий, улыбающийся, добрый, словно действительно он вернулся с прогулки, а не из воздушного боя.

Один за другим к палатке штаба сходились летчики, шумно обмениваясь впечатлениями только что прошедшего боя».

Павел Петрович остановил внука.

— Потом прочитаешь сам. Здесь ты найдешь и о том, как Сергей Грицевец спас своего командира Героя Советского Союза Забалуева. Недавно я просматривал воспоминания участников боев за Халхин-Гол, о их чествовании в Москве. Их пригласили в Кремль для получения правительственных наград. Присутствовали все руководители партии и правительства. Смушкевич получил вторую звезду Героя Советского Союза. Выступая от имени награжденных, он прежде других назвал имя Сергея Грицевца.

— Спросите Сергея Грицевца, — говорил Смушкевич, — чем он руководствовался, когда, оберегая молодых летчиков, брал на себя бой с самыми опытными, самыми фанатичными японскими асами и сбивал их? Он руководствовался теми же высокими чувствами советского патриотизма и боевого товарищества, как и тогда, когда, рискуя жизнью, сел на одноместном истребителе на землю, занятую врагом, чтобы спасти товарища.

Яков Владимирович вспомнил и о подвиге комиссара авиационного полка Ююкина. Его самолет был подожжен огнем зенитных батарей. Он имел время выпрыгнуть из охваченной пламенем машины на па-

рашюте. Но тогда неизбежен плен. Комиссар предпочел смерть позору плена. Бросив самолет в крутое пикирование, он врезался в скопление японских войск.

— Здорово. Это прямо как Гастелло.

— Да, Николай Гастелло повторил подвиг комиссара Ююкина. Но об этом мало кто знает...

— Смушкевич говорил о других, — поинтересовался Герман, — а о нем разве никто ничего не сказал?

— В этой книжке, которую ты прочтешь самостоятельно, есть статья маршала Жукова. На Халхин-Голе, еще будучи генералом, он командовал нашими войсками, ведущими сражения против японцев. Он высоко оценил деятельность командующего авиацией.

Журналист показал внуку отчеркнутое красным карандашом место в книге.

«...Я. В. Смушкевич был великолепным организатором, отлично знавшим боевую летную технику и в совершенстве владевшим летным мастерством. Он был исключительно скромным человеком, прекрасным начальником и принципиальным коммунистом. Его искренне любили все летчики».

Герман взял из рук деда книгу:

— О нашем герое здесь больше ничего нет?

— Здесь нет...

— А об Испании? Ты говорил, что достанешь книгу о генерале Дугласе.

— Немного освобожусь и подберу тебе книги о революционных боях в Испании.

СОСЕД

1

Павел Петрович не сразу смог выполнить свое обещание. В Вильнюсе, как он и предполагал, после отпуска навалилась куча неотложных дел. А книги о войне в Испании еще надо было найти. В домашней библиотеке их не оказалось. Лишь неделю спустя после возвращения из Паланги он принес «Испанский дневник» Михаила Кольцова.

— Вот одна из обещанных книг. Может, тебе, Гера, она и покажется скучной. Писатель рассчитывал на более взрослых читателей. Если что будет непонятно — спросишь. Есть здесь несколько страниц, посвященных генералу Дугласу.

Дед полистал книгу, подумал, что все-таки внуку шестикласснику «Дневник» может оказаться не по силам, решил немного объяснить, что к чему. Начал разговор и увлекся.

Михаил Кольцов перед войной был одним из наиболее известных советских публицистов. В «Правде» да и во многих других газетах и журналах печатались чуть ли не ежедневно его статьи. И всегда с места, где развивались интересные события. Одним из первых советских журналистов Михаил Кольцов оказался и в Испании.

Естественно, что в Мадриде, в других городах, на фронтах революционной Испании военная судьба не раз сталкивала писателя и летчика.

Однако знакомство Михаила Кольцова и Якова Смушкевича состоялось не в Испании. Они и до этого встречались в Москве. Больше того, они жили в одном доме.

Смушкевич, как и другие, охотно читал статьи Михаила Кольцова, особенно любил его фельетоны. Связывала их и любовь к авиации. Как член редколлегии «Правды», Михаил Кольцов командовал агитационной авиаэскадрильей. По его инициативе был построен в ту пору не имевший себе равных в мире агитсамолет «Максим Горький». На борту этой гигантской машины помещались редакция, типография, радиостанция. В общем было все необходимое для проведения агитационной работы.

Правда, нельзя сказать, что летчик и писатель были друзьями. Оба очень занятые люди, они редко встречались вне службы. Разве что на лестнице дома, в котором жили. Встретившись, торопливо здоровались, осведомлялись о здоровье, иногда обменивались несколькими фразами — о погоде, каком-нибудь сообщении, напечатанном в газете.

Нужно тебе знать, что именно Михаил Кольцов первым открыл для страны писателя-коммуниста Николая Островского, рассказал о его героической судьбе, рассказал о готовящейся к изданию книге «Как закалялась сталь». Очерк в «Правде» заинтересовал читателей. Яков Смушкевич, встретив автора очерка, горячо пожал ему руку:

— Спасибо, вы познакомили нас с замечательным человеком. Удивительная судьба, а какое мужество! Вот у кого всем нам надо учиться оптимизму. Скоро выйдет его книга?

— Теперь, наверное, скоро.

— С нетерпением жду. Роман «Как закалялась сталь». Странное название для художественного произведения, вы не находите?

— Точное название — роман о том, как партия, словно сталь, закаляла характеры молодых коммунистов.

— Любопытно будет прочитать.

Михаил Кольцов лукаво прищурился:

— Знаете, я когда-нибудь и о вас напишу, соседка, мой свет...

— Не выдумывайте, пожалуйста. Что обо мне писать?

Писатель сдержал свое слово. В «Испанском дневнике», как я уже говорил тебе, есть и о Якове Владимировиче и о его друзьях — «курносых», так в Испании называли советских летчиков-добровольцев.

— Почему «курносых»? — удивился Герман.

— В Испанию наши летчики прибыли на советских истребителях «И-15» и «И-16». Испанцы стали называть эти машины «Чатос» и «Москас». В переводе это и значит «Курносые» и «Мушки». Вот отсюда и наших летчиков тоже называли «курносые». Кроме того, каждому из них, как и Смушкевичу, в целях конспирации были даны не русские, а иностранные фамилии и имена. Чаще всего испанские. Вот и ответ на твой вопрос: «Почему Смушкевич стал Дугласом?»

Когда Михаил Кольцов подарил соседу «Испанский дневник» с автографом, Яков Владимирович очень обрадовался. Он хранил книгу, как дорогую реликвию.

Об «Испанском дневнике» восторженно отзывались виднейшие писатели страны, участники испанских событий. Читатели и критики увидели силу этой книги в ее правде. Михаил Кольцов рассказывал

о другой земле, другом небе, другом народе и другой жизни. Но люди Советской Страны всеми своими чувствами были связаны с этой землей и небом. Для Смушкевича «Дневник» стал книгой, которую он не раз читал и перечитывал.

Почитай ее и ты. Кончишь, тогда и поговорим о прочитанном.

3

Мальчик начал читать книгу охотно, но быстро устал. Нет, что ни говори, а «Дневник» Михаила Кольцова не похож на приключенческий роман, его на одном дыхании не прочтешь. Уже после десятой страницы Герман стал заглядывать в середину и конец книги — где же о Смушкевиче? Мешало читать обилие названий, которые встречал впервые, фамилий и имен незнакомых людей. Да и о самих боях за революционную Испанию он знал очень мало.

Слушать об «Испанском дневнике» Герману было интересно, чтение книги напоминало домашнее задание, подготовку к уроку.

— Читаешь? — поинтересовался Павел Петрович, увидев внука с книгой Кольцова в руках.

— Ты лучше объясни мне, а то я вообще толком здесь ничего не пойму.

— Что ж тебе непонятно?

— Где здесь о Дугласе, не нашел.

— Читай подряд, найдешь.

- Подряд. Так я целый месяц буду читать.
- Куда же торопиться, читай не спеша.
- Ага. Другие книги тоже надо читать. Ты уж лучше покажи, где читать, поясни...

Дед улыбнулся. Когда Герке было годика три-четыре, он в кино или у телевизора всегда просил: «Дедка, поясни, что я вижу». Вот и сейчас вспомнил это слово: «поясни».

— Пояснить, то есть объяснить, изволь. Вот смотри, эта запись сделана Михаилом Кольцовым в январе. Он рассказывает о воздушных боях в небе Мадрида. Обрати внимание, писатель подчеркивает, что у революционных летчиков был принцип — уходить из боя только тогда, когда противник очистил воздух. Летчики Испании твердо усвоили, что пока соблюдается это правило, враг не будет зазнаваться. Если же хоть раз уйти с воздушного поля битвы, хотя бы даже самым военно-научным способом, но оставив воздух противнику, — не ждите добра. Это нужно тебе объяснить?

— Нет, ясно. Видишь врага — бей его.

— Правильно. Надо сказать, что республиканские соколы твердо придерживались этого правила. Фашистам пришлось сильно сократить свои налеты на Мадрид. Они боялись малыми силами появляться над городом. Если уж идут, то восемнадцать-двадцать машин сразу. Небо закрывают. Ревут моторы. Идут строем, внушительно...

— Вроде как в фильме «Чапаев» психическая атака, да?

— Похоже. Но стоит появиться истребителям с красными полосами на крыльях, знак республиканской авиации, как фашисты бросаются наутек. После каждого такого «психического», как ты сказал, воздушного налета на Мадрид генерал мятежников Франко недосчитывался многих своих воздушных пиратов.

А вот здесь, читай, речь уже идет о генерале Дугласе. Писатель вспоминает о записной книжке летчика, которую тот носил в верхнем кармане простой полосатой тужурки. В записной книжке Дуглас вел учет своим прибылям и убыткам. «Баланс получается более чем активный и даже поразительный, — записывает в своем дневнике писатель. — Знаменитая эскадрилья Рихтгофена сбила за полтора года первой мировой войны сто сорок самолетов».

— Рихтгофен — красный или белый? — спросил внук.

— Летчик германской армии еще в ту войну. Кольцов, вернее сам Смушкевич, заметил, что Рихтгофен и еще пять лучших истребителей сбили сто двадцать самолетов. Остальные летчики эскадрильи всего двадцать. За полтора года не так уж и много. Республиканские летчики Испании сбили за два месяца в одном только мадридском секторе семьде-

сят германских и итальянских аппаратов (а уничтожить современный скоростной истребитель — это не то, что сбить «летающий гроб» образца 1916 года). В революционной Испании не было ни одного пилота, у которого налет превышал бы сорок часов на одну сбитую машину противника. У лучших бойцов приходилось по семи часов.

Таковы подсчеты, сделанные в записной книжке генерала Дугласа. Писатель с Дугласом встретился под Мадридом в эскадрилье, которой командовал прославленный ас Испании лейтенант Паланкар. Михаил Кольцов заинтересовался асом, задавал Паланкару множество вопросов. Особенно его занимал наделавший много шума прыжок лейтенанта с парашютом на один из мадридских бульваров. Прочтем это место:

«Лейтенант Паланкар — маленький, плотный, с озорными глазами, отвечает тихо, с лукавинкой:

— Как хотите, так и считайте. Конечно, с меня причитается разбитая машина. И я за нее отвечаю. И я ведь, по правде говоря, сам колебался: прыгать ли. Для хорошего бойца чести мало, если выпрыгнешь из самолета, пока его можно хоть как-нибудь использовать. Это вот у итальянцев, у «фиатов» такая манера: только к их куче подойдешь, только обстреляешь — и уже хаос, дым, сплошные парашюты.

А тут была большая драка, и мне перебили тросы. Машина совсем потеряла управление. Я все-таки пробовал ее спасти. Даже на двухстапятидесяти метрах привстал, отвалился влево и старался как-нибудь держаться на боку. Но ничего не вышло. Тогда, метрах на восьмидесяти, решил бросить самолет. Если, думаю, буду жить, рассчитаюсь...

Прыгнул — и несет меня прямо на крыши. А у меня голова хоть и крепкая, но не крепче мадридских каменных домов. Хорошо еще, что ветер в нашу сторону: при такой тесноте тебя может ветром посадить к фашистам. Опускаюсь и думаю: мыслимо ли быть таким счастливецом, чтобы, например, спрыгнуть на арену для боя быков... Конечно, таких случаев не бывает. Но вдруг подо мною обнаруживается бульвар Кастельяна. Тот самый, на котором я столько вздыхал по синьоритам... Ну, спрыгнул на тротуар. Самое страшное оказалось здесь. Меня мадридцы почти задушили от радости. Всю куртку изодрали. А за машину я понемногу рассчитываюсь и даже с процентами: четыре «хейнкеля» уже сбил, бог даст, собьем еще что-нибудь подходящее».

— Разве не интересно? — отложив в сторону книгу, спросил дед внука.

— Интересно, — согласился Герман.

— Раз интересно, то и читай дальше сам. Стоит ли тебе объяснять, что и лейтенант Паланкар, как

собственно и другие республиканские летчики, летали на советских истребителях, обучали их питомцы Смушкевича, прививали им почерк своего любимого командира.

4

Герман был в восторге — наконец он сам нашел несколько страниц в «Испанском дневнике», где речь шла о генерале Дугласе. Едва Павел Петрович появился на пороге, вернувшись с работы, как внук бросился к нему на шею:

— Быстрее, быстрее, дедка, я тебе покажу что... Вот о Смушкевиче.

Раскрыв книгу на страничке, заложеной бумажкой, мальчик прочитал вслух:

«Генерал Дуглас, черноволосый, с длинным, молодым, задумчивым лицом, перебирает в памяти два месяца отчаянной, смертельной борьбы за воздух, борьбы с опытным и наглым врагом».

Внук торопливо листает странички. Вот еще одна закладка:

— Здесь об этом немецком летчике Рихтгофене, о котором ты вчера читал. Оказывается, у него в эскадрильи в ту мировую войну служил и сам Ге-

ринг. Я узнал — потом он был помощником Гитлера и всей его авиацией командовал.

Вот послушай, что об этом сам Смушкевич говорил: «Нам пришлось первыми в мире принять на себя удар армии, вооруженной всей новейшей, передовой германской техникой. Ведь германская армия имела выдающиеся заслуги во время мировой войны. Воздушный генерал Геринг трубит на весь мир о доблестных традициях истребительной эскадрильи Рихтгофена, в которой он сам служил». Ну, об этом ты мне уже рассказывал.

— Читай дальше.

«Геринговские летчики на германских машинах образца тысяча девятьсот тридцать шестого года — это именно то, перед чем дрожат правительства Парижа и Лондона».

— Стоп! — прервал чтение Павел Петрович. — Запомни: и Англия и Франция, считавшиеся могучими военными державами, дрожали перед воздушными силами гитлеровской Германии. Действительно, авиация у них была очень сильная. В тысяча девятьсот сорок первом году нам пришлось в этом убедиться. Самолеты со зловещими крестами на крыльях вначале господствовали в воздухе. Они бомбили наши города. Уже в первые часы войны горели Вильнюс и Каунас, Минск и Киев, Севастополь. Мы слышали, как воют бомбы.

Многие тогда спрашивали — что делают соколы Смушкевича, ведь мы ими так гордились, где же они?

Гитлеровцы начали военные действия внезапно, по-бандитски. Многие наши самолеты не успели даже подняться в воздух. Гитлеровские стервятники первые бомбовые удары нанесли именно по аэродромам. Потеря многих сотен самолетов в тот период нанесла чувствительную брешь советской авиации, восполнить их потерю удалось не скоро.

Но давай вернемся к испанским делам. Что это у тебя еще за закладка? — спросил журналист.

Ткаченко открыл «Дневник», где между страницами лежала бумажка, прочитал: «Слава героям воздуха! Фашистские самолеты, сбитые летчиками свободы, свидетельствуют перед миром, что фашизм будет побежден у ворот Мадрида. Да здравствуют пилоты республики!»

— Мадрид все-таки фашисты взяли, с грустью в голосе сказал Герман.

— Да, взяли. Взяли, несмотря на героизм испанских республиканцев, их друзей из Советского Союза и других стран. Фашизм разбили не под Мадридом, а под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, в Берлине. И громили его вместе с другими воинами Советской Армии и «курносые» Смушкевича. Но

громить фашизм они начали под Мадридом. И полученное там боевое крещение, накопленный опыт имгодились.

ОТЕЦ

1

Протяжно зазвонил телефон. Герман снял трубку:
— Квартира Ткаченко. Дома... Сейчас позову...

Открыв дверь в кабинет к Павлу Петровичу, закричал:

— Дедка, быстрее. Москва! Смушкевич звонит...

В глазах мальчика нетрудно было прочитать и любопытство, и удивление, и восторг. Он не спешил покидать прихожую, пока дед вел разговор с кем-то из знаменитой семьи Смушкевичей. Как назло, дед был немногословен, ограничивался короткими, малозначащими «да», «очень хорошо», «жду», «буду рад». И только дважды упомянул имя и отчество «Роза Яковлевна».

Когда трубка была снова положена на аппарат, а дед отправился к своему столу, Герман не смог дальше скрывать любопытство, спросил:

— Кто звонил, какой Смушкевич?

— Не какой, а какая, — ответил Ткаченко, — Роза Яковлевна. Дочь Якова Владимировича Смушкевича. Она очень много сделала для того, чтобы люди помнили, узнали новые подробности о жизни и делах ее замечательного отца. Мы давно знакомы, дружим с Розой Яковлевной. Она свела меня со многими людьми, знавшими Смушкевича, собирала воспоминания о Якове Владимировиче. Интересны и ее рассказы об отце... Правда, ей было всего лет четырнадцать-пятнадцать, когда она потеряла отца. А теперь давай попросим Розу Яковлевну поделиться воспоминаниями об отце. Если не возражаешь, я буду говорить от ее имени.

— Редко мне приходилось видеть отца дома. Папа часто улетал «по специальному заданию правительства». Так нам объясняла мама. Поэтому больше запомнились встречи, чем расставания. Как сейчас вижу украшенный флагами центральный военный аэродром Москвы. Игрет музыка. Много военных. На летном поле группа гражданских — портреты многих из них висели в классах школ, печатались в газетах, их несли в колоннах демонстранты. Мама называет мне известные фамилии людей, пришедших встречать папу и его друзей. А я смотрю, смотрю в голубое небо. Хочу раньше всех увидеть самолет, на котором летит папа...

— Вот они, вот, — кричу я, но все уже видят появившиеся в небе краснорозетные машины.

Самолеты подрулили к центральной площадке. Первым появляется папа. Он шел, хромя, навстречу Ворошилову.

Мама всплеснула руками, сказала мне на ухо:

— Горе нам. Он опять ранен.

Только тут я заметила, что папа одет не по форме. Вместо галифе на нем длинные брюки. Одна нога забинтована.

Такой мне запомнилась встреча героев-летчиков, вернувшихся в Москву после победы над японцами.

Когда же у папы выпадали свободные (я не скажу дни) часы, то он здесь уж был полностью в нашей власти — моей и младшей сестры Лёны. Матери мы не давали даже подойти к отцу.

Помню, как отец, высокий и сильный, «по моему велению, по моему хотению», становился резвым конем, а я, забравшись ему на спину, изображала лихого кавалериста, размахивала самодельной саблей.

Отец всегда очень беспокоился, не находил себе места, если случалось одной из нас заболеть или куда-нибудь отлучиться без спроса. Мама даже смеялась:

— Ты дрожишь над Розочкой и Лёной, как наездник над цыплятами.

Вечером Ткаченко продолжил рассказ о семье героя, его детях.

Лето Смушкевичи проводили на даче, которая была построена в роще, на берегу Москва-реки. Сюда приезжали его друзья — летчики, артисты московских театров, с которыми Якова Владимировича связывала крепкая дружба. Они загорали на прибрежном песке, ловили рыбу, варили уху.

— Какая вежливая тишина! Неужели нельзя встать кому-нибудь и сказать что-нибудь? — эту фразу с детства запомнила Роза Яковлевна. Запомнила она и актрису, игравшую Комиссара из «Оптимистической трагедии», в гостях на даче. Этой фразой из вступления к пьесе она начинала разговор у костра. Как правило, оказывалось, что не только «матросский полк, прошедший свой путь до конца», имеет намерение обратиться к потомкам.

В притихшей роще звучали бессмертные строки трагедий Шекспира, представлялись герои погодинских «Аристократов» и лавреневские матросы из «Разлома».

Смушкевич любил пьесу «Оптимистическая трагедия». Он несколько раз смотрел спектакль, внимательно слушал сценки, разыгрываемые Комиссаром. Они напоминали ему пережитое. Случалось

иногда, принимая трудное решение, повторял фразу из роли героини «Оптимистической трагедии».

— Да-а... Вот так и приобретается опыт, товарищ комиссар!

...Много беспокойства доставил Смушкевичам один воскресный день на даче. Исчезла Роза. Только что девочка была здесь, рядом с родителями, вертелась возле артистов, и вот ее нигде нет.

— Роза! Ро-за! — приложив ладони к губам, звал Яков Владимирович. Не раз и не два он вместе с женой прошел по лесным тропинкам — девочки нигде нет. В голову лезли самые страшные мысли: не сорвалась ли в реку, не заблудилась ли в лесу. Расспрашивали всех знакомых, никто не видел Розу, не знает, куда она девалась.

Яков Владимирович, кажется, ни в одном бою так не волновался, как в этот воскресный день.

Поздно вечером на даче раздался телефонный звонок. Сообщили, что девочка нашлась далеко от дачи.

Отец для порядка пожурил дочь, что без спроса отправилась на прогулку, но не мог скрыть своей радости — Розочка жива и невредима.

Шалости, непослушание не всегда заканчиваются так невинно. Они привели к большой беде, трагедии и в семье Смушкевичей.

В квартире, которую занимала семья, был балкон. Четырехлетняя Ленíна любила на нем играть. Ей нравилось, встав на стул, перегнуться через перила и переговариваться с подружками, играющими на дворе.

Бася Соломоновна категорически запретила девочке это делать.

— Смотри, свалишься, — предупреждала она дочь. Ленíна возражала:

— Я же на стуле стою, а папа на самолете летает...

— Дурочка, — журила ее мать. — Папа умеет летать на самолете. Он большой, а ты еще маленькая, неловко повернешься и упадешь.

Не думала Бася Соломоновна, что слова ее окажутся пророческими. Но разве знаешь, где подстерегает тебя беда?

Совсем не надолго мать оставила Ленíну одну в квартире. Роза играла на дворе, а Басе Соломоновне надо было провести вдову знакомого летчика, который погиб в воздушной катастрофе.

Через час вернулась Бася Соломоновна домой, а Ленíны уже не было в живых — вышла на балкон, взобралась на стул, перегнулась через перила и свалилась во двор.

Печальная весть застала Якова Владимировича вдали от дома. Он выполнял специальное задание

командования на Дальнем Востоке. Даже не смог прилететь на похороны дочери. Все, что мог прислать домой — телеграмму. Слабым утешением в час скорби служат узкие полоски бумаги, наклеенные клейстером на телеграфный бланк.

«Не представляю, как смерть могла вырвать у нас Ленину тчк Знаю как тебе тяжело без меня переносить эту утрату тчк Крепись помни у нас есть еще дочь Роза ради которой ты должна жить тчк Крепись Баинька скоро будем вместе тчк».

Даже самые сердечные слова, разделенные «тчк», не заменяют в беде руку друга, его глаз, в которых можно увидеть искреннее участие, найти утешение.

Вернулся домой Яков Владимирович лишь через несколько месяцев. Квартира показалась пустой и неуютной. Жена, услышав шаги, закричала и бросилась в другую комнату, заперлась на ключ.

Старшая дочь, теперь единственная, ухватив отца за галифе, говорила:

— Мамочка у нас совсем одичала. Она даже не причесывается, не хочет умываться... Разве хорошо грязной ходить?

— Нехорошо, дочка, нехорошо, милая. Баинька, открой дверь. Ленину теперь не вернешь.

Жена молчала. С силой толкнул плечом дверь. Жена сидела на кровати и со страхом в глазах смотрела на приближающегося мужа.

— Ты что же это, Баинька, нельзя так.

— Не уберегла нашу звездочку, виновата, — не закричала, а еле слышно произнесла посиневшими губами жена.

— Иди сейчас же в ванную, приведи себя в порядок, — не просил, а приказывал Смушкевич жене.

Раздался телефонный звонок:

— С вами будет говорить нарком.

Ворошилов говорил о высоком доверии, которое оказала партия Смушкевичу. Только что принято решение: Яков Владимирович утвержден командующим воздушным парадом над Красной площадью в день Первого мая.

— Есть командовать парадом! — машинально ответил в трубку, немного помедлив, добавил: — Благодарю, товарищ нарком, за оказанное доверие.

30 апреля Смушкевич поехал на аэродром вблизи столицы проверить самолеты, которые завтра пролетят над Красной площадью. Из дому позвонил механику:

— Подготовьте флагманскую машину к полету. На аэродроме осведомился о готовности машины.

— Порядочек, товарищ командующий.

— Контакт, — поднял над кабиной руку Смушкевич.

— Есть контакт! — ответил моторист.

Заработали моторы, плавно покачиваясь, послушная умелой руке летчика, машина пошла по взлетной дорожке, начала набирать высоту. И вдруг самолет клюнул носом, замерли моторы. Планировать нельзя, нет высоты. Едва успел перекрыть бензин, как раздался грохот, треск.

Очнулся в одной из палат Боткинской больницы. Как новорожденного, всего туго спеленали бинты. Над кроватью стояли Бася Соломоновна и Роза.

— Все в порядке, Баинька, немного отлежусь и вернусь домой.

Ему делали одну операцию за другой. Левая нога после того как были удалены раздробленные кости, стала значительно короче. С правой — дело обстояло и того хуже. Оказалась раздробленной тазобедренная кость. Профессор все сокрушался:

— Я же не господь бог, а только человек, как я могу из этой манной каши сделать вам снова кость! Вы падаете с неба, а медицина должна вам делать удароустойчивые кости.

— Вы мне спасли жизнь, профессор, но зачем она, если я не могу летать?

— Мне кажется, Яков Владимирович, что вы и без ног полетите, с таким характером...

ЖИВОЙ? БОРИСЬ!

1

— Что же это ты, ясный сокол, крылья опустил? — маршал провел указательным пальцем по коротко подстриженным усам.

— Верно заметили, товарищ маршал, сокол — только бескрылый, — улыбнулся Смушкевич довольный, что его пришел проводить Климент Ефремович Ворошилов.

— Эка беда, — сказал нарком, — крылья отрастут. Мы, большевики, народ живучий. Нас голыми руками не возьмешь!

— Посмотрите на эти конечности, Климент Ефремович, — не в силах подавить грустного настроения, произнес Смушкевич. — Еще недавно их называли ногами.

— Отставить! Не нравится мне этот тон, Яков Владимирович. Ноги некрасивыми стали. Девушка ты, что ли. Натянешь на них галифе, обуешь хромовые сапоги, и ни одна красавица не заметит.

— Мне ноги нужны, товарищ маршал, не для того чтобы по земле шкандыбать, а чтобы педаль чувствовали, чтобы в управлении самолетом...

— Захочешь — и педаль почувствуют.

— Разве костыль способен чувствовать? Вон они в углу стоят. Профессор советует учиться ходить с костылями. Откровенно скажу, занятие более трудное, чем самолет водить. — Смушкевич немного помолчал, потом тряхнул черной шевелюрой и как клятву произнес: — Я буду летать, товарищ нарком, буду!

— Это мне нравится. Настырный ты человек, Яков Владимирович. Чего хочешь, добьешься. Но врачи жалуются: установленный ими порядок нарушаешь.

— Наябедничали?!

— Знаю и то, что за дверью сидит твой личный секретарь и наблюдает, чтобы ты режим хотя бы немного соблюдал, — Ворошилов распахнул дверь в соседнюю комнату, позвал: — Бася Соломоновна, пожалуйста сюда.

Смущенная, вошла жена Смушкевича.

— Здравствуйте, Климент Ефремович, вы уж его хорошенько отругайте, такой неслух стал, сил моих нет.

— Какой же она личный секретарь, Климент Ефремович, раз на меня жалуется. Уволю. Это лишний секретарь, а не личный.

— Ты помнишь «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого? — спросил Павел Петрович внука.

— Ага, и фильм видел.

— Значит, можешь представить себе, как Смушкевич учился ходить, танцевать, водить автомашину, затем и самолет. Все было примерно так же, как и у героя «Повести о настоящем человеке». И, конечно, в это время Бася Соломоновна была для Якова Владимировича первым помощником. Она всегда помнила, когда Смушкевичу надо принимать лекарство, делать массаж, пойти на осмотр к врачу.

Нелегко пришлось Басе Соломоновне, когда муж решил научиться танцевать. Теряя равновесие, Яков Владимирович наступал на ноги своей многострадальной партнерше по танцам. Бася Соломоновна даже вида не подавала, что ей больно, что устала. Она вытирала пот со лба неловкого танцора, спешила сменить ему промокшую рубаху.

Наконец настал день, когда они вдвоем появились на вечере в Центральном Доме Красной Армии. Смушкевич шел по залу, поскрипывал новыми хромовыми сапогами, одетый по всей форме. Как только зазвучала мелодия вальса, Бася Соломоновна и Яков Владимирович решительно вступили в круг

танцующих. Собравшиеся, заглушая музыку, стали аплодировать. Они приветствовали мужество человека, который наперекор всему снова обрел ноги. Они приветствовали и мужество его подруги, которая выходила мужа после катастрофы, буквально поставила на ноги.

Когда же Смушкевич убедился, что ноги его держат на земле, то помчался на аэродром.

Бася Соломоновна плакала, умоляла мужа не рисковать жизнью, не летать.

— Глупенькая моя, — возражал Смушкевич. — Разве я смогу вылечиться, если не буду летать. Каждый полет для меня больше, чем лекарство. Он дает силы, делает осмысленной жизнь.

ПЕЧКА

1

Редакция жила своей размеренной жизнью. Из типографии по трубам с шумом проносились патроны, которые, Герман знал, заряжены не порохом, а оттисками статей, мокрыми страницами газеты, которую только завтра получают читатели. Мальчишка важно шагал за Павлом Петровичем, а проходив-

шие мимо сотрудники редакции, поздоровавшись со старым журналистом, обращались и к его внуку:

— Как дела, старик? Скоро к нам на работу поступишь?

Герман был удивлен, что «стариком» в редакции почему-то называют всех — и его деда, и молодых парней, и вот даже его, мальчишку, и то в старика превратили. Спросил у деда, почему так называют, но Павел Петрович только плечами пожал. Он сам не знал, когда это началось, почему во всех редакциях журналисты говорят друг другу «старик».

На столе в кабинете у Павла Петровича Ткаченко лежала пожелтевшая пыльная подшивка газеты «Известия».

— Сейчас мы займемся с тобой этим комплектом, — сказал дед, — устраивайся поудобнее. Здесь мы найдем кое-что для нас интересное. Смотри, какой год?

— Ого! Тысяча девятьсот тридцать девятый, — удивился Герка, — это же вышла газета, когда...

— Когда дед еще был молодым, — засмеялся Павел Петрович.

У Германа было такое чувство, будто, листая страницы старой газеты, он вместе с дедом совершает путешествие в далекие довоенные годы. Мелькали заметки о стройках пятилетки, снимки стахановцев, сообщения с фронтов начатой фашистами войны в

Европе, героизме советских пограничников и летчиков.

— А теперь смотри внимательно, читай, — предложил Павел Петрович.

На первой странице газеты был напечатан портрет кудрявого, черноволосого летчика в военной форме.

— Смушкевич! — догадался Герман.

— Он самый. А вот и Указ Президиума Верховного Совета СССР. Я хочу, чтобы ты его не только прочитал, но и переписал, запомнил.

Павел Петрович положил перед внуком чистый лист бумаги, шариковую ручку, а затем медленно начал диктовать:

«УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР
О награждении Героя Советского Союза комкора
Смушкевича Якова Владимировича
второй медалью «Золотая Звезда»

За образцовое выполнение боевых заданий по организации Военно-воздушных частей РККА, дающее право на получение звания Героя Советского Сою-

за — наградить комкора Смушкевича Якова Владимировича второй медалью «Золотая Звезда», соорудить бронзовый бюст и установить его на родине награжденного.

*Председатель Президиума Верховного
Совета СССР*

М. КАЛИНИН

*Секретарь Президиума Верховного
Совета СССР*

А. ГОРКИН

Москва, Кремль, 17 ноября 1939 года».

Ткаченко кончил диктовать, взял написанное внуком, сверил с газетой:

- Молодец, ни одной ошибки. Значит, запомнил?
- Угу, — подтвердил мальчик.
- Когда был принят Указ?
- 17 ноября 1939 года.
- Отлично. Еще вопрос. Где решили установить бюст Смушкевича?
- На родине награжденного.
- Ты помнишь, где родился Яков Владимирович?
- Конечно, у нас в Литве, в Рокишкисе.
- А когда в Литве установили Советскую власть?

— В июле 1940 года, — как заученный урок, ответил Герман.

— Указ же был принят в тридцать девятом году, когда в Литве, значит, и в Рокишкисе, у власти еще находились литовские фашисты. Они, конечно, не собирались ставить бюст советскому летчику, коммандору. Но Указ прочли и отреагировали на него по-своему.

— Как?

— Об этом мне когда-то рассказывал брат героя, ныне уже покойный, Семен Владимирович Смушкевич. Попробую я тебе передать его рассказ, но это вечером, дома. А сейчас мне работать надо.

2

— Семен Владимирович был очень похож на старшего брата, — начал вечером рассказывать внуку старый журналист. — Такой, как ты видел сегодня на портрете в газете. Хотя жизнь у братьев сложилась совсем по-разному. В отличие от Якова, младший брат жил с родителями в Рокишкисе, героических подвигов не совершал. Тихий, скромный парень, ничем не выделялся среди своих сверстников. Семья, как ты сам понимаешь, долгое время сведений о Якове не имела. Мать и отец не раз оплаки-

вали его, как погибшего или пропавшего без вести во время минувшей гражданской войны.

Из неведения семью вывело, как ни странно, местное охранное отделение, которое в фашистской Литве называлось «жвальгибой».

Вот как об этом рассказывал мне Семен Владимирович Смушкевич.

— Пожалуй, я начну танцевать от печки, — изменив голос, видно, подражая брату героя, продолжал рассказ Павел Петрович, — какой печки? Той самой, облицованной кафелем, наверху которой греется пухлый амур. Она имеет самое непосредственное отношение к рассказу.

Далеко не в прекрасный ноябрьский день, когда уже землю покрыл первый снег, но по-настоящему зима еще не наступила, отца и меня вызвали в «жвальгибу». Идем, а у самих колени дрожат. Чего хорошего могут нам сказать в охранке. Ну, вызвали так вызвали — никуда не денешься, надо идти.

Постучали в дверь, тихонько переступили порог. Начальник «жвальгибы» посмотрел на нас таким взглядом, что даже в животе захолонуло. На столе перед ним пистолет лежит. Не очень большое удовольствие смотреть на этот пистолет. Всякие дурацкие мысли в голову лезут. Отец потом говорил, что он даже с жизнью распрощался, думал, что, мол,

все заплата уже поставил на пиджаки и штаны земляков.

— Ступайте сюда, — поманил нас пальцем начальник «жвальгибы».

— Слушаем вас, господин начальник, — ответил отец дрожащим голосом, и я почувствовал, как он руку мне на плечо положил. Видно, стоять трудно стало. Дело прошлое, могу признаться, что и у меня ноги дрожали.

Начальник на газету показывает, что на столе лежала, спрашивает:

— Узнаете?

— А как же, пистолет, — ответил невпопад отец. Видно, его загипнотизировал пистолет, что лежал на столе рядом с газетой.

Начальнику бы рассмеяться, а он рассвирепел:

— Ты что это, дурья башка, комедию сюда пришел разыгрывать. Пистолет! Вот я тебе покажу сейчас пистолет. Я не о пистолете спрашиваю, а об этом, — начальник «жвальгибы» ткнул пальцем в русскую газету, прямо в портрет человека, изображенного на снимке. Мне показалось лицо знакомым, но я не догадался, кто это, промолчал. Отец же взял газету, и даже руки у него начали дрожать, на лбу пот выступил.

— По-русски читать умеете? — спросил начальник.

— Какая же у нас грамота, — ответил отец. — Мы и по-литовски не очень, чтобы...

Меня же охота разбирает узнать, что в газете написано. Поэтому я робко признался, что хотя я и не сильный грамотей, но немного по-русски читаю.

— Читай! — приказал начальник и сунул мне под нос газету. — Вслух читай!

Читаю и глазам своим не верю. Указ Президиума Верховного Совета СССР напечатан. Моему брату Якову присваивается звание дважды Героя Советского Союза. Кроме того, мы узнали, что он в Москве большой начальник — комкор, летчик.

Начальник «жвальгибы» увидел, что мы с отцом очень обрадовались, разозлился пуще прежнего, схватил пистолет да как гаркнет:

— Марш к печке!

Мы с отцом бросились к печке. Той самой, облицованной кафелем, с толстым амуром. Начальник командует, чтобы мы навалились на печку. Отец с одной стороны, а я с другой на теплый кафель нажимаем. Глупое занятие, согласен, но что сделаешь, если начальник так велит. Да еще подбадривает, пистолетом перед носом размахивает. Нажимаем на проклятую печку, будь она неладна, со всех сил, аж рубаха к спине прилипла, а начальник знай покрикивает:

— Не жалейте сил, нажимайте!

Долго он нас у этой печки держал. Натешившись вдоволь, подозвал к столу:

— Вот когда эта печка с места сдвинется, тогда и монумент вашему Яшке в Рокишкисе поставят.

Печка на месте осталась, а начальник «жвальги-бы» вкупе с другими фашистами бежал из Литвы. А вскоре и генерал Смушкевич прилетел в Рокишкис.

3

У каждого человека есть свое самое дорогое место на земле. Это место, где родился, где сделал первые шаги, где увидел небо и произнес простое и ласковое слово «мама». Таким местом для Якова Владимировича Смушкевича и был его родной Рокишкис — маленький городок в озерно-лесном крае Литвы. Сколько раз во сне и наяву виделся провинциальный Рокишкис. То он вспоминал о Рокишкисе среди позолоты кремлевских залов, то они виделись ему на курортном побережье Черного моря, он тосковал о родном городке в прекрасном Мадриде и среди унылых песков Монголии.

Из Рокишкиса он уходил в старом пиджаке с отцовского плеча. В кармане краюха хлеба. Уходил по дороге, разоренной войной, в жизнь, вспененную

революцией. Вернулся в родной городок в генеральском кителе, на котором сияли две звезды Героя.

Смушкевичи не были тщеславными людьми, но, вспоминая возвращение Якова Владимировича в Рокишкис, мать его говорила:

— Чтобы прожить один такой день — не жалко жизни. Самая большая наша гордость — дети. Великая честь для отца и матери, если их любовь к сыну разделяет народ.

Утром старый портной вышел из дому, чтобы показать Якову Владимировичу Рокишкис, но, по правде говоря, старику очень хотелось, чтобы соседи увидели его рядом с сыном — генералом.

— Оглянись, сынок, — с гордостью заметил отец, — сколько народа за нами идет, столько не вышло бы на улицы Рокишкиса, если бы приехал сюда сам президент. А ведь сегодня не пасхальный день. У каждого свои дела. На тебя пришли смотреть, и это не только из любопытства. Ты наш — рокишкский. Вот как высоко поднялся. Летчик! Одно слово — Герой.

У ворот школы стоит старый учитель:

— Здравствуйте, товарищ генерал.

Смушкевич, словно все еще школьник, вытянул руки по швам, доложил учителю:

— Ученик рокишкской начальной школы вернулся в родной город.

Крепко обнял учителя, поцеловал в седую холечную бороду:

— Спасибо за то, что вы меня грамоте научили.

— Ох, и силен же ты, Яшка, — расплылся в улыбке учитель, — обнял, аж косточки затрещали. И, обращаясь к толпе, сказал: — Обратите внимание, люди, кто в Советском Союзе в Героях и в генералах ходит. Сын простого труженика, нашего рокишкского портного. Разве такое могло случиться в буржуазной Литве? Но теперь и у нас жизнь по-другому пойдет. Правильно я говорю, товарищ генерал?

— Очень даже правильно. Литва, встав на путь Советской власти...

Отец тянет сына за руку. Он ревнует — ему хочется, чтобы после столь долгой разлуки Яков Владимирович оставался только с ним, смотрел только на него, слушал его.

А тут новая встреча. Старый извозчик из толпы протискивается:

— Здравия желаю, товарищ генерал, — растопырил у лба пальцы, огрубевшие от многолетнего труда. — Не признаешь, что ли?

— погоди! — машет руками отец. — Люди добрые, милые соседи, я вас прошу, тихо, мне с генералом надо посоветоваться.

Толпа стихла, задние тянут шеи, чтобы лучше разглядеть старика Смушкевича и его сына-героя.

— Я думаю так, Яшенька, — словно между прочим замечает портной, когда они пришли на центральную городскую площадь, — здесь пусть и ставят.

— Что ставят? — недоуменно переспросил Яков Владимирович.

— Ну, как его, не памятник, а этот, из бронзы отлитый...

— Бюст, — охотно подсказывает сразу несколько голосов.

— Знаешь, Яшенька, как я узнал, что Советское правительство решило поставить в Рокишкисе твой бюст? Не знаешь? Так я тебе расскажу.

Отец говорит нарочно громко, чтобы слышали даже те, кто стоит сзади. Генералу неловко слушать, как похваляется отец, но останавливать его жалко — впервые старый портной оказался в центре внимания земляков. Отец вспоминает, как его с Семеном вызывал в минувшем году начальник местной «жвальгибы».

Всей толпой, во главе со старым портным и его сыном ввалились в дом, который еще недавно занимала «жвальгиба». Пришли посмотреть печку. Ну что же, печь как печь. Стоит на месте. Наверху упитанный амур отдувается, видно, жарко ему стало.

Мать Якова Владимировича верила в сны. Басева Бентиевна была уверена, что, если человек, заснув на новом месте, увидит что-либо во сне, то это обязательно повторится и наяву.

— Ну, что тебе приснилось, Яшенька? — спросила мать утром после первой ночи, проведенной Яковом Владимировичем под родительским кровом.

Яков Владимирович в ту ночь, устав после дороги, а еще больше от впечатлений, спал крепко и, кажется, не видел никаких снов. Ему не хотелось огорчать мать, и он ответил:

— Прекрасный сон видел, мамочка. Москва мне снилась.

— Чем она тебя приворожила, эта Москва? — недовольно поджала губы мать. — Москва, опять Москва! Двадцать лет прожил в России и только один день в Рокишкисе. И то ночью видишь Москву.

— Мы вместе с тобой были в столице, мама. Привел я тебя на Красную площадь, к Мавзолею Ленина.

— Ха, меня еще не видели на Красной площади! — всплеснула руками Басева Бентиевна и, не-

много помолчав, добавила: — А почему бы и нет. Я положила бы к гробу Ленина букет цветов из нашего Рокишкиса. В благодарность за то, что не оставил тебя в трудное время, помог стать человеком.

— Ой, мама, в жизни мне никогда не посчастливилось увидеть Владимира Ильича... Но ты словно подглядывала мой сон. Действительно ты шла по Красной площади, и в руках у тебя был букет цветов.

— Спасибо, сынок.

— За что, мама, — растерялся Яков Владимирович. — Это же произошло во сне.

— Выдумщик, я знаю, что такое и во сне не приснится. И все равно спасибо

5

— За наших матерей! — Яков Владимирович поднял бокал вина, искрящегося в многоцветье елочных огней, окинул взором шумный зал, будто мог увидеть среди заполнивших Дом летчика людей родное лицо Басевы Бентиевны, и повторил, — за наших старых добрых матерей!

Сидевшие за одним столом со Смушкевичем мужчины и женщины встали

— Мы перед ними всегда в неоплатном долгу, — поддержал тост нарком авиационной промышленности Алексей Иванович Шахурин.

Угадав настроение мужа, Бася Соломоновна убежденно сказала:

— В этом году мы обязательно привезем маму в Москву.

В ту новогоднюю ночь Яков Владимирович был настроен сентиментально. Он вспоминал недавнюю поездку в Рокишкис, встречу с родителями после двадцатилетней разлуки, первого своего командира Яна Фабрициуса...

Товарищи по новогоднему застолью — нарком Шахурин с супругой и летчик, известный своим пристрастием к дальним перелетам, Александр Евгеньевич Голованов слушали с интересом. Воспоминания о годах молодости отвлекали от тяжелых мыслей, которые не давали последнее время покоя людям, связанным с армией. Провозглашая новогодние тосты за успехи, за счастье, доброе здоровье — они думали о том, что в воздухе пахнет порохом, что войны не миновать.

— Пусть новый 1941 год будет годом мирного труда! — провозгласил тост летчик Голованов. — И пусть мой экипаж совершит беспосадочный полет вокруг земного шара!

— Значит, решили махнуть вокруг «шарика»? — весело сказал Шахурин. — Заманчивая идея. Впервые в мире вокруг земного шара...

Зал заполнили звуки вальса. Высокий офицер подошел к столу, склонил голову:

— Разрешите, товарищ генерал, пригласить Басю Соломоновну...

Пошли танцевать Шахурин с женой. Поднялся из-за стола Голованов.

— Погодите, Александр Евгеньевич, поскучайте со мной, — попросил Смушкевич и, приблизив лицо к уху летчика, спросил: — Письмо Сталину написали? Время не терпит. Бои в Испании, Финская кампания... Нам надо немедленно решать вопрос о создании самостоятельной бомбардировочной авиации. В этом вопросе ваш голос для Иосифа Виссарионовича может иметь решающее значение. К предложениям Шахурина и моим он привык. Вас же...

— Какой у меня авторитет. Летчик, и все.

— Мы должны иметь свою авиацию дальнего действия. Должны. И предложение об этом внесете вы, Александр Евгеньевич, и не откладываете, как принято говорить, в долгий ящик. Времени у нас осталось мало, очень мало...

— Никогда я не писал письма в такие высокие инстанции, — словно оправдываясь, произнес Голованов.

Теперь же напишите. Предложите для начала создать полк дальнебомбардировочной авиации. Мы вас поддержим, — пообещал Яков Владимирович.

Затихли звуки музыки. К столу вернулись раскрасневшиеся, оживленные танцоры.

— Все секретничаете! — сказала Бася Соломоновна. — Сам не танцуешь, так хотя бы не мешал Александру Евгеньевичу. Когда и потанцевать, как не в эту ночь. Весь год у вас впереди — насекретничаетесь, успеете.

— Точно, Баинька, — согласился Яков Владимирович и незаметно под столом пожал руку Голованову. — Действуйте, Александр Евгеньевич, действуйте.

После встречи Нового года Смушкевич не успокоился. Еще раз или два напоминал Голованову о письме. Наконец письмо было написано. Сталин поддержал предложение летчика. Вскоре был создан первый в нашей стране полк дальнебомбардировочной авиации. Командиром его назначили Александра Евгеньевича Голованова. Этот полк положил начало авиации дальнего действия, о которой мечтал Смушкевич. И командующим авиацией дальнего действия во время войны стал летчик Голованов.

Таков был финал последней в жизни Смушкевича новогодней встречи, встречи пришедшего в тревоге тысяча девятьсот сорок первого года.

СНОВА В РОКИШКИСЕ

1

— Завтра, Гера, едем в Рокишкис. На открытие памятника Смушкевичу. Смотри не проспй.

В машине, кроме редакционного шофера и деда, сидел еще незнакомый мужчина со смуглым лицом, густыми, словно снегом запорошенными, волосами.

— Знакомьтесь, товарищ Антонио, представил внука незнакомцу Ткаченко, — Герман страстный поклонник Смушкевича.

Незнакомец похлопал мальчика по плечу и с сильным акцентом сказал:

— Герман. Это, как Титова, космонавта. Наверное, тоже будешь космонавтом?

— У нас в школе кружок космонавтов есть, — похвастался Герман.

Ткаченко объяснил внуку:

— Товарищ Антонио — летчик испанской республиканской авиации. Теперь живет в Советском Союзе. Воевал вместе со Смушкевичем.

— Генерал Дуглас — мой учитель. Он был человек с крыльями! — воскликнул испанец. — Крылатый человек.

— У нас его называли в свое время «крылатым комиссаром». Крылья человека — его идейность,

убежденность, — ответил Ткаченко, — сила Якова Владимировича была именно в этом.

Антонио, говоря о любви испанского народа к «курносым» Смушкевича, вспомнил, как в палату, где лежал раненый советский летчик, зашел богатый испанец. Он сказал, что видел, как отважно «курносый» вел воздушный бой против фашистов. В благодарность он решил подарить летчику целый пароход с апельсинами и мандаринами. Пусть советский ас тоже станет богатым человеком. Летчик подарок принял, поблагодарил, а пароход отправил в Советский Союз, чтобы цитрусовыми полакомились дети испанских революционеров, которых радушно приютили советские люди.

За разговорами незаметно промелькнула дорога до Рокишкиса. Город встретил гостей хлебом-солью, кумачом знамен. На улицах было многолюдно, как в дни больших народных праздников. По мостовой шла длинная колонна ветеранов войны, у каждого через плечо широкая красная лента, на ней поблескивают ордена и медали — знаки воинской доблести. За ветеранами шагали пионеры...

На площади возле пьедестала, пока еще закрытого полотном, памятника много гостей. Выделяются высокие генеральские папахи — соратников Смушкевича.

Павел Петрович подошел не к генералам, а к группе гражданских людей, поздоровался и сказал одной из женщин:

— Разрешите вам представить внука. Он давно мечтал с вами познакомиться.

— Как тебя зовут, мальчик?

— Гера.

— А меня Роза Яковлевна Смушкевич.

Герман не успел даже как следует разглядеть дочь героя. Начался митинг.

— Немеркнувшую славу и уважение заслужил выдающийся советский полководец Яков Смушкевич, — говорил высокий полный человек. — С юных лет его жизнь связана с Советской Армией, с ее Военно-воздушными силами. Его пример показывает, каким должен быть коммунист.

Оратор сменяет оратора. В морозном воздухе звучат слова, полные признательности герою, чья жизнь была сплошным подвигом.

С памятника спадает покрывало. Орлиным взглядом смотрит отлитый в бронзе Яков Владимирович Смушкевич на своих земляков, боевых соратников. Он снова вернулся в Рокишкис.

Вечером в Рокишкском клубе продолжались торжества. Выступил космонавт Георгий Береговой, он сказал, что, готовясь к ответственным полетам, со-

ветские космонавты помнят тех славных соколов, которые прокладывали им путь к звездам.

— Если хочешь стать космонавтом, — говорил Георгий Тимофеевич Береговой, — то должен унаследовать от таких летчиков, как Смушкевич, мужество, мастерство, упорство в борьбе за достижение цели, патриотизм, верность идеалам коммунизма.

2

Фары машины освещают бесконечное белое полотно дороги. Медленно кружась, на смотровое стекло падают снежинки. Сивозь дремоту мальчик слышит голос Берегового:

— Если хочешь стать космонавтом...

— Хочу, — отвечает Герман. — Завянет: — буду таким, как Смушкевич!

Мальчику видится голубое небо, журавлиная стая, впереди летят самые сильные птицы. И от них нельзя отставать.

г. Вильнюс

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
-----------------	---

ГРОЗА В ИЮЛЕ

Тухачевский	11
На фронт	28
В пути	35
Варейкис	43
Муравьев	71
Знакомство	94
Под красные знамена	124
Тревога	147
Надвигается гроза	163
Мятеж	195
Расплата	217

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ СТАТЬ КОСМОНАВТОМ

Знакомство с морем	245
На земле кузнеца Игнотаса	250
В пороховом дыму	264
Так вырастают крылья	278
Крылатый комиссар	289
Мы — коммунисты	296
Часы комбрига	302
Незарегистрированный рекорд	313
Прощай, Паланга	319
Сосед	338
Отец	350
Живой? Борись!	359
Печка	362
Снова в Рокишкисе	379

Павел Гельбак

ЗЕМЛЯКИ

Повести

Редактор **И. К а ш н и ц к и й**

Художник **В. П а н а с к о в а с**

Техн. редактор **Б. Ш л и в и н с к е н е**

Корректор **А. В а й ц е к а у с к е н е**

Сдано в набор 8.I.1975. Подписано к печати 7.IV.1975. ЛВ 09091.
Издательский № 7928. Типографическая бумага № 1, формат
70×108¹/₃₂ — 6 бум. л.=16,8 печ. л.; 11,9 уч.-изд. л. Тираж
15 000 экз. Заказ № 26. Цена 55 коп.

Издательство «Вага», Вильнюс, пр. Ленина 50. Напечатано в ти-
пографии им. К. Пожелы, Каунас, Гедимино 10.

Г $\frac{0732-124}{М 832(10)-75}$ 319 - 75

р 2
Г 32

Цена 55 коп.